

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

Издается с 2007 г.
(до 2017 г. – под названием
«Философия и социальные науки»)

Выходит три раза в год

1

2021

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор** **РУБАНОВ А. В.** – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: sociology@bsu.by
- Заместители
главного
редактора** **ЛЕГЧИЛИН А. А.** – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: liahchylin@bsu.by
- ФУРМАНОВ И. А.** – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: fourmigog@gmail.com
- Ответственный
секретарь** **ДОБРОРОДНИЙ Д. Г.** – кандидат философских наук, доцент; директор Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета, Минск, Беларусь.
E-mail: danila_dobr@mail.ru
- Агилера М.* Малагский университет, Малага, Испания.
- Андрющенко В. П.* Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.
- Бабосов Е. М.* Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Безнюк Д. К.* Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Водопьянов П. А.* Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.
- Вольферт П.* Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.
- Гигин В. Ф.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Данилов А. Н.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Журавлев А. Л.* Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.
- Зеленков А. И.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Иванич П.* Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
- Карамушка Л. Н.* Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.
- Кирвель Ч. С.* Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
- Козловский В. В.* Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
- Королева И.* Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.
- Косецки А.* Пултуская академия гуманитарных наук им. Александра Гейштора, Пултуск, Польша.
- Купченко В. Е.* Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.
- Лазаревич А. А.* Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Лаптёнок А. С.* Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
- Мазилев В. А.* Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.
- Новиков В. Т.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Порус В. Н.* Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
- Ротман Д. Г.* Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
- Румянцева Т. Г.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Слепович Е. С.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Стелинговска Б.* Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.
- Терещенко О. В.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Титаренко Л. Г.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Тощенко Ж. Т.* Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
- Шатравский С. И.* Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
- Якубовска В.* Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
- Янчук В. А.* Академия последиplomного образования, Минск, Беларусь.
- Яскевич Я. С.* Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **RUBANAU A. V.**, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: sociology@bsu.by

Deputy editors-in-chief **LIAHCHYLIN A. A.**, PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: liahchylin@bsu.by

FOURMANOV I. A., doctor of science (psychology), full professor; head of the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: fourmigor@gmail.com

Executive secretary **DABRARODNI D. G.**, PhD (philosophy), docent; director of the Institute of Social and Humanities Education, Belarus State Economic University, Minsk, Belarus.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Aguilera M.** University of Malaga, Malaga, Spain.
Andryushchenko V. P. National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.
Babosov Y. M. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Beznyuk D. K. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Vodopyanov P. A. Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.
Wolfert P. University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.
Hihin V. F. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Danilov A. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhuravlev A. L. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Zelenkov A. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Ivanic P. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Karamushka L. M. N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Kirvel C. S. Yanka Kupala State University of Grodno, Hrodna, Belarus.
Kozlovski V. V. Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Koroleva I. Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.
Kosecki A. Aleksander Gieysztor Academy of Humanities, Pułusk, Poland.
Kupchenko V. E. Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.
Lazarevich A. A. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Laptenok A. S. Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Mazilov V. A. Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
Novikov V. T. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Porus V. N. National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
Rotman D. H. Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Rumyantseva T. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Slepovich E. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Stelingowska B. Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.
Tereschenko O. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Shatrauski S. I. Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyril of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Jakubovská V. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Yanchuk V. A. Academy of Post Graduate Education, Minsk, Belarus.
Yaskevich Y. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.

УДК 111.83

САМОЦЕННОСТЬ ЖИЗНИ ИЛИ КУЛЬТ СРЕДСТВА: ЦЕННОСТНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

А. В. РУБАНОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается тропократическая социокультурная традиция, основанная на доминировании культа средства в отношении человека к окружающему миру и собственной жизни. В качестве альтернативы культу средства противопоставляются самоцельность и самоценность мира, человека, личности. Институционализация системы ценностных координат *жизнь как средство – жизнь как самоценность* связывается с именем И. Канта, одна из формулировок категорического императива которого гласит: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству».

Ключевые слова: ценность; тропократическая социокультурная традиция; культ средства; самоценность жизни.

SELF-VALUE OF LIFE OR CULT OF MEANS: VALUE ALTERNATIVE

A. V. RUBANAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezależnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The sociocultural tradition is considered, the value basis of which is the dominance of the cult of means in relation to a person to the world and his own life. As an alternative to the cult of the means, the self-integrity and self-worth of the world, man, self is opposed. Institutionalization of the value coordinate system *life as means – life as self-value* in itself is

Образец цитирования:

Рубанов АВ. Самоценность жизни или культ средства: ценностная альтернатива. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;1:4–9.

For citation:

Rubanau AV. Self-value of life or cult of means: value alternative. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;1:4–9. Russian.

Автор:

Анатолий Владимирович Рубанов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Anatoly V. Rubanau, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
rubanov.bsu@gmail.com

associated with the name of I. Kant. One of his categorical imperative formulations says: do so that humanity, both in your person and in the face of any other, is always considered by you as a goal and never just as a means.

Keywords: value; tropocratic sociocultural tradition; cult of means; self-worth of life.

К наиболее известным системам ценностных координат, в рамках которых современные люди делают свой жизненный выбор, можно отнести следующие:

- *эгоизм* (в разных видах, включая разумный эгоизм) как поведение, ориентированное на собственную пользу и ставящее интересы одного индивида выше интересов других, либо *альтруизм* как бескорыстная забота о благополучии других людей или общем благе в целом;

- *индивидуализм*, акцентированный на свободе личности и реализации ее собственных интересов в рамках законного правопорядка, либо *коллективизм* (в различных формах) как главенство некоторой группы и ее интересов над человеческой личностью и ее индивидуальными запросами.

Дилемма *иметь или быть*, описанная в Библии как идея противопоставления божественного бытия и греховного обладания, в XX в. была переформулирована Э. Фроммом, который отмечал, что приоритет модуса обладания лишает принцип жизни его абсолютного значения, ведет к безразличию в жизни, утрате чувства благоговения перед нею [1].

Выработка еще одной системы ценностных координат, отчасти схожей с предыдущими, связана с именем И. Канта. Одна из его формулировок категорического императива (в данном случае он называет его практическим) гласит: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [2, с. 270]. Приведенное высказывание позволяет сделать вывод о том, что широкое распространение противоположной жизненной практики имеет особые социокультурные последствия. В связи с этим можно говорить о социокультурной традиции (ее ценностным основанием является культ средства), которую лучше всего обозначить термином «тропократическая», берущим начало от древнегреческих слов *τρόπος* – способ, средство, образ действий и *κράτος* – сила, мощь, могущество, власть.

Естественное становление деятельности и восприятия мира в качестве средства обеспечения жизни, реализации мотивов и потребностей людей привело к тому, что сама жизнь в решающей степени превратилась в средство, самоценность жизни, различных видов человеческой деятельности и всего многообразия окружающего мира оказалась скрыта.

Утверждение самоцельности и самоценности жизни, деятельности, окружающего мира является альтернативой культу средства, т. е. вместо него должна прийти ценностная позиция, родственная по своему смысловому наполнению этическому принципу благоговения перед жизнью, провозглашен-

ному А. Швейцером [3]. Система ценностных координат *жизнь как средство – жизнь как самоценность* носит альтернативный характер.

Наиболее ярким проявлением тропократической социокультурной традиции стало забвение реальностей мира, в том числе главной из них – судьбы человека и человечества, будущего жизни во Вселенной. Первая жертва тропократических ценностей – сам человек, его извращенная человеческая природа. Редкие минуты счастья в условиях конечности единичного бытия оказались прямым результатом превращения жизнедеятельности в средство реализации во многом искусственного, оторванного от фундаментальных проявлений жизни, никогда полностью не удовлетворяемого, непрерывно растущего ряда потребностей. Доминирование тропократической ориентации может отличать конкретного человека, некоторую общность людей, поколение. В зависимости от того, что находится в основе жизнедеятельности человека, его отношения к миру (поиск, принятие истинной сущности объектов, общечеловеческая перспектива или преимущественная оценка их как средства достижения тех или иных частных целей, узкий интерес), определяется критерий тропократичности – нетропократичности.

Невозможно однозначно оценить социокультурную традицию тропократического типа. На протяжении многих тысячелетий она являлась источником творческих, трудовых усилий людей. Однако в ней же заключены истоки наиболее существенных пороков нынешней цивилизации. Культ средства порождает варварское обращение с природой, антигуманную позицию по отношению к другому человеку или общности людей, в нем заключены изначальные причины насилия, бездуховности и т. п. Речь, бесспорно, не идет о том, что тропократический момент следует полностью исключить из мира ценностных ориентаций человека. Он неизбежен лишь в той мере, в какой люди вынуждены обеспечивать базовые условия для своего существования. Тропократическая традиция должна занять в человеческой жизни именно это подобающее ей место.

Тропократический способ жизни при всей внешней несхожести его конкретных воплощений по своей сути однообразен и может быть выражен формулой *жизнь – средство*. Многообразно самоценное бытие. По этой причине человек, лишь преодолев тропократическую ориентацию, обретает действительную свободу выбора своего жизненного пути. Содержание самоценного бытия хорошо знакомо каждому человеку. Это такие порой кажущиеся прозаичными вещи, как бескорыстная любовь, общение с детьми

и родителями, близкими по духу людьми, творческий или просто интересный продуктивный труд, познание мира, приобщение к ценностям культуры и искусства, нахождение наедине с природой, интересный досуг, вкусное питание и еще многое другое. Истинную ценность этих вещей люди обычно постигают с опозданием, когда лишены их.

Многообразное восприятие жизни как самоценности (т. е. как ценности самой по себе, которая дарована людям богами, судьбой, природой и др.) отчетливо проявлялось в процессе исторического развития у многих людей, занимавшихся поиском смысла существования, особенно у древних мудрецов и философов Нового времени. Путь к правильному отношению к жизни мыслители разных исторических времен связывали с разумом, а точнее с овладением мудростью (наука, по мнению Аристотеля, исследует причины и первоначала жизни и познает цель, ради которой надлежит действовать). Главное правило мудрого отношения к жизни – *ничего слишком* – чаще всего ассоциируется с аналогичным высказыванием Солона и путем золотой середины Конфуция. Такие умозаключения сочетаются с другими аксиомами, указывающими пути достижения удовлетворенности жизнью: «Хочешь быть счастливым – будь им!»; «Сохраняй душевное спокойствие, управляй желаниями и страстями»; «Цени то, что имеешь»; «Если не нравится твоя текущая жизнь и ты не в состоянии ее изменить, пересмотри свое отношение к ней»; «Цени и люби других»; «Воспринимай труд как источник радости и наслаждения»; «Не попадай в зависимость от чувства жадности и стремления к наживе» (согласно Авесте, богатыми следует считать разумных, здоровых и живущих без страха, довольных своим существованием людей, имеющих добрую славу) [4].

Тропократической ценностной ориентации присущ своеобразный стиль мышления, которому свойственна привязанность к обслуживанию интересов как конкретного человека, так и той или иной социальной общности, а также абсолютизация точки зрения определенного субъекта, отказ в праве на существование иных взглядов. Итогом такого стиля мышления является забвение истины, вместо нее предпочтение отдается полезным мыслительным шаблонам. Одним из проявлений данного стиля мыслительных действий можно считать так называемое технократическое мышление (англ. *technocratic thinking*), для которого в узком понимании характерно доминирование техники над человеком и его ценностным миром, а в широком – средства над целью, которая, в свою очередь, превалирует над смыслом человеческого существования.

С выбором тропократического и нетропократического мышления человек сталкивается в различных сферах жизни, например, в случае, когда он принимает решение, создавать ли наиболее благоприятные условия для нынешнего (по крайней мере,

ближайшего) поколения людей и не видеть более отдаленных последствий своих действий или исходить при их осуществлении из длительной исторической перспективы, судьбы человечества; познавать ли природу для того, чтобы ее подчинить, поставить себе на службу или постигать ее законы, чтобы действовать в соответствии с ними, ориентироваться в ее использовании на далекое будущее.

Задачу установления истины человеку приходится решать многократно и чаще всего в самых обыденных жизненных ситуациях. Предполагать возможность своей неправоты – значит мыслить нетропократически. Считать правым только себя – значит думать тропократически.

Не подлежит сомнению тот факт, что мышление всегда является средством. Однако в одном случае это средство постижения истины, в другом – средство обслуживания интересов думающего субъекта, когда истина (если она вступает в противоречие с интересами) немедленно предается забвению. Такой стиль мышления и есть тропократический. Он присущ как определенному индивиду, так и целым общностям людей. Например, идеология класса, отдельной социальной группы – это не что иное, как апологетика на уровне теории их интересов. Объективное научное знание внедряется в нее в объемах, необходимых для выражения и защиты этих интересов. Противопоставить групповой идеологии можно только сознание, основанное на научном познании мира и ориентированное на общечеловеческие ценности.

В условиях господства тропократических ценностей вполне закономерным является возникновение альтернативной ценностной ориентации. Ее происхождение (в отличие от возникновения своего антипода) связано не с обстоятельствами жизни, а с усилиями человеческого духа, направленными против несовершенства этих обстоятельств.

К отказу от доминирования в жизни тропократических ценностей, другими словами к детропократизации, человек может прийти сам, только ему открывшимся путем. Вместе с тем существует комплекс социокультурных преобразований, способных содействовать детропократизации. Он включает три органически взаимосвязанных компонента:

- признание самоценности жизни, деятельности, окружающего мира в качестве главного смыслового ориентира;
- детропократизацию мышления;
- преодоление следствий доминирования тропократической культуры.

Фундаментальное своеобразие тропократической социокультурной традиции состоит в том, что в ней деятельность в целом и ее отдельные виды в частности воспринимаются главным образом как средство. На начальной стадии капитализма человеческий труд превратился для одних в средство

обогащения, а для других – в способ обеспечения прожиточного минимума. Это же касается и иных косвенных результатов человеческой деятельности: повышения социального статуса и должности, занимаемой во властной иерархии; увеличения размера находящейся во владении собственности; расширения объема социальных благ и ресурсов, которыми люди располагают, и т. п.

Альтернативой тропократическому подходу является утверждение в качестве доминирующей ценностной ориентации самого жизненного процесса, различных видов деятельности, их содержания и, главное, прямого результата. В производительном труде таким результатом считается созданный продукт и его потребительская стоимость, в познании – истина, в нравственной деятельности – справедливость и другие моральные ценности, в искусстве – красота.

Что требуется для данного ценностного сдвига? Прежде всего повышение привлекательности любого вида деятельности. Так, на протяжении длительного исторического периода развитие производства подчинено двум критериям: внешнему (потреблению) и внутреннему (росту производительности труда). Новейшие технологии, ведущие к резкому сокращению численности работающих на производстве, уменьшению объема рабочего времени, увеличению доли творческого начала, позволяют вплотную заняться повышением привлекательности труда. Стремясь к ее росту, необходимо ясно представлять, чем труд может привлечь человека. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно выделить основные элементы трудовой деятельности: условия, процесс, конечный результат. Условия (при всей их значимости) – фактор сопутствующий, их улучшение не столько влечет за собой увеличение позитивных стимулов, сколько способствует устранению связанных с работой негативных моментов. Более пристальное внимание уделяется процессу труда, привлекательность которого возрастает по мере его насыщения творческими элементами (хотя, скорее всего, однозначной связи здесь нет).

Очень важно, чтобы трудовая деятельность приводила к такому результату, которого человек достоин, что, в свою очередь, только и может стать новой точкой притяжения людей к работе. Привлекательность труда повышается за счет его превращения для конкретного человека в законченный производственный цикл, расширения самостоятельности работников, занятия исследовательской деятельностью и самыми разными видами творчества (например, распространение на современной технической основе типа виртуоза-ремесленника) и т. п. Некоторые схожие идеи встречаются, например, у современных японских авторов С. Сато и Х. Кумамото, которые связывают расширение возможностей для творческих действий человека, во-первых, с переходом от массового производства к разнообразию

индустриальных отраслей маленького масштаба; во-вторых, с установлением замкнутых систем циркуляции материала и энергии [5, с. 93–95].

Не исключено, что частичное возвращение к уже пройденным этапам развития производительных сил позволит повысить привлекательность труда. Главное, чтобы порождаемое внедрением новейших технологий массовое высвобождение рабочей силы не свелось к ее перераспределению между производством и сферой обслуживания и не привело лишь к ускорению перехода от потребления товаров к преимущественному потреблению услуг.

Речь идет не только о производительном труде. Чем привлекательнее цель и реальнее ее достижение, тем ближе любой вид деятельности (поиск истины, борьба за справедливость, утверждение красоты и т. п.) к тому, чтобы стать мотивом поведения человека. Следовательно, благоприятную обстановку необходимо создавать не только для трудовой деятельности, но и для поиска истины, утверждения моральных ценностей, приобщения к образцам культуры, жизни семьи, – словом, для всех сторон жизнедеятельности человека, которые он хочет видеть в качестве ведущих мотивов.

Существует несколько путей детропкратизации мышления, в числе которых можно назвать следующие:

- повышение интеллектуального уровня людей, развитие умения мыслить, творчески оценивать имеющиеся факты и идеи в противовес бездумному усвоению готовых истин;
- формирование у каждого человека мировоззрения, свободного от классовых и иных общностных ограничений, скованности рамками своего исторического времени, ориентированного на общие ценности и перспективу;
- утверждение плюрализма мнений, признание права на существование различных точек зрения, формирование способности к их пониманию, нахождению истины в их сопоставлении;
- воспитание любви к истине, стремления к ней.

Процесс детропкратизации включает преодоление следствий доминирования тропократической социокультурной традиции, которая их породила, а они, в свою очередь, обеспечивают ее жизнестойкость. К основным следствиям господства тропократических ценностей в современном обществе можно отнести:

- технократизацию общественной жизни в ущерб ее гуманитарной области;
- преобладание рационализма в противовес эмоциональному началу;
- жесткую регламентацию как способ управления тропократическим обществом в целом, его духовной сферой в особенности;
- политизацию общественной жизни и сознания как проявление классового, национального,

бюрократического и иного группового эгоизма в ущерб общечеловеческим ценностям.

Технократизация общественной жизни выражается в пристальном внимании к развитию производства, техники, естествознания, в отношении к ним как к средствам решения максимума социальных проблем. Технократизации активно способствовали успехи в области науки, техники, индустрии, позволившие весьма полно удовлетворить материальные потребности значительной части населения, которое вызвало их стремительный рост и нашло в нем могучий стимул для собственного развития. В итоге главной причиной чрезмерной технократизации стал неограниченный характер потребления, придание ему статуса высшей ценности. В свою очередь, культ потребления – это прямое выражение тропократической ориентации человека, не видящего подлинной самооценности жизни и окружающего мира.

Обратная сторона технократизации состоит в недостаточном внимании к самому человеку, т. е. к проблемам духовной культуры, педагогической, психологической, медицинской науки и практики, гуманизации труда, экологическим и социальным последствиям экономического роста, научно-технического прогресса и т. п. Альтернативой создавшемуся положению является, безусловно, не отказ от научно-технического прогресса, а реализация его достижений в гармоничном сочетании с решением широкого круга гуманитарных проблем.

В данном контексте под рационализмом человека следует понимать не его высокий интеллектуальный уровень и логичность мышления, а неразвитость, обеднение эмоциональности, которая при игнорировании всего богатства и разнообразия мира сосредоточена на очень немногих, часто иллюзорных мотивах. Лишь они (в том числе возможности) и процесс их достижения значимы для личности такого типа. Конечно, не стоит находить причины преобладания рационализма только в господстве тропократических ценностей. На обеднении эмоционального мира людей сказывается рост объема и значения логического знания, ослабление влияния религии, резкое ускорение темпа жизни и т. п. Вместе с тем свое начало рационализм современного человека берет также в его внедренности в тропократическую культуру.

Исторически закономерным способом организации тропократического общества является жесткая регламентация, неизбежным продолжением кото-

рой считается усиление формальных структур. Жесткая регламентация, формализация общественной жизни приводят к возникновению и разрастанию бюрократического (отнюдь не в веберовском понимании) аппарата, который своими действиями усугубляет недостатки такого способа организации общества и доводит их до абсурда. Однако подобная ситуация не вызывает протеста у тех, кто оценивает существующий социальный порядок только с точки зрения средства, условий реализации собственных интересов. Процесс преодоления жесткой регламентации общественной жизни находит свое выражение в стремлении к демократизации, индивидуальной свободе.

При восприятии политики как сферы защиты коллективных интересов необходимо исходить из того, что решающим фактором оценки той или иной политической линии должно стать ее соответствие критериям научной объективности. Очевидным свидетельством недопустимости неограниченного приоритета политических соображений является часто мотивированное тем или иным групповым интересом отношение к историческому прошлому, культурным ценностям, текущим событиям общественной жизни.

Итак, для понимания сути наиболее приемлемой и доступной траектории дальнейшего общественного развития нужно установить такую систему личностных ценностных координат, на которую оно должно быть ориентировано. Эти координаты хорошо прописаны в истории социальной практики, самыми известными из них являются *эгоизм – альтруизм, индивидуализм – коллективизм, дилемма иметь или быть?* Однако доминирующим смыслообразующим мотивом для человечества должна стать традиция отказа от восприятия человека и мира как средства и признания их самооценности.

Следовательно, свободное ограничение людьми их нынешних желаний должно быть сделано не в пользу альтруизма, коллективизма или отказа от обладания чем-либо. Такое ограничение равнозначно признанию самооценности самых разнообразных проявлений человеческой жизни. Опыт истории показал, что добиваться отказа человека от первенства его интересов, его *Я* бесперспективно. И хотя эгоизм и индивидуализм не лучшие человеческие качества, противопоставлять им нужно не альтруизм и коллективизм, а признание равноправия, отказ от отношения к другому человеку и к миру в целом исключительно как к средству достижения своих желаний.

Библиографические ссылки

1. Фромм Э. *Иметь или быть?* Телятникова ЭМ, переводчик. Москва: АСТ; 2016. 320 с. (Эксклюзивная классика).
2. Кант И. *Сочинения в шести томах. Том 4, часть 1.* Асмус ВФ, Гулыга АВ, Ойзерман ТИ, редакторы. Москва: Мысль; 1965. 544 с. (Философское наследие; том 14).
3. Швейцер А. *Культура и этика.* Захарченко НА, Колшанский ГВ, переводчики. Москва: Прогресс; 1973. 343 с.

4. Рубанов АВ. Мудрость жизни в афоризмах мыслителей древности и Нового времени. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;3:37–46.

5. Сато С, Кумамото Х. *Реинжиниринг окружающей среды*. Ивченко БП, Соложенцева ЕД, редакторы; Соложенцева ЕД, переводчик. Санкт-Петербург: Бизнес-пресса; 2002. 240 с.

References

1. Fromm E. *To have or to be?* New York: Harper & Row; 1976. 182 p.
Russian edition: Fromm E. *Imet' ili byt'?* Telyatnikova EM, translator. Moscow: AST; 2016. 320 p.
2. Kant I. *Sochineniya v shesti tomakh. Tom 4, chast' 1* [Works in six volumes. Volume 4, part 1]. Asmus VF, Guliga AV, Oizerman TI, editors. Moscow: Mysl'; 1965. 544 p. (Philosophical heritage; volume 14). Russian.
3. Schweizer A. *Kul'tura i etika* [Culture and ethics]. Moscow: Progress; 1973. 343 p. Russian.
4. Rubanau AV. Wisdom of life in the aphorisms of the thinkers of ancient and new time. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology.* 2020;3:37–46. Russian.
5. Sato S, Kumamoto H. *Reengineering the environment*. New York: Vantage Press; 1995. 175 p.
Russian edition: Sato S, Kumamoto H. *Reinzhiniring okruzhayushchei sredy*. Ivchenko BP, Solozhentseva ED, editors; Solozhentseva ED, translator. Saint Petersburg: Biznes-pressa; 2002. 240 p.

Статья поступила в редколлегию 17.12.2020.
Received by editorial board 17.12.2020.

УДК 316.772.5

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

А. О. ГРИГОРЬЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Описывается коммуникативное пространство компьютерной игры как особой виртуальной реальности. Анализируется историческая динамика становления и последующего развития данного феномена как нового жанра виртуального художественного произведения. Определяются этапы развития компьютерной игры в системе разработчик – техническое средство – игровая аудитория с учетом специфики социальной коммуникации между ними. Выделяются существенные признаки компьютерной игры, показываются ее отличия от игр, реализованных посредством технического устройства, киберспортивных игр и тренажеров. Дается обобщенная дефиниция понятия «компьютерная игра».

Ключевые слова: компьютерная игра; видеоигра; аркадный автомат; социальная коммуникация; киберспорт; игровая аудитория.

THE COMMUNICATIVE SPACE IN COMPUTER GAMES: RETROSPECTIVE ANALYSIS

A. O. GRIGORIEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

In this article historical dynamics of formation and the subsequent development of a computer game as a new virtual work of art genre is analysed. Stages of a computer game development in the developer – technical tool – game audience system, based on specifics of social communication between them are distinguished. Intrinsic characteristics of a computer game in contrast to the games realised by means of the technical device are distinguished. The generalised definition of the concept «computer game» is given.

Keywords: computer games; video games; arcade machine; social communication; cybersports; game audience.

Введение

Компьютерные игры, с одной стороны, – это программный код, написанный разработчиком, а с другой – виртуальное художественное произведение, где соавтором является сам играющий. Полностью проанализировать данное явление, принимая во внимание все его грани, достаточно сложно. Вектор развития игровой индустрии постоянно меняется: возникают

новые игровые жанры, в том числе и в результате переплетения уже привычных разновидностей игр. Являясь культурным феноменом современности, компьютерные игры обладают как творческим, так и деструктивным потенциалом. На основании ретроспективного анализа коммуникационного аспекта компьютерной игры можно выявить механизмы взаимодействия

Образец цитирования:

Григорьева А.О. Коммуникативное пространство компьютерных игр: ретроспективный анализ. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;1:10–14.

For citation:

Grigorieva AO. The communicative space in computer games: retrospective analysis. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;1:10–14. Russian.

Автор:

Анна Олеговна Григорьева – соискатель кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент А. С. Комаровская.

Author:

Anna O. Grigorieva, competitor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
anna_grigo87@mail.ru

в системе разработчик – техническое средство – игровая аудитория. Таким образом, изучение компьютерных игр с точки зрения их исторического разви-

тия позволит проследить механизмы взаимодействия разработчика и потребителя как геймера (с учетом контекста и обратной связи).

Материалы и методы исследования

Во время исследования были использованы общенаучные методы теоретического и эмпирического познания, анализ и синтез, системно-струк-

турный подход к выделению основных элементов в процессе создания, существования и модернизации компьютерной игры.

Результаты и их обсуждение

Игра как действие имеет несколько вариантов: игра в рамках невербальной коммуникации (спортивная игра); игра в рамках вербальной коммуникации (кроссворд); игра, сочетающая вербальную и невербальную коммуникацию (компьютерная игра).

Однако сущность игры ни в коем случае не исчерпывается коммуникацией. В игре заключается как передача уже существующих смыслов, так и создание новых. Следовательно, игра – это творческо-коммуникативное действие.

От других видов социально-культурной деятельности игра отличается тем, что предполагает свободу действий (осуществляется не по приказу), противостояние обыденности как необходимости, имеет целью морально-эмоциональный выигрыш, выступает в роли творческого продуктивного труда и направлена на удовлетворение эстетических и этических потребностей.

В чем же отличие компьютерной игры от других видов игр? Можно ли считать шахматную игру, реализованную через электронное техническое средство, компьютерной игрой? Что выступает маркером, определяющим сущность компьютерной игры? В этой работе будут даны ответы на поставленные вопросы.

Компьютерной игрой называют техническую игру, игровое поле которой управляется ЭВМ или воспроизводится на экране дисплея, а функцию ведущего или партнера выполняет компьютер. Видеоигра также представляет собой компьютерную игру, которая подается на экран телевизора с помощью игровой приставки. Аркадный автомат – это стойка с аппаратурой для запуска игр (часто для азартных игр с возможностью получения денежного выигрыша)¹.

Таким образом, компьютерная игра – это компьютерная программа, позволяющая человеку взаи-

модействовать с ней через систему ввода – вывода (с учетом обязательных правил ведения игры).

На основании такой обобщенной формулировки можно сказать, что любая игра, написанная на языке программирования, считается компьютерной. В дальнейших рассуждениях данная дефиниция будет скорректирована согласно историческому анализу этапов развития компьютерной игры.

Этапы развития компьютерной игры условно выделяются в зависимости от коммуникационных связей в системе разработчик – техническое средство – игровая аудитория, где разработчик – специалист в области создания программного кода для компьютерной игры; техническое средство – существующее на данном этапе техническое оборудование, способное реализовать первоначальную идею; игровая аудитория – потребитель готового продукта.

Этап 1. История компьютерных игр начинается с их создания на электронно-релейных машинах и первых алгоритмах для симуляции шахматной игры. Как можно заметить, первые игры являлись продуктом творческой, экспрессивной деятельности технического специалиста. Они не несли коммерческой выгоды и выступали не как способ захвата новой экономической ниши, а как выражение игрового характера личности разработчика. Игра не создавалась по заказу игровых корпораций и для удовлетворения желаний игровой аудитории, а являлась чистой потребностью самого разработчика, стремящегося реализовать свой игровой потенциал через техническое средство, существующее на данный момент (рис. 1), как, например, игра *Tennis for Two* (1958), воспроизведенная на экране осциллографа и служащая для развлечения посетителей, или *OHO* (1952).

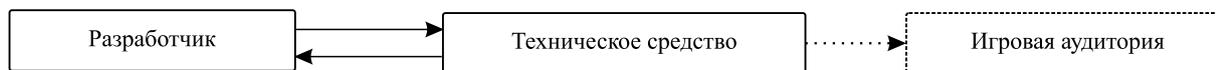

Рис. 1. Преобладание автокоммуникации разработчика с помощью существующих технических средств
Fig. 1. Dominance of autocommunication development with existing technical means

¹Компьютерная игра [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/161142> (дата обращения: 23.02.2019); Видеоигра [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ntes/738/ВИДЕОИГРА> (дата обращения: 23.02.2019).

На этапе становления компьютерной игры как культурного феномена разработчик реализует свой творческо-игровой потенциал через существующее техническое средство без учета потребности игрока, потому что компьютерный игрок, или геймер, как таковой еще не оформился.

Этап 2. По мере совершенствования языка программирования и технических средств не только улучшается техническое исполнение компьютерной игры, но и формируется и все больше расширяется геймерская аудитория. Это связано также с распро-

странением игровых автоматов. Встроенные в них игры имеют несложные правила, чем и привлекают большое число людей. Особенностью игрового автомата выступает ограничение длительности игры: одна игровая «жизнь» соответствует одной монете. В дальнейшем такое ограничение по времени будет снято посредством создания игровых консолей. На данном этапе разработчик целенаправленно воплощает свои идеи в конкретной игре, а игровая аудитория с возрастающим интересом приобщается к новому виду игровой деятельности (рис. 2).

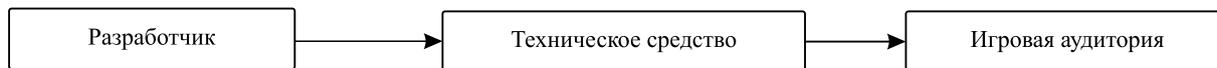

Рис. 2. Становление групповой коммуникации с разработчиками и игроками
Fig. 2. Establishment of group communication with developers and gamers

Позже большим спросом стали пользоваться игровые приставки, на которых можно было запускать игры, уже представленные на игровых автоматах. Это связано с тем, что новый вид игровой деятельности оформил игровую аудиторию, которая не только желает иметь в свободном доступе компьютерную игру, но и хочет, чтобы на игровой процесс отводилось больше времени. Таким образом, происходит формирование игрока, который не просто использует игровой продукт для удовлетворения своей по-

требности, но и, что немаловажно, получает новые ощущения, которые старается продлить.

Этап 3. Имманентным стимулом в развитии компьютерной игры становится желание и требование игровой аудитории растянуть игровой процесс. Так, игровая приставка, в отличие от игрового автомата, позволила раздвинуть рамки игрового времени. На этом этапе игровая аудитория провоцирует разработчиков на реализацию новых идей (рис. 3). Соответственно, появляются новые жанры.

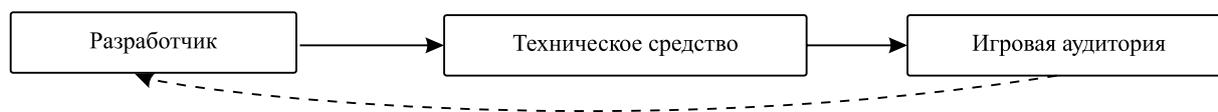

Рис. 3. Появление обратной связи с игровой аудиторией и разработчиком
Fig. 3. The emergence of feedback with game audience and developer

Массовое создание игр для игровых консолей стало возможным только благодаря развитию и совершенствованию технической составляющей, т. е. микропроцессоров. Повышение их производительности и уменьшение стоимости позволили разработчикам улучшать технические характеристики игры, а пользователям – покупать видеоприставки и домашние компьютеры по все более привлекательным ценам. В США видео- и компьютерные игры получают широкое распространение среди населения.

Этап 4. По причине высокого спроса разработчики систематически стали выпускать продукты

низкого качества, что привело в 1983 г. к кризису индустрии компьютерных игр. С точки зрения коммуникации наблюдается возрастающее влияние потребителей продукта на разработчиков (рис. 4).

Между игровой аудиторией и создателями продукта выстраивается новый тип коммуникации. Игроки не потребляют те продукты, которые им поставляются игровой индустрией, а занимают доминирующую позицию.

Когда японская компания *Nintendo* начинает производить игры с сюжетом (*Donkey Kong*, *Mario* и др.), у пользователей появляется возможность проигрывать некоторый сценарий, не реализованный в обыч-

Рис. 4. Усиление влияния обратной связи с массовым игроком и формирование перманентного улучшения технического средства
Fig. 4. The strengthening impacts feedback with the mass gamer and strategy permanent improvement technic tools

ной жизни. Это выступает катализатором все более возрастающего интереса к компьютерной игре. Далее возрастают требования к сюжету и качественным характеристикам игры.

В Японии и США разработчики игр использовали сюжетные линии популярных фильмов, что позволило игроку самому погрузиться в мир любимого персонажа и ощутить его переживания. На современном этапе все происходит наоборот: популярные компьютерные игры провоцируют киноиндустрию создавать фильмы на основе игр (*Doom*, *Assassin's Creed*, *Resident Evil* и др.). Такие события свидетельствуют о том, что у разработчиков игровой действительности больше возможностей, чем у создателей кино. Фильм представляется как линейное произведение, в то время как компьютерная игра – это поле для реализации индивидуального, нелинейного сознания игрока (с вероятностью воплощения нескольких сценариев)².

Современные компьютерные игры отличаются многообразием жанров – от аркадных игр до игр с открытым миром, направленных на использование оружия и техники, командование и управление, общение и изучение мира. Что же побуждает многих людей играть в компьютерные игры?

В настоящее время, по мнению исследователей, такие действия обусловлены желанием получить информацию, тренировкой мышления, удовлетворением нужды в общении. Названные причины оказывают сильное влияние на выбор игрового жанра [1]. Однако с точки зрения исторической динамики становления и развития компьютерных игр фундаментальная потребность заключается в возможности выхода за пределы необходимости и обыденности. Игрок, осуществляя внутреннее стремление в переживании новых, не свойственных ему в реальной действительности специфических ощущений, выстраивает собственный мир и проигрывает свой сюжет. В результате проведенного анализа были выделены некоторые особенности компьютерной игры.

Как виртуальная форма художественного произведения, компьютерная игра сравнима с феноменом книгопечатания (причем учитываются особенности компьютерной игры как таковой). Как пишет М. Постер, «печатание создает субъекты как рациональных, автономных эго, как постоянных интерпретаторов культуры, которые в изоляции создают логические соединения из линейных символов»³ [2, р. 46]. Компьютерная игра создает субъекты, которые в виртуальном мире выстраивают разветвленную, нелинейную сеть возможных сценариев. Если литературоцентризм был основан на доверии к писателю, то пространство компьютерной игры децентрализовано, интернационально и космополитично.

Таким образом, важнейшей отличительной чертой компьютерной игры является получение новых ощущений во время игрового процесса, в течение которого можно выйти за пределы реальной действительности (проигрывать различные роли, заводить виртуальные связи, приобретать вещи и т. п.). Однако, несмотря на это, компьютерная игра стремится максимально соответствовать настоящей жизни (используется компьютерная графика и стереозвук, повторяются движения героев, прорисовываются детали), что выражается в возможностях технологии *Virtual Reality (VR)*. Вместе с тем это не обязательное условие, о чем свидетельствует популярность игры *Minecraft*. В своей работе «Постижение Медиа» М. Маклюэн не занимался анализом какой-то конкретной компьютерной игры, а изучал, чем является игра как таковая. По его словам, «игры – это вымышленные контролируемые ситуации, или расширения группового сознания, дающие передышку от обычных паттернов. <...> ...Игры – расширения наших Я, но только не частных, а социальных...» [3, с. 278–280]. Приведенная цитата свидетельствует о том, что расширение сознания происходит посредством игровой деятельности. Подчеркивается перманентность социального начала игры и возможность выхода за границы обыденности.

Сегодня компьютерная игра совмещает в себе два мира (нарративный и реальный), дополняет их целым рядом историй.

Некоторые исследователи утверждают, что компьютерную игру стоит отличать от симуляторов и тренажеров. Только процесс и результат будут выступать той демаркационной зоной, где игра становится симулятором. С помощью таких компьютерных симуляторов можно понять, что деятельность, направленная на получение или закрепление навыка, не может быть приравнена к компьютерной игре. Человек, проходящий тренировку на компьютерном симуляторе, не может выйти за пределы обыденности, поскольку этот процесс сам по себе является элементом настоящего.

Игра как свободная деятельность по правилам может перестать быть ею в полном смысле слова и превратиться лишь в процесс, ориентированный на достижение выигрыша (в большинстве случаев – материального характера). Таким явлением представляется киберспорт [4]. Несмотря на то что киберспортсмен должен играть, данный вид действий не может приравниваться к свободной игровой деятельности (т. е. без необходимости).

Ученые, расширяя понимание термина «компьютерная игра», относят к данному феномену игровые механизмы рекламы (бонусы, очки, поощрения,

²Яблоков К. В. Компьютерные исторические игры 1990–2000-х гг.: проблемы интерпретации исторической информации : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. М., 2005. С. 28.

³Перевод наш. – А. Г.

в том числе и за активное участие в корпоративной игре по совершенствованию определенного участка работы) [5, с. 293].

Если рассмотреть специфику игр, основанных на существующих прототипах настольных игр, но реализованных с помощью компьютерной программы, то можно заметить, что они лишены важной черты –

выстраивания или достраивания действительности. Так, игрок в шахматы действует по правилам, свободно, без необходимости, выходя за пределы обыденности, но работая с упрощенными символами. Тот же человек, играя в достаточно простую игру, например *Mario*, в некоторой мере отождествляет себя с персонажем.

Заключение

Компьютерная игра отличается от киберспорта тем, что является свободным игровым процессом; от тренажера и симулятора – возможностью ухода за пределы обыденности; от игры, реализованной посредством компьютерной программы, – выстраиванием и (или) достраиванием реальности.

Коммуникативное пространство компьютерных игр расширяется, выходит за рамки игры. Существенно меняется классическое представление о данном феномене. Компьютерная игра настолько необходима игроку, насколько она реализует его потребности, основной, или базовой, из них является возможность выхода за пределы действительности.

Прослеживается смена уровней коммуникации – от автокоммуникации разработчика через групповую коммуникацию к массовой. Меняется и форма взаимодействия: от подражания через управление к диалогу.

В процессе становления коммуникации в системе разработчик – техническое средство – игровая аудитория преобладает автокоммуникация разработчика без ориентации на игровую аудиторию, которая как таковая еще не появилась (этап 1).

Далее происходит формирование игрока как малой игровой аудитории (этап 2).

Затем проявляется эффект обратной связи от сформировавшейся игровой аудитории, нацеленной на удовлетворение перманентной потребности в новом игровом опыте (этап 3).

Наблюдается усиление обратной связи от массового игрока и, как следствие, улучшение технического средства для реализации все более искусных идей разработчика (этап 4).

На современном этапе развития компьютерной игры происходит выход игрового процесса за установленные ранее рамки. Игры перехватывают инициативу у игроков, заставляя их видеть, делать и чувствовать то, на что они не согласились бы в ином контексте. Проявляется новый вид насилия в игровом процессе, понимаемый как бесконтрольное разрушение игрового опыта (например, как в игре *Flappy bird*). Современная игра бунтует против игроков, случайно создавая ситуации, которые не может контролировать человеческая практика. Однако описание данной ситуации как полноценного этапа не представляется возможным, так как она находится на стадии развития и формирования.

Библиографические ссылки

1. Аветисова АА. Психологические особенности игроков в компьютерные игры. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2011;8(4):35–58.
2. Poster M. *The mode of information: poststructuralism and social context*. Cambridge: Polity Press; 1990. 192 p.
3. Маклюэн ГМ. *Понимание медиа: внешнее расширение человека*. Николаев В, переводчик. Москва: Гиперборея; 2007. 462 с. Совместно с издательством «Кучково поле».
4. Вишнеvский АВ. Философское осмысление понятия компьютерной игры. *Вестник Омского университета*. 2014;3:91–92.
5. Савчук ВВ. *Медиафилософия. Приступ реальности*. Санкт-Петербург: РХГА; 2013. 348 с.

References

1. Avetisova AA. Psychological features of computer gamers. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 2011;8(4): 35–58. Russian.
2. Poster M. *The mode of information: poststructuralism and social context*. Cambridge: Polity Press; 1990. 192 p.
3. McLuhan GM. *Ponimanie media: vneshnee rasshirenie cheloveka* [Understanding media: the extensions of man]. Moscow: Giperboreya; 2007. 462 p. Co-published by the «Kuchkovo pole». Russian.
4. Vishnevsky AV. [Philosophical judgment of a concept of a computer game]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 2014;3:91–92. Russian.
5. Savchuk VV. *Mediafilosofiya. Pristup real'nosti* [Mediaphilosophy. Preface to reality]. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy; 2013. 348 p. Russian.

УДК 1:62(043.3)

САМОРАСШИРЕНИЕ И КВАЗИДРУГОЙ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ ПОСТФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ

А. И. ВЕРЕЩАКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируются основные категории постфеноменологической стратегии философии техники. Рассматриваются понятия «технологический фон», «квазидругой» и «саморасширение». С помощью примеров подробно раскрывается сущность трансформации человеческого опыта, опосредованного техническими объектами. Выявляется онтологическая связь человека и техники, в которой техника выступает посредником между воспринимающим субъектом и миром. Критически рассматриваются представления о нейтральности техники в инструменталистской стратегии классической философии техники. Подчеркивается существенная роль техники и технологий в формировании современной научной картины мира и цивилизации в целом.

Ключевые слова: философия техники; онтология техники; философия науки; инструментализм; нейтральность техники; технологический фон; медиатор; технический объект; жизненный мир; восприятие; трансформация опыта.

Образец цитирования:

Верещако АИ. Саморасширение и квазидругой как фундаментальные понятия постфеноменологической стратегии философии техники. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021; 1:15–19.

For citation:

Verashchaka AI. Self-extension and a quasi-other as fundamental concepts of postphenomenological approach of the philosophy of technology. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;1:15–19. Russian.

Автор:

Алексей Иванович Верещако – преподаватель кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Aliaksei I. Verashchaka, lecturer at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
aleshaverashchaka@yandex.ru

SELF-EXTENSION AND A QUASI-OTHER AS FUNDAMENTAL CONCEPTS OF POSTPHENOMENOLOGICAL APPROACH OF THE PHILOSOPHY OF TECHNOLOGY

A. I. VERASHCHAKA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article covers the analysis of the major categories of postphenomenological approach of the philosophy of technology. The following concepts are considered: «technological background», «quasi-other» and «self-extension». By means of numerous examples the insight of the transformation of human experience, mediated by technical objects, is revealed in detail. The ontological relation between man and technology is indentified, in which the latter acts as an intermediary between the cogniser and the world. The insight into the neutrality of technology in the instrumentalist approach of the classical philosophy of technology is challenged. The essential role of technology and computing in the formation of the modern scientific worldview and civilisation as a whole is emphasised.

Keywords: the philosophy of technology; ontology of technology; philosophy of science; instrumentalism; neutrality of technology; machine background; mediator; technical object; lifeworld; perceivment; transformation of experience.

С одной стороны, человек существует в природном мире, с другой – в мире социальном. Две реальности (природная и социальная) довольно часто выступают объектами философской рефлексии. Однако человек также пребывает в мире вещей, которые созданы его творческим гением и, как правило, мало исследованы. Причина такой «несправедливости» кроется не в том, что техническая реальность обладает меньшей значимостью по сравнению с природной и социальной, а в том, что техника фундаментально укоренена в повседневных практиках и в этом приближении (находясь буквально повсюду) сливается с ландшафтом жизненного мира человека и не отделена от него. Именно поэтому философия техники – слегка запоздалый феномен в истории философской мысли, возникший лишь в последней трети XIX в.

За почти 150-летнюю историю философия техники выработала собственный методологический инструментарий, терминологический аппарат, а также свою «классику». Настоящий период развития философии техники можно назвать постклассическим, использующим тезаурус не только философского знания и других областей гуманитаристики, но и опыт естественных и технических наук, что делает современную философию техники полем для междисциплинарных исследований.

Постфеноменология как понятие появилась в середине 1970-х гг., но как полноценная методологическая программа оформилась только в 2000-х гг. Изначально существуя как локальный феномен американской философии, она постепенно прижилась по другую сторону Атлантического океана. Это научное направление динамично развивается в различных исследовательских центрах мира, что свидетельствует о ведущей роли постфеноменологической методологии в современной философии техники.

Постфеноменологические исследования техники и технологий прежде всего связаны с фигурой Д. Айди. Мыслителя часто называют первым американским философом техники, он является автором более 20 монографий, которые переведены на многие языки мира. Постфеноменология «возникла... под влиянием работ Э. Гуссерля и Х.-Г. Гадамера, переосмысленных в контексте американского прагматизма Дж. Дьюи и аналитической философской традиции» [1, с. 30]. Намерение Э. Гуссерля «вернуться назад к вещам» понимается как призыв к действию, что выражается в исследовании не всей техники в целом, а конкретных технических артефактов культуры, которые постфеноменология представляет как особый технологический фон, непрерывно взаимодействующий с человеком. «В технологической культуре машины становятся частью нашего самовыражения, становятся нашими знакомыми, коллегами, т. е. квазидругими, они окружают нас своим присутствием, из которого мы редко убегаем, становятся технологической текстурой мира и вместе с ней несут презумпцию в отношении тотальности»¹ (цит. по [2, р. 15]).

В понятийном аппарате инструментального подхода к классической философии техники присутствует термин «нейтральность», который указывает на индифферентность технических артефактов, применяемых для решения широкого спектра задач. Отрицательные оценки результатов технического воздействия, по мнению философов-инструменталистов, возникают вследствие умышленного деструктивного использования техники, что зависит только от интенций самого субъекта. Технологический фон, предложенный в противоположность нейтральности техники, создается как результат двух первичных отношений: машины как саморасширения (телесный опыт, получаемый через технику) и машины

¹Здесь и далее перевод наш. – А. В.

как квазидругого (опыт, приобретаемый в процессе работы с машиной). По этой причине с точки зрения постфеноменологии техника никогда не является просто нейтральным инструментом для достижения целей и задач человека. Д. Айди считал: «Если бы техника полностью отделилась от человеческой практики, она была бы просто хламом» [3, р. 34]. «Ненейтральность» техники всегда конкретна и выражается через ответ на вызов извне, главным параметром которого служит его эффективность.

Ниже представлена специфика технологического фона саморасширения. Технические объекты выступают способом дополнения и обогащения телесности в жизненном мире. Примером тому служит созданный за тысячелетия обширный инструментарий исследования и (или) преобразования мира. С помощью технических средств можно расширить границы человеческой чувственности, выйти далеко за пределы ограниченного тела индивидуума. При этом опыт мира, приобретаемый через инструменты (технику), существенно отличается от опыта, получаемого «во плоти».

Трансформация опыта обязательно осуществляется благодаря свойству инструментальной «прозрачности», которая позволяет воспринимать мир в новом чувственном диапазоне. В этот момент техника становится таким посредником между человеком и миром, который частично принадлежит нашей самости и в то же время – миру. Например, использование отвертки или гаечного ключа предполагает получение нового телесного опыта об объекте взаимодействия. В данном случае опыт восприятия направлен не на инструмент, а на винт или гайку. Инструмент – это средство приобретаемого опыта. В свою очередь, интенция субъекта, использующего инструмент для получения информации, осуществляется на стыке отвертки/гаечного ключа и винта/гайки. Другими словами, только благодаря инструменту человек может узнать о степени затяжки гайки, ее твердости, общем состоянии и т. д. Извлечение подобной информации вне инструментальных средств (голыми руками) не представляется возможным. Это означает, что в конкретный момент времени инструмент (гаечный ключ) и применяющий его субъект (человек) представляют собой единое воплощение, эквивалентное полусимбиотическому единству.

Восприятие школьной доски, опосредованное мелом или указкой, также сильно контрастирует с восприятием этой же поверхности «во плоти». Подобным образом микроскоп расширяет наше зрение, телефон – слух, щуп – осязание. В момент использования инструмента восприятие выносится на его передний план, что делает такой опыт уникальным и подлинно новым. Это преобразование приводит как к определенному расширению, так и к усилению опыта, а также его интегральной локализации и трансформации.

Постфеноменология рассматривает трансформацию человеческого опыта сквозь призму технической операциональности, в то время как классические представители философии техники рефлексируют над результатом человекотехнических интеракций. Именно по этой причине сам процесс взаимодействия человека и техники остается незамеченным, что, в свою очередь, ведет к некорректной интерпретации результата. Отсюда и возникает представление о «нейтральности» техники, которая как бы существует параллельно с человеком и не может претендовать на какую-либо самостоятельность или активность. В связи с этим следует вспомнить представителей акторно-сетевой теории (Б. Латур, Дж. Ло, М. Каллон, Т. Хьюз и др.), в многочисленных работах которых реализована попытка более широкой трактовки действия не как традиционной причинно-следственной связи, а в том числе как допущений, позволений, влияний, делания возможным или невозможным, препятствования и т. д. [4, с. 125]. Подобное представление о действии переносится на все технические артефакты культуры и в значительной степени расширяет границы восприятия технического как такового.

Следующее по сложности за «прозрачностью» отношение – квазидругой – возникает в процессе взаимодействия человека с техническими объектами. Например, человек может формулировать мысли вслух, с помощью ручки на бумаге или при использовании клавиатуры компьютера, т. е. применяются три различные практики. В первом случае человеку не требуются посредники. Во втором – таким медиатором выступает ручка, которая заставляет пользователя подстраиваться под нее. Наиболее очевидным примером вынужденной трансформации взаимодействия служит компьютер, для работы за которым люди должны знать о процессе его включения, запуске нужной программы, сохранении в ней информации и т. д. Другими словами, применение компьютера ведет к существенному переустройству процесса «производства» мысли. Отношение квазидругой обнаруживает глубину связи индивидуума и инструмента, находящегося между человеком и миром.

Отношение *квазидругой* проявляется не только в процессе взаимодействия со сложными техническими устройствами – компьютером, телевизором, смартфоном, автомобилем, – но также и с простыми повседневными вещами – столовыми приборами, замковыми ключами, водопроводными кранами и т. д. Чтобы применять в повседневной практике даже самые примитивные технические объекты, человек должен уметь с ними обращаться. Обучение пользованию столовыми приборами и предметами личной гигиены, наряду с прямохождением и умением говорить, является неотъемлемым атрибутом человеческой цивилизации. Необходимость освоения технических средств и их последующее включение

в индивидуальный феноменологический опыт раскрывают онтологическую взаимосвязь человека и техники.

Частое взаимодействие человека с техническими объектами не просто трансформирует повседневные практики, зачастую это приводит к выстраиванию специфических связей, которые называются герменевтическими. Термометр используется повсеместно и давно стал фоновым предметом обихода. Этот прибор предназначен для определения температуры воздуха окружающей среды, и даже дети умеют им пользоваться. Однако чтобы узнать о температуре воздуха, необходимо расшифровать значения прибора, т. е. сопоставить показания делений с уровнем жидкости на шкале. Человеку нужно прочесть показания термометра, в противном случае невозможно получить необходимую информацию.

На основании примера с обычным термометром можно сделать вывод о том, что техника является не только квазидругим для индивида, она также формирует герменевтическую связь людей и технических объектов. «Прибор медирует отношения между людьми и миром и, таким образом, упорядочивает их существование и опыт» [5, р. 199]. В процессе прочтения прибор обретает посредническую функцию между человеком и миром. При детальном рассмотрении взаимодействие человека и простейшего прибора для измерения температуры не является таким простым, как может показаться на первый взгляд. В результате данного взаимодействия задается вектор дальнейшего отношения человека к миру. Зная о том, какая будет погода, человек принимает решение, что ему надеть или обуть. Техника организует и собирает (фокусирует) окружающую среду через различные трансформационные структуры.

В процессе использования измерительных приборов, которые собирают разрозненную информацию воедино и фокусируют внимание человека на определенных параметрах окружающего мира, отчетливо прослеживается трансформирующий характер техники. Современная наука является технически опосредованным феноменом и может существовать без организующего и собирающего начала техники. Необходимо помнить, что «феноменологический подход в инструментализме рассматривает “интенциональное отношение человек – мир как инструментально опосредованное, при котором инструмент конституирует не только научные объекты, но и объекты жизненного мира и, следовательно, опосредует самопонимание человека”²» [6, с. 87]. Так, например, на современном этапе развития науки астрономические исследования опосредуются использованием телескопа. Во многих случаях данный прибор является единственным источником получения знаний о космических объек-

тах. Следует подчеркнуть, что «именно технические объекты помогают формировать то, каким образом люди взаимодействуют с объективной реальностью, они являются посредниками (медиаторами) между человеком и миром» [7, с. 75–76]. Обыкновенный оптический телескоп предоставляет визуальную информацию о космическом объекте. Однако радиотелескопы, рентгеновские или инфракрасные телескопы трансформируют восприятие природы в инвариантные и в то же время недостижимые опыту «во плоти» структуры. Таким образом, мир воспринимается как опосредуемый техникой и требующий расшифровки текст.

Люди сливаются с техникой в одно целое для обретения опосредованного ей опыта мира. По мнению Д. Айди, «инструмент позволяет воплощаться на расстоянии, чтобы добраться до предмета через инструмент. Но в то же время это подлинное расширение моей чувственности. В самом опыте есть чувство разницы, на которое указывает мое предварительное различие между переживанием “во плоти” и опосредованным опытом» [2, р. 19]. В результате данной интеракции возникает трансформирующееся восприятие мира, которое впоследствии модифицируется в знания о мире и индивидуальный способ существования в нем – жизненный мир. Под технико-технологическим преобразованием подразумеваются возможности как определенного расширения, так и усиления опыта, а также его сокращения или трансформации. Таким образом, используемые технические объекты никогда не являются нейтральными инструментами. Их ангажированность, всегда принимая конкретную форму посредством имплицитно заложенного *telos-a* и предметного пользовательского запроса, обеспечивает условия возможности (чего-либо). Феноменологический опыт образуется на фронтире опосредованного техническим объектом чувственного восприятия и самого мира, где технике принадлежит медиативная (посредническая) роль.

Многообразие частных примеров, включенных в контекстуальный анализ различных технических артефактов, постулирует уход постфеноменологии техники от аксиологических оценок исследуемых объектов. Важно отметить, что «объектом философской рефлексии становятся конкретные технические объекты, а деятельность философа направлена на минимализацию возможных или существующих рисков, вызванных тем или иным результатом технического творчества» [8, с. 119]. Конкретный артефакт осмысливается не с точки зрения добра или зла, а с позиции расширения человеческого опыта, что, в свою очередь, нивелирует дихотомию человека и техники в классической философии техники, обнаруживая техническое частью человеческой самости и его жизненного мира.

²Столярова О. Е. Инструментальный реализм Д. Айди // История философии. 2000. Вып. 5. С. 113–138.

Постфеноменологическая методология изучения техники как части жизненного мира образует широкую базу для создания прикладных исследовательских проектов. Они направлены на устранение трудностей взаимодействия человека с машиной через подробный анализ феноменологического восприя-

тия конкретного технического объекта. Указанный подход пользуется большим успехом у ведущих дизайнских лабораторий США и Западной Европы, стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в результате чего появляется проектирование интуитивно понятной, человекообразной и эргономичной техники.

Библиографические ссылки

1. Верещако АИ. Постфеноменология как инновационный подход в философии техники. В: Лазаревич АА, Дудчик АЮ, Адуло ТИ, Доронина СГ, Еворовский ВБ, Санько СИ и др., редакторы. *Интеллектуальная культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития. Материалы Пятой Международной научной конференции; 19–20 ноября 2020 г.; Минск, Беларусь. Том 1.* Минск: Четыре четверти; 2020. с. 29–32.
2. Ihde D. *Technics and praxis*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company; 1979. 163 p.
3. Ihde D. *Postphenomenology: essays in the postmodern context*. Evanston: Northwestern University Press; 1993. 161 p.
4. Верещако АИ. Предмет и проблемное поле современной онтологии техники. *Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»*. 2018;26:121–127.
5. Verbeek PP. *What things do: philosophical reflections on technology, agency, and design*. Penn State: Pennsylvania State University Press; 2005. 264 p.
6. Березин СН. Постфеноменология Дона Айди. *Хора*. 2009;3–4:87–92.
7. Верещако АИ. Теория медиации в контексте современной постфеноменологии техники. В: Сафонов ВГ, Кутавичюс ВП, Захаров АГ, Кухаренко АА, Василевич МН, Вологина ОВ и др., редакторы. *76-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета. Материалы конференции; 13–24 мая 2019 г.; Минск, Беларусь. Часть 2.* Минск: БГУ; 2019. с. 75–77.
8. Верещако АИ. Основные исследовательские стратегии философии техники. *Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта*. 2018;1:115–121.

References

1. Verashchaka AI. [Postphenomenology as an innovative approach in the philosophy of technology]. In: Lazarevich AA, Dudchik AYU, Adulo TI, Doronina SG, Evorovsky VB, Sanko SI et al., editors. *Intellektual'naya kul'tura Belarusi: dukhovno-nravstvennyye traditsii i tendentsii innovatsionnogo razvitiya. Materialy Pyatoi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 19–20 noyabrya 2020 g.; Minsk, Belarus'. Tom 1* [Intellectual culture of Belarus: spiritual and moral traditions and trends of innovative development. Materials of the Fifth International scientific conference; 2020 November 19–20; Minsk, Belarus. Volume 1]. Minsk: Chetyre chetverti; 2020. p. 29–32. Russian.
2. Ihde D. *Technics and praxis*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company; 1979. 163 p.
3. Ihde D. *Postphenomenology: essays in the postmodern context*. Evanston: Northwestern University Press; 1993. 161 p.
4. Verashchaka AI. The subject and problematic field of the modern ontology of technology. *Uchenye zapiski UO «VGU im. P. M. Masherova»*. 2018;26:121–127. Russian.
5. Verbeek PP. *What things do: philosophical reflections on technology, agency, and design*. Penn State: Pennsylvania State University Press; 2005. 264 p.
6. Berezin SN. [Postphenomenology of Don Ihde]. *Khora*. 2009;3–4:87–92. Russian.
7. Verashchaka AI. [The theory of mediation in the context of modern post-phenomenology of technology]. In: Safonov VG, Kutavichyus VP, Zakharov AG, Kukharenko AA, Vasilevich MN, Vologina OV et al., editors. *76-ya nauchnaya konferentsiya studentov i aspirantov Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Materialy konferentsii; 13–24 maya 2019 g.; Minsk, Belarus'. Chast' 2* [76th scientific conference of students and graduate students of the Belarusian State University. Materials of the conference; 2019 May 13–24; Minsk, Belarus. Part 2]. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 75–77. Russian.
8. Verashchaka AI. Major research strategies of philosophy of technology. *Vesnik Belaruskaga dzjarzhavnaga jekanamichnaga wniversitjeta*. 2018;1:115–121. Russian.

Статья поступила в редакцию 24.11.2020.
Received by editorial board 24.11.2020.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 1(091)(476.5)

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВИТЕБСКОГО КРУГА М. БАХТИНА

А. Н. НИКОНОВ¹⁾

¹⁾*Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет,
пр. Фрунзе, 27, 210023, г. Витебск, Беларусь*

Рассмотрены основные этапы биографии М. Бахтина, которые связаны с его переездом из Невеля в Витебск и пребыванием в этом городе. Проанализирован процесс формирования культурного феномена, который в научной среде получил название «Витебский круг М. Бахтина». Показана роль П. Медведева в создании данного интеллектуального объединения. Изучены факты научно-педагогической деятельности самого М. Бахтина и представителей творческой интеллигенции Витебска, которые входили в ближайшее окружение ученого и оказали значительное влияние на его становление как философа.

Ключевые слова: М. Бахтин; Невельский кружок; Витебский круг М. Бахтина; П. Медведев; витебский период жизни; преподавательская деятельность; государственная служба.

Благодарность. Автор выражает благодарность доктору философских наук, профессору Т. Г. Румянцевой за помощь в подготовке статьи.

Образец цитирования:

Никонов АН. Краткая история формирования и деятельности Витебского круга М. Бахтина. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;1:20–24.

For citation:

Nikonov AN. A brief history of the formation and activities of the M. Bakhtin Viciebsk circle. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021; 1:20–24. Russian.

Автор:

Александр Николаевич Никонов – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук.

Author:

Alexander N. Nikonov, senior lecturer at the department of social and humanitarian sciences.
nikonov-vitebsk@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5983-0872>

A BRIEF HISTORY OF THE FORMATION AND ACTIVITIES OF THE M. BAKHTIN VICIEBSK CIRCLE

A. N. NIKONOV^a

^aVitebsk State Order of Peoples' Friendship Medical University, 27 Frunze Avenue, Viciebsk 210023, Belarus

This article discusses the process of the formation of a cultural phenomenon, which in the scientific community is called the M. Bakhtin Viciebsk circle. The main stages of the biography of the thinker, which are associated with his moving from Nevel to Viciebsk and staying in this city, are considered. The role of P. Medvedev in the creation of this intellectual association is shown. The facts of scientific and pedagogical activity of M. Bakhtin himself and people from the creative environment of Viciebsk, who were in his immediate circle and had a significant influence on his formation as a philosopher, were studied.

Keywords: M. Bakhtin; Nevelsky circle; M. Bakhtin Viciebsk circle; P. Medvedev; Viciebsk period of life; teaching; public service.

Acknowledgements. The author expresses his gratitude to doctor of science (philosophy), professor T. G. Rumyantseva for help in preparing of the article.

Не только на постсоветском пространстве, но и в остальном мире современная гуманитарная мысль в той или иной степени ощущает на себе влияние результатов исследовательской деятельности одного из самых многогранных и глубоких мыслителей XX в. М. Бахтина. Родился он в конце XIX в. в Российской империи, а его основной творческий путь пришелся на советский период истории. Сфера научных интересов ученого была весьма обширная и разнообразная и включала в себя философию, эстетику, литературоведение, лингвистику и культурологию. Деятельность М. Бахтина стала предметом пристального внимания философов и ученых всего мира примерно с 1960-х гг. Начиная с этого времени была проделана огромная работа по исследованию его философско-культурологического наследия. Число публикаций, которые посвящены осмыслению тех или иных аспектов его творчества, постоянно увеличивается. Однако в современном бахтиноведении существует множество различных подходов к проблеме постижения и интерпретации идей ученого и поиску основ, позволяющих воспринять его творчество как единый процесс. По этой причине важным шагом к пониманию научного наследия М. Бахтина является изучение проблемы формирования, развития и эволюции его взглядов. Сделать это можно только на основе анализа историко-культурной среды, в которой происходило становление М. Бахтина как мыслителя.

Одним из важнейших этапов в жизни М. Бахтина был витебский период (1920–1924). В конце 1910-х гг. Витебск переживал творческий расцвет и стал одним из крупнейших в мире центров современной культуры. Особенно плодотворными для развития науки, искусства и образования стали 1918–1922 гг. (данный период получил название витебского ренессанса). В эти годы в небольшом губернском городе сошлись пути многих выдающихся деятелей науки и искусства, которые в будущем

получили мировую известность и признание. Именно здесь, в Витебске, произошло интеллектуальное становление М. Бахтина. Значительную роль в этом сыграли представители его ближайшего окружения из гуманитарно-интеллектуальной среды города, которых ученый называл своим творческим кругом.

Начало данному объединению единомышленников было положено в 1918 г. в Невеле, когда там оказались одновременно три его ведущих представителя: М. Бахтин, Л. Пумпянский и М. Каган. Это творческое содружество, которое часто в литературе называют Невельским кружком, просуществовало меньше года (с 1918 по 1919 г.). В этот период М. Бахтин, Л. Пумпянский и М. Каган усердно занимались научной и просветительской работой, постоянно делились и общались, обменивались своими идеями и взглядами. Кроме того, на их собраниях и в беседах часто принимали участие М. Юдина, Б. Зубакин, В. Волошинов и др. В 1919 г. М. Бахтин возглавил Невельскую научную ассоциацию. Ее членами были наиболее деятельные представители интеллектуальной элиты города, которые проводили диспуты, читали лекции, организовывали выступления и т. д. Был даже издан альманах «День искусства», в котором М. Бахтин опубликовал свое первое сочинение «Искусство и ответственность»¹. Большую поддержку работе ассоциации оказывал художник И. Гурвич, член РКП(б), который занимал должность заведующего внешкольным подотделом в Невельском уездном отделе народного просвещения. Именно он наладил деятельность Народного дома имени Карла Маркса, где проходило большинство общественных акций членов Невельской научной ассоциации [1].

В 1919 г. занятия Невельского кружка постепенно прекратились, а его активные члены один за другим стали покидать Невель. Несмотря на то что этот своеобразный интеллектуальный союз просуществовал недолго, он, несомненно, оказал сильное влияние на М. Бахтина, способствовал его становлению как мыс-

¹Михаил Бахтин [Электронный ресурс] // Россия начинается здесь! Псковская земля. URL: <http://www.culture.pskov.ru/ru/persons/object/43> (дата обращения: 20.02.2020).

лителя и укрепил в нем уверенность в своей способности к научной деятельности [2].

Следующим центром работы участников Невельского кружка становится Витебск, где в 1920 г. происходит процесс формирования основного состава того творческого объединения, которое впоследствии будет называться Витебским кругом М. Бахтина. Большую роль в образовании данного объединения интеллектуалов-единомышленников сыграл П. Медведев, теоретик и историк литературы, критик и литературовед. Этот выдающийся деятель культуры уже с начала 1910-х гг. активно занимался литературой и журналистикой, публиковался в различных журналах. Кроме того, он много времени уделял политике, был членом партии эсеров (фракция трудящихся) и последним городским головой Витебска [3].

После Октябрьского переворота 1917 г. П. Медведев, активно включившись в культурную, научную и образовательную жизнь Витебска, поставил перед собой цель создать в городе профессиональную гуманитарно-интеллектуальную среду. В это время он постоянно и плодотворно сотрудничал с М. Добужинским, М. Шагалом, Н. Малько и другими деятелями научной и творческой интеллигенции города. С представителями Невельского кружка М. Бахтиным, М. Каганом и Л. Пумпянским он, вероятнее всего, познакомился еще в Невеле, когда приезжал туда в 1918 г. читать лекции.

В ноябре 1918 г. П. Медведев организовал в Витебске Народный университет (позднее переименован в Пролетарский университет) и был избран на должность его ректора. В этом учебном заведении основное внимание уделялось гуманитарным наукам. Сам П. Медведев читал курс лекций по русской литературе и обществу XIX в. и издал книгу «Записки Пролетарского университета», а также организовал при университете витебское Общество свободной эстетики и семинар по социологии [4, с. 79].

В июле 1919 г. П. Медведев пригласил на работу в Пролетарский университет профессора философии С. Грузенберга из Петербурга и литературоведа Л. Пумпянского из Невеля. Осенью 1919 г. в Витебск приехал и М. Каган, который тоже стал лектором университета [5].

Важным замыслом, который стремился реализовать в Витебске П. Медведев, стало открытие Института гуманитарных наук и искусств. Планировалось в 1919 г. создать самостоятельное высшее учебное и научное заведение, в котором было бы все необходимое для творческой реализации витебских интеллектуальных сил в философии, психологии, эстетике, искусствознании и других сферах. Работавший на тот момент Институт народного образования не мог осуществить эти планы. Важную роль, по мнению П. Медведева, в работе будущего института должны были сы-

грать представители петербургской интеллектуальной элиты (многие из них в эти годы жили в Витебске). Оргкомитет по созданию нового института возглавил П. Медведев [4, с. 80]. Он прилагал все усилия для открытия данного учебного заведения, вел обнадеживающие переговоры с наркомом просвещения А. Луначарским. Однако институт создать так и не удалось. В основном это произошло из-за финансовых проблем, но частично и по идеологическим причинам [5].

Параллельно с организационной работой П. Медведев активно занимался научной и преподавательской деятельностью. Он готовил труды по теории художественного творчества и истории новейшей литературы, читал лекции по литературе и эстетике не только в различных учебных заведениях города, но и везде, где была заинтересованная в получении данной информации аудитория: в клубах, библиотеках, театрах и т. д. [4, с. 79]. Среди тем его лекций можно выделить следующие: «Значение И. С. Тургенева в истории русской литературы (к 100-летию со дня рождения)», «Творческий путь Гоголя», «О пролетарской поэзии», «Разложение натурализма и новые веяния в русской литературе» и др. [6, с. 126].

Схожесть идей членов Невельского кружка и П. Медведева явно прослеживалась в докладе ученого «Тургенев как человек и писатель» (1918), в котором говорилось о взаимосвязи жизни и искусства. Почти через год в невеликом альманахе «День искусства» подобные проблемы в своих статьях поднимали М. Бахтин и М. Каган. Еще большее сближение их взглядов стало заметно осенью 1919 г., когда 4 сентября в зале Витебской народной консерватории и 6 сентября в Пролетарском университете состоялись вечера Невельского научного общества, на которых М. Каган, М. Бахтин и Л. Пумпянский выступили с докладами на тему «Роль личности». За несколько дней до этого подобные идеи выдвинул П. Медведев в лекции «Личность Герцена»².

В начале осени 1920 г. в Витебск переехал М. Бахтин. Предложение сменить место жительства, очевидно, исходило от Л. Пумпянского, который находился здесь с 1919 г. и принимал активное участие в научной и образовательной жизни города. За это время он сблизился с группой местной интеллигенции, в которую входили известные ученые, педагоги и деятели искусства. Надо полагать, что благодаря старым связям и новым знакомствам Л. Пумпянский помог М. Бахтину переехать в Витебск. Первоначально М. Бахтин даже поселился на квартире, которую снимал Л. Пумпянский [7].

В 1920 г. в Витебск приехал еще один участник Невельского кружка – лингвист и музыковед В. Волошинов, который работал в подотделе искусств Витебского губернского отдела народного образования, возглавляемого П. Медведевым.

²Медведев Ю. П., Медведева Д. А., Shepherd D. Полифония круга [Электронный ресурс]. URL: <http://nevmenandr.net/scientia/festschrift/medvedev.pdf> (дата обращения: 20.02.2020).

После переезда в Витебск М. Бахтин начал активную просветительскую деятельность. Он преподавал историю западноевропейской литературы и историю научного мировоззрения в Институте народного образования³, а также читал курс лекций по философии музыки в Народной консерватории [8, с. 199], проводил занятия в Витебской литературной студии. Кроме чтения основных лекций в институте и консерватории, он также вел такие предметы литературной студии Витебского губернского отдела Всероссийского профессионального союза работников искусств, как эстетика, теория художественного творчества, западная и русская литература, теория русской поэзии, история искусств и русская журналистика [9, с. 53].

Также М. Бахтин приступил к чтению публичных лекций. Их тематика весьма разнообразна. В некоторых выступлениях он пытался связать и соотнести религиозно-философские проблемы с социальными («Бог и социализм», «Искусство и социализм»), в других уделял внимание будущей эстетике словесного творчества («О слове», «Поэзия Вячеслава Иванова») и т. д. Довольно быстро выступления М. Бахтина стали чрезвычайно популярными среди интеллектуалов города. Постоянные слушатели решили организовать кружок по изучению русской литературы, занятия которого проходили дома у М. Бахтина на ул. Смоленской (ныне – ул. Ленина). На данное мероприятие начали регулярно собираться 10–20 человек, которым М. Бахтин читал курс лекций по русской художественной словесности.

В это время М. Бахтин познакомился и сблизился с П. Медведевым [9, с. 53–54], а позже и с И. Соллертинским, который с 1919 г. жил в Витебске и работал в подотделе искусств разъездным инструктором. Именно эти люди, наравне с В. Волошиновым, Л. Пумпянским и М. Каганом, составили Витебский круг М. Бахтина.

Само понятие «Витебский круг М. Бахтина» – явление довольно сложное, поскольку оно включало в себя не только ближний круг, общение с которым ученый сохранил впоследствии на долгие годы, но и тех людей, которые взаимодействовали с М. Бахтиным в течение короткого периода его жизни и творчества в Витебске⁴. Это были представители творческой и научной интеллигенции города, среди которых можно выделить К. Малевича (с ним у М. Бахтина завязалась настоящая дружба), Л. Лисицкого, А. Цшохера и др. [8, с. 199].

Отдельного внимания требует фигура В. Вейгер-Рейдемейстера, который, вероятно, не входил в Витебский круг М. Бахтина, однако оказал на развитие этого объединения сильное влияние. В Витебск В. Вейгер-Рейдемейстер приехал в 1918 г. В апреле

1919 г. он стал заведующим секцией лекций и чтений губернского отдела народного образования, часто посещал уезды, приглашал лекторов, в том числе и Л. Пумпянского, М. Кагана, а также М. Бахтина из Невеля [7]. В 1920 г. В. Вейгер-Рейдемейстер стал преподавать всеобщую и русскую историю в Витебском институте народного образования, где в это же время начал работать и М. Бахтин⁵. В. Вейгер-Рейдемейстер был старше М. Бахтина, успел поучиться за границей и написать научную работу. Возможно, он был тем, кто первым познакомил М. Бахтина с идеями философской герменевтики [7].

Деятельность Витебского круга М. Бахтина оказала огромное влияние на формирование духовной среды Витебска начала 1920-х гг. Все члены объединения вели активную научную и просветительскую работу. Их творчество было проникнуто общими идеями, а труды одного автора часто дополнялись материалами другого. Например, в процессе дискуссий обсуждались литературно-творческие проблемы, выдвинутые Л. Пумпянским. Позже их глубоко и оригинально исследовал М. Бахтин. Публичные лекции В. Волошина по истории драматургии и театра, костюма и внешнего быта часто дополнялись комментариями М. Бахтина. Сам же М. Бахтин также часто консультировал П. Медведева при подготовке к литературным диспутам [6, с. 124–125]. Именно в Витебске М. Бахтин под влиянием взглядов П. Медведева изменил направление своих исследований. Если в невельский период он основное внимание уделял проблеме взаимосвязи искусства и жизни, то теперь его больше стали интересовать теория литературы и эстетика словесного творчества [8, с. 199].

Необходимо также отметить, что участники Витебского круга М. Бахтина, занимаясь активной творческой и просветительской деятельностью, также работали в различных государственных учреждениях образования, культуры и искусства. Например, Л. Пумпянский был членом лекторской коллегии Пролетарского университета и входил в комиссию по улучшению и пересмотру учебников школьного подотдела Витебского губернского отдела народного образования; М. Бахтин выполнял обязанности инструктора по охране памятников старины и искусства по Невельскому уезду; В. Волошинов сначала занимал должность заместителя, а потом – заведующего секцией музыкального образования в Витебском губернском народном комиссариате просвещения [6, с. 124–125].

В ноябре 1920 г. Л. Пумпянский покинул Витебск и перебрался в Петроград, вскоре уехали М. Каган и И. Соллертинский. В Витебске из близких друзей М. Бахтина оставались только В. Волошинов и П. Медведев. Именно они (особенно П. Медведев) стали его главными собеседниками и соратниками

³ Гос. арх. Витеб. обл. Ф. 204. Оп. 1. Д. 135. Л. 15.

⁴ Лисов А. Г., Трусова Е. Г. Витебский музыкальный комиссар [Электронный ресурс] // Хронотоп и окрестности: юбилейный сборник в честь Николая Панькова. URL: <http://nevmenandr.net/scientia/festschrift/lisov.pdf> (дата обращения: 27.01.2020).

⁵ Гос. арх. Витеб. обл. Ф. 204. Оп. 1. Д. 135. Л. 2.

в этот период. Круг общения подобрался на основе взаимного влечения и общности взглядов. Во время бесед, по словам М. Бахтина, и сформировалась та общая для всех троих концепция словесного творчества, которая определила дальнейшее направление деятельности Витебского круга М. Бахтина и была отражена в их трех знаменитых монографиях [4, с. 83–84].

В 1922 г. П. Медведев и В. Волошинов уехали из Витебска и остановились в Петрограде. М. Бахтин еще некоторое время продолжал жить в городе, но постоянно думал о переезде в другое место. Одной из главных причин этих раздумий являлось то, что в провинциальном Витебске не было достаточной научной базы для реализации его идей и проектов. В связи с этим весной 1924 г. М. Бахтин покинул город и переехал в Ленинград, где и продолжилась творческая деятельность Витебского круга М. Бахтина [8, с. 200].

Несмотря на относительно небольшой срок пребывания М. Бахтина в Витебске, этот период стал важнейшим в его творческом формировании. Здесь М. Бахтин продумал темы своих будущих трудов и начал их писать, а также работал над незаконченными ранними философскими трактатами. В Витебске начали формироваться его философские и эстетические взгляды. Постоянное общение М. Бахтина с представителями различных социальных групп, которое происходило в форме диалога, а также частые дискуссии и споры единомышленников постепенно углубляли и расширяли осмысление его философско-культурологических идей. Именно в Витебске произошло его становление как выдающегося педагога и ученого, а влияние представителей Витебского круга М. Бахтина на развитие и эволюцию его взглядов является несомненным.

Библиографические ссылки

1. Шатских А. Событие встречи. Бахтин и Малевич. *Диалог. Карнавал. Хронотоп*. 1995;3:16–33.
2. Лисов АГ, Трусова ЕГ. Реплика по поводу автобиографического мифотворчества М. М. Бахтина. *Диалог. Карнавал. Хронотоп*. 1996;3:161–166.
3. Коровашко АВ. *Михаил Бахтин*. Москва: Молодая гвардия; 2017. 452 с. (Жизнь замечательных людей).
4. Медведев ЮП, Медведева ДА. Творческое наследие П. Н. Медведева в свете диалога с М. М. Бахтиным. *Диалог. Карнавал. Хронотоп*. 2001;2:73–94.
5. Медведев ЮП, Медведева ДА. Круг М. М. Бахтина. *Звезда* [Интернет]. 2020 [процитировано 15 февраля 2020 г.]. Доступно по: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1806>.
6. Русецкий АВ, Русецкий ЮА. В начале пути: литературная жизнь Витебщины в послереволюционные годы (1918–1924). *Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»*. 2008;7:110–130.
7. Лисов АГ, Подлипский АМ. «Друг Керенского»: краткий очерк биографии В. А. Вейгер-Рейдемейстера. *Диалог. Карнавал. Хронотоп*. 2020;1:53–71.
8. Семёнова НС. Роль витебского периода в жизни и творчестве М. Бахтина. В: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова. *Психологический Vademecum: Витебщина М. М. Бахтина*. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова; 2018. с. 197–201.
9. Козлов АВ. Витебский период деятельности М. М. Бахтина. В: Медведева НВ, редактор. *Материалы докладов 50-й Международной научно-технической конференции преподавателей и студентов, посвященной Году науки; 12–13 апреля 2017 г.; Витебск, Беларусь. Том 1*. Витебск: ВГТУ; 2017. с. 53–56.

References

1. Shatskikh A. [Meeting event. Bakhtin and Malevich]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*. 1995;3:16–33. Russian.
2. Lisov AG, Trusova EG. [Remark on the autobiographical myth-making of M. M. Bakhtin]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*. 1996;3:161–166. Russian.
3. Korovashko AV. *Mikhail Bakhtin*. Moscow: Molodaya gvardiya; 2017. 452 p. (Zhizn' zamechatel'nykh lyudei). Russian.
4. Medvedev YuP, Medvedeva DA. [The creative heritage of P. N. Medvedev in the light of dialogue with M. M. Bakhtin]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*. 2001;2:73–94. Russian.
5. Medvedev YuP, Medvedeva DA. M. M. Bakhtin's circle. *Zvezda* [Internet]. 2020 [cited 2020 February 15]. Available from: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1806>. Russian.
6. Rusetsky AV, Rusetsky JA. [At the beginning of the journey: the literary life of the Viciebsk region in the post-revolutionary years (1918–1924)]. *Uchenye zapiski UO «VGU im. P. M. Masherova»*. 2008;7:110–130. Russian.
7. Lisov AG, Podlipskiy AM. «Friend of Kerensky»: a short sketch of the biography of V. A. Weiger-Reidemeister. *Dialog. Karnaval. Khronotop*. 2020;1:53–71. Russian.
8. Semyonova NS. [The role of the Viciebsk period in the life and work of M. Bakhtin]. In: Viciebsk State University named after P. M. Masherov. *Psikhologicheskii Vademecum: Vitebshchina M. M. Bakhtina* [Psychological Vademecum: Viciebsk M. Bakhtin]. Viciebsk: Viciebsk State University named after P. M. Masherov; 2018. p. 197–201. Russian.
9. Kozlov AV. [Viciebsk period of activity of M. M. Bakhtin]. In: Medvedeva NV, editor. *Materialy dokladov 50-i Mezhdunarodnoi nauchno-tekhnicheskoi konferentsii prepodavatelei i studentov, posvyashchennoi Godu nauki; 12–13 aprelya 2017 g.; Viciebsk, Belarus'. Tom 1* [Proceedings of the 50th International scientific and technical conference of teachers and students, dedicated to the Year of science; 2017 April 12–13; Viciebsk, Belarus. Volume 1]. Viciebsk: Viciebsk State Technological University; 2017. p. 53–56. Russian.

Статья поступила в редколлегию 01.10.2020.
Received by editorial board 01.10.2020.

УДК 1(091)

ГЛОБАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ Г. СКИРБЕККА КАК ИЗУЧЕНИЕ МНОЖЕСТВЕННЫХ МОДЕРНИЗАЦИЙ

А. Ю. ДУДЧИК¹⁾

¹⁾Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассматривается проект глобальной истории философии Г. Скирбекка. Реконструируются основные принципы историко-философского исследования, специфика понимания Г. Скирбекком философского знания и его эпистемических притязаний, различия между историей философии и историей идей. Демонстрируется связь между концепцией истории философии Г. Скирбекка и философским осмыслением тематики современности и модернизации, намечаются варианты возможной дальнейшей продуктивной разработки концепции глобальной истории философии.

Ключевые слова: Г. Скирбекк; глобальная история философии; история философии; история идей; множественные современности; модернизация.

G. SKIRBEKK'S GLOBAL HISTORY OF PHILOSOPHY AS A STUDY OF MULTIPLE MODERNISATIONS

A. Yu. DUDCHIK^a

^aInstitute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The article elaborates the project of the global history of philosophy by the Norwegian philosopher G. Skirbekk. The basic principles of study of philosophical ideas, the specifics of his understanding of philosophical knowledge and its epistemic claims, the difference between the history of philosophy and the history of ideas are reconstructed. The connection of the concept of history of philosophy by G. Skirbekk with his philosophical understanding of the subject of modernity and modernisation is demonstrated, variants of possible further development of the concept of the global history of philosophy are presented.

Keywords: G. Skirbekk; global history of philosophy; history of philosophy; history of ideas; multiple modernities; modernisation.

Норвежский философ Г. Скирбекк (родился в 1937 г.) является заслуженным профессором Бергенского университета. Он изучал философию в университетах Осло, Парижа, Тюбингена, стажировался в Калифорнийском университете (Сан-Диего, США) у Г. Маркузе и А. Стролла. Круг его научно-исследовательских интересов достаточно широк и включает изучение следующих областей знания: прак-

сеологии, теории истины, политической теории, экофилософии, философии естествознания и гуманитарных наук, теории модернизации и др. Одной из наиболее известных работ ученого по истории философии стала написанная совместно с профессором Бергенского университета Н. Гилье книга «История философии». Впервые опубликованная в 1970 г., она многократно переиздавалась и была переведена

Образец цитирования:

Дудчик АЮ. Глобальная история философии Г. Скирбекка как изучение множественных модернизаций. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2021;1:25–30.

For citation:

Dudchik AYU. G. Skirbekk's global history of philosophy as a study of multiple modernisations. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2021;1: 25–30. Russian.

Автор:

Андрей Юрьевич Дудчик – кандидат философских наук, доцент; заместитель директора по научной работе.

Author:

Andrei Yu. Dudchik, PhD (philosophy), docent; deputy director for research.
dudchik@philosophy.by

на 17 языков мира, в том числе английский, китайский и русский. Первый вариант книги написал Г. Скирбекк, в дальнейшем к нему в качестве соавтора присоединился Н. Гилье, а в саму книгу были добавлены новые разделы. В более поздних вариантах книги отдельные разделы были написаны приглашенными авторами. С течением времени книга выдержала много изданий, поэтому публиковалась под разными названиями, например: «История философии», «История Западной философии от Древней Греции до XX в.», «История философии: введение в философские основания современности». Главное внимание в этом произведении уделяется истории западной философии, однако глава «Дократическая философия с обзором индийских и китайских учений», как видно из ее названия, содержит информацию о восточных философских традициях.

Во введении и основной части книги Г. Скирбекк и Н. Гилье подробно излагают свое понимание философии и истории философии. Прежде всего они отмечают, что большинство работ по истории философии были написаны исходя из философских проблем, которые являются наиболее важными при изучении наследия мыслителей прошлого. Соответственно, уже в начале исследования обозначается интерес авторов книги к развитию представлений о естественных правах и экспансия естествознания и научной рациональности. Г. Скирбекк поясняет: «Если представить себе историю философии в виде яркого гобелена, основу которого составляет множество проблем-нитей, то эти две, несомненно, являются самыми длинными и важными» [1, с. 14]. В данной книге под наукой понимаются не только естественно-научные дисциплины, но и социальные и гуманитарные науки. Большинство существующих работ по истории философии несильно отличаются друг от друга, поскольку они обычно содержат схожий набор имен и обсуждаемых предметов. Характерной чертой изучения философских систем прошлого является приписывание им качеств, свойственных современному миру. Наивно было бы полагать, что существует рассуждение об истории философии (равно как и о какой-либо другой дисциплине) «с точки зрения вечности или с позиций Господа Бога». Однако, если автор истории философии придерживается «некоторой заранее продуманной точки зрения», это может помешать адекватному и глубокому пониманию мыслителей прошлого [1, с. 15]. Такая изначальная склонность к оцениванию их идей может содействовать принятию на себя роли «школьного учителя» (по Скирбекку). Одним из наиболее ярких примеров подобного рода является работа Б. Рассела «История западной философии». Серьезное отношение к философам прошлого предполагает определенное восприятие сказанного ими, «вступление с ними в диалог, позволяющий сопоставить и испытать наши и их точки зрения. <...>

Мы желаем не только слушать, но и отвечать голосу, который говорит из прошлого» [1, с. 15]. В этом, по мнению Г. Скирбекка, и состоит отличие «философствующей» истории философии от простой реконструкции идей мыслителей предшествующих эпох.

Г. Скирбекк считает, что изучение философских трудов предполагает как минимум несколько уровней прочтения: во-первых, следует понимать то, о чем говорится в тексте (при этом учитывается и корпус текстов автора в целом, и его связь с историей идей); во-вторых, необходимо уметь анализировать произведение в историческом контексте (с позиции влияния социальных обстоятельств на автора и его взгляды); в-третьих, нужно рассматривать излагаемые в тексте представления с точки зрения их истинности (или общезначимости). Непременным условием занятий философией является самостоятельное познание фундаментальных вопросов. Как показывает Г. Скирбекк на примере утверждения Фалеса о том, что все есть вода, философские ответы, рассматриваемые вне связи с задаваемыми вопросами, могут показаться «либо тривиальными, либо абсурдными» [1, с. 23]. На первый взгляд это выглядит парадоксально, однако ученый настаивает на том, что сами по себе конкретные ответы наименее важны при анализе философских воззрений. Для верного понимания предлагаемого философами ответа, кроме самого вопроса, следует знать и аргументы в его поддержку, и возможные логические следствия. В целом философское рассуждение включает четыре фактора: вопрос, аргументы, ответ, следствия, при этом «ответ становится осмысленным только в свете остальных трех факторов» [1, с. 24].

В дальнейшем эти представления об истории философии были развиты Г. Скирбекком в работе «Идея глобальной истории философии», написанной на основе материалов его доклада, с которым он выступил на XXIV Всемирном философском конгрессе в Пекине в 2018 г. В тексте анализируются три ключевых понятия: «философия», «история философии», «глобальная история философии».

Как отмечает мыслитель, широкое понимание философии как определенного мировоззрения считается достаточно распространенным явлением. Однако особенность философского мировоззрения заключается в том, что оно основывается на готовности как предлагать аргументы в свою поддержку, так и принимать их против своих взглядов (*give and take*). Следовательно, мировоззрение, базирующееся исключительно на традиции или догме, не готовое взаимодействовать с возможными контраргументами, не будет являться философским. Для философии характерны собственные притязания на обоснованность (*validity claims*), которые отличаются от схожих областей знания, прежде всего в эмпирической науке. Как правило, сегодня обоснованность в фило-

софии ассоциируется с концептуальной ясностью, достаточностью и рефлексивной позицией по отношению к своим предпосылкам. В качестве примеров Г. Скирбекк приводит работы Л. Витгенштейна, К.-О. Апеля, Ю. Хабермаса и А. Несса.

По мнению Г. Скирбекка, для истории философии значимыми могут быть как взгляды мыслителей прошлого, которые содержат определенные истинные положения, так и то, что в настоящее время кажется заблуждением. Например, картезианский дуализм души и тела ученый характеризует как философски интересную ошибку. При этом следует учитывать по меньшей мере три обстоятельства. Во-первых, философы прошлого участвовали в постоянном диалоге, спорили между собой и в своих трудах ссылались друг на друга. В отдельных случаях (как в ситуации с ранними греческими философами) в ходе обсуждения различных философских позиций возможен процесс взаимного обучения и концептуального развития. Эта идея созвучна принципу, которого придерживается в своей работе «Социология философий» известный североамериканский социолог Р. Коллинз. Он утверждает, что основным объектом изучения следует считать не отдельных философов или содержания их систем, а процесс коммуникации между ними и те социальные сети, которые образуются во время такого взаимодействия. Ученый пишет: «Нам нужно научиться видеть сквозь личности, вплести их в сеть процессов, которые ввели этих индивидов как исторические фигуры в круг нашего внимания. Такие структуры [групп и сетей] задают линии развития философии во всех исторических регионах» [4, с. 49]. Во-вторых, философские работы, особенно начиная с эпохи Нового времени, тесным образом связаны с развитием естествознания и социальных наук. Соответственно, философы прошлого часто находились в процессе коммуникации с историками, социологами, биологами, физиками и др. При этом важно отметить, что такие отношения могли носить двусторонний характер. Так, Г. Скирбекк считает, что развитие нейронауки заставляет философию пересматривать существующие представления о свободе воли, однако с философской точки зрения можно критически оценить и предпосылки самой нейронауки как определенной формы человеческой познавательной активности. Философские концепции тесно взаимодействуют и с политическими идеологиями, религиозными и культурными движениями, прежде всего с их эпистемическими притязаниями на объяснение подлинного устройства реальности и способов ее познания. Например, для трех крупных монотеистических религий – христианства, ислама и иудаизма – важной является проблема зла, которая приобретает особенно большое значение для философских построений, возникающих в рамках этих религиозно-культурных представлений. Более того, религиоз-

ные темы и проблемы могут оказывать влияние (как предмет критического изучения) и на мыслителей, стоящих на светских позициях. Наконец, в-третьих, философское мышление является социально и исторически расположенным (*situated*), философы реагируют на различные вызовы и события в истории. Например, Г. Скирбекк подчеркивает, что идеи Платона и Конфуция развивались во многом как реакция на кризисные ситуации в их обществах, при этом оба мыслителя делали акцент на роли правильного образования как основания для мудрой и добродетельной жизни. Однако в дальнейшем Платон склонился к важности законодательства (в «Законах»), а конфуцианцы, напротив, находились в полемике со школой законников-легистов по поводу приоритета правового регулирования общественной жизни. Таким образом, социокультурный контекст важен для изучения истории философии как фундамент для лучшего понимания оснований философских концепций, а также вопросов, волновавших философов. Как пишет Г. Скирбекк, достаточно часто значимые политические события оказывают влияние на философские рассуждения, хотя, конечно, данное воздействие не всегда прослеживается явным образом. В качестве примера ученый приводит события Второй мировой войны, которые вынудили мыслителей коренным образом пересмотреть уже устоявшиеся представления о сущности человека и социальных нормах. При этом способ философского обращения к подобному опыту существенно отличается у немецких мыслителей, переживших цивилизационный кризис нацистского периода (К.-О. Апель, Ю. Хабермас), и североамериканских интеллектуалов (Р. Рорти и др.). Более того, рефлексия по поводу политических событий, находящая выражение в политической философии как особой области философского знания, является примером взаимного влияния теоретических построений и политической практики.

Все это позволяет Г. Скирбекку предложить собственное, расширительное понимание истории философии как изучения эпистемических притязаний преобладающих способов мышления в естествознании и гуманитарных науках, а также в политике и религии, равно как и изучения важных социально-исторических событий и взаимодействий как фона (*background*) для философских рассуждений.

И хотя формально история философии имеет дело с локальными философскими традициями, связанными с конкретными регионами и историческими периодами, однако по своим философским устремлениям и притязаниям всякая локальная философия будет претендовать на широту изучаемых вопросов и предлагаемых выводов, что и делает ее в какой-то степени глобальной, пусть даже и потенциально. Любая философия должна стремиться продемонстрировать свое соответствие

проблемам современного мира. Из этого, в частности, следует, что история философии не завершается на выдающихся мыслителях прошлого, а должна заниматься философами, живущими в настоящее время и ищущими ответы на вызовы современного мира. К таким вызовам Г. Скирбекк причисляет необходимость все более тщательной аргументации в открытой дискуссии (что относится как к инструментальным, так и к интерпретативным формам рациональности), развитие новых технологий (что ставит новые вопросы и вызовы перед философами), а также вопросы, связанные с кризисными явлениями в области экологии.

Хотя эти вызовы являются общими для современности как таковой, однако нельзя забывать, что нации обладают разным институциональным развитием и социально-историческим опытом, поэтому, по мнению Г. Скирбекка, следует говорить о множественных современностях, которые и изучает глобальная история философии. Ученый предлагает придерживаться следующих правил: должны рассматриваться всерьез эпистемические притязания, а также учитываться социально-исторические обстоятельства как своеобразный фон для постановки философских вопросов. Иными словами, история философии должна быть аргументативной и помещаться в исторический контекст (*argumentative and situated*). Описывая подобный вариант истории философии, Г. Скирбекк уточняет рассматриваемую ранее модель философского рассуждения, которая включает следующие факторы: 1) основание (*background*), фон, контекст, в рамках которого высказываются философские идеи; 2) аргументы, резоны (*reasons*), предлагаемые рассматриваемым философом как из собственной перспективы, так и из перспективы других агентов со схожими эпистемическими притязаниями; 3) ответ – отстаиваемая философом позиция или учение; 4) возможные следствия и комментарии к подобному способу мышления. При этом ученый вновь призывает не концентрироваться на предлагаемых философами ответах, а уделять основное внимание изучению иных аспектов.

Как и ряд других авторов-философов (например, известный французский феноменолог и историк философии Ж.-Л. Марион), Г. Скирбекк проводит различие между историей идей и историей философии как областями исследования. История идей занимается анализом текстов и их герменевтической интерпретацией. Основная задача исследований в этой области – выяснить, что мыслители прошлого говорили и писали. Для истории философии, в отличие от истории идей, важным критерием оценки текстов прошлого является их философское содержание: истинность (*true*), правильность (*right*), разумность (*reasonable*) или соответствие (*relevant*). В последнем случае, вероятно, имеется в виду соответствие философских представлений определенной

реальности. Важная задача анализа истории философии – научиться чему-то у философов прошлого, а не узнать что-либо о них; принимать их эпистемические притязания не как экстравагантные взгляды, имевшие место в прошлом и интересные преимущественно как свидетельство ушедшей эпохи, а как важные идеи [2]. В этом понимании позиция Г. Скирбекка близка взглядам Ж.-Л. Мариона, который отмечает, что «не существует исследования истории философии без философских вопросов, и нет философского вопроса без философского предположения того, что подвергается осмыслению в данном вопросе. При отсутствии такого подхода к самим вещам история философии совпадала бы с историей идей (отличная и выдающаяся дисциплина, которая сохраняет свою значимость, но вместе с тем она должна знать и свои границы)» [3, с. 54].

Г. Скирбекк обращается к своему опыту историка философии. Ученый уделяет пристальное внимание трем аспектам:

- желательной ширине подхода, рассматривающего большое количество разных философских традиций. Определенное преимущество мыслитель находит в позиции представителя небольшой страны, имеющего опыт постоянного взаимодействия с разными культурными и языковыми традициями. Кроме того, ширина исследовательского подхода может заключаться и в выходе за пределы чистой философии, и в обращении к эпистемическим вызовам из области наук и идеологий и значимым социально-историческим событиям как основе для философских рассуждений;

- максимально полному рассмотрению развития философских вопросов, включающему и их современные варианты, даже если подобное рассмотрение будет избирательным и схематичным;

- стремлению в своих историко-философских исследованиях соответствовать современным эпистемическим стандартам, основывающимся, в свою очередь, на эпистемических вызовах современного мира. Завершает свою работу Г. Скирбекк следующим определением: «Глобальная история философии может рассматриваться как история (в английском варианте – *a history*, т. е. одна из возможных. – А. Д.) глобальной модернизации, в фокусе внимания которой находится развитие разных форм рациональности в их исторической ситуационности (*situatedness*)» [2]. Подобное понимание истории философии является вполне закономерным для взглядов норвежского мыслителя, поскольку данная проблематика на протяжении долгого времени находилась в центре его внимания. Основные положения понимания философии модернизации изложены в его работе «Модернизация жизненного мира: универсальность и множественность в процессе модернизации» [5], опубликованной в 1993 г., в которой автор в целом развивает идеи Ю. Хабермаса об

антиномиях рациональности в современном обществе, а также ряд идей концепции множественных (плюральных) современностей.

Обращаясь к проблемам современности (модерности), необходимо отметить два момента.

1. Интересным и эвристичным для философии и политической теории может быть дальнейшее исследование развития истории философии в контексте осмысления опыта современности как определенной культурной проблемы (в терминах Б. Г. Капустина [6]). Хотя некоторые элементы историко-философского подхода обнаруживаются в античности, все же возникновение данной науки как отдельной философской дисциплины [7] и ее достаточно быстрая популяризация в рамках университетских курсов [8] приходится как раз на период становления общества современности – XVIII–XIX вв. Вместе с тем А. С. Меньшиков подчеркивает, что для культуры модерна характерен интерес к философии истории как специфическому способу осмысления противоречий современности [9, с. 167–171]. Можно предположить, что в это же время возникает потребность в специальном изучении истории философии как попытке показать различие и одновременно установить определенные отношения философии с собственным прошлым. Как демонстрирует Г. Люббе, интерес к истории является отличительной особенностью обществ современного типа [10], что характерно и для философов, конечно, с учетом специфики их деятельности. Этим можно объяснить определенную двойственность истории философии, которая, с одной стороны, выступает как необходимое введение в культуру философского мышления, а с другой – как предмет критического отношения [11, с. 6–7]. Достаточно острым для историко-философских исследований остается вопрос о множественности (в данном случае – философских концепций и идей), находящийся в центре внимания философских размышлений о современности.

2. Четко прописанная Г. Скирбекком концепция истории философии, как истории глобальной модернизации, позволяет критически анализировать и развивать ее за счет обращения к содержанию современных дискуссий по поводу теории модер-

низации в целом и теории множественных современностей в частности. Как известно, критическое осмысление классической теории модернизации привело к появлению ряда достаточно оригинальных исследовательских подходов, например, мир-системного анализа, в рамках которого, с учетом специфики предмета, рассмотрение развития философских идей представляло бы особый интерес. Если говорить о теории множественных современностей, то здесь перспективным может оказаться обращение к идее переплетенных современностей шведского социального теоретика Й. Терборна [12] или сравнение идей Г. Скирбекка с популярным подходом к глобальной истории [13, с. 82–87].

Следует отметить, что отдельный интерес вызывает понятие «глобальная история философии», введенное в книге «Как мыслит мир» Дж. Баджини [14]. Если британский философ во многом развивает проблематику сравнительных исследований философских традиций [15; 16], то проект Г. Скирбекка основывается на философском осмыслении проблематики современности и модернизационных процессов. Между этими подходами вполне возможен продуктивный диалог и даже определенный синтез уже имеющихся у них наработок, дополненный идеями глобальной истории как современного междисциплинарного направления.

Таким образом, историю философии Г. Скирбекк понимает и как интеллектуальную историю глобальных модернизаций, и как глобальную историю философии, затрагивающую ключевые проблемы современности исходя из универсальных эпистемических притязаний философских концепций. Кроме того, норвежский ученый исходит из принципиального различия между историей философии и историей идей. «Философская» история философии должна соотноситься с философской составляющей концепций прошлого. Дальнейшее развитие идеи глобальной истории философии можно осуществить как за счет синтеза чисто философских вариантов данного проекта, так и благодаря обращению к методологическим наработкам современного социогуманитарного знания (прежде всего к направлению глобальной истории).

Библиографические ссылки

1. Скирбекк Г, Гилье Н. *История философии*. Крымский СБ, редактор; Кузнецов ВИ, переводчик. Москва: Владос; 2008. 800 с.
2. Skirbekk G. The idea of a global history of philosophy [Internet]. 2019 [cited 2020 January 20]. Available from: <https://khrono.no/files/2019/10/09/theideaofaglobalhistoryofphilosophy.pdf>.
3. Марион ЖЛ. Некоторые правила в истории философии. *Философские науки*. 2010;9:50–59.
4. Коллинз Р. *Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения*. Розов НС, Вертгейм ЮБ, переводчики. Новосибирск: Сибирский хронограф; 2002. 1280 с.
5. Skirbekk G. *Rationality and modernity. Essays in philosophical pragmatics*. Oslo: Scandinavian University Press; 1993. 312 p.
6. Капустин БГ. *Современность как предмет политической теории*. Москва: РОССПЭН; 1998. 308 с.
7. Piaia G, Santinello G, editors. *Models of the history of philosophy. From Cartesian age to Brucker. Volume II*. New York: Springer; 2011. 630 p.

8. Шнайдер УИ. Преподавание философии в немецких университетах в XIX веке. *Логос*. 2004;3–4:61–90.
9. Меньшиков АС. Теория модерности: очерк проблемного поля. *Известия Уральского государственного университета. Серия 3. Общественные науки*. 2010;4:165–177.
10. Люббе Г. *В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем*. Куренной ВА, редактор; Григорьев АБ, Куренной ВА, переводчики. Москва: Высшая школа экономики; 2016. 456 с.
11. Куренной ВА. Заметки о некоторых проблемах современной отечественной истории философии. *Логос*. 2004;3–4:3–29.
12. Therborn G. Entangled Modernities. *European Journal of Social Theory*. 2003;6(3):293–305. DOI: 10.1177/13684310030063002.
13. Конрад С. *Что такое глобальная история?* Москва: Новое литературное обозрение; 2018. 312 с. (Интеллектуальная история).
14. Baggini J. *How the world thinks: a global history of philosophy*. London: Granta; 2018. 432 p.
15. Дудчик АЮ. Проект «глобальной истории философии» Дж. Баджини. В: Адуло ТИ, Дудчик АЮ, Карасевич АО, Ганчев П, Куиш АЛ, Лазаревич АА, редакторы. *Философские исследования*. Минск: Беларуская навука; 2020. с. 329–342.
16. Dudchik AYU. Julian Baggini (2018). How the world thinks: a global history of philosophy. London: Granta [book review]. *Changing Societies & Personalities*. 2020;4(4):542–547. DOI: 10.15826/csp.2020.4.4.116.

References

1. Skirbekk G, Gil'ye N. *Istoriya filosofii* [History of philosophy]. Krymskii SB, editor; Kuznetsov VI, translator. Moscow: Vldos; 2008. 800 p. Russian.
2. Skirbekk G. The idea of a global history of philosophy [Internet]. 2019 [cited 2020 January 20]. Available from: <https://khrono.no/files/2019/10/09/theideaofaglobalhistoryofphilosophy.pdf>.
3. Marion JL. [Certain rules in history of philosophy]. *Filosofskie nauki*. 2010;9:50–59. Russian.
4. Collins R. *Sociology of philosophies. A global theory of intellectual change*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press; 1998. 1098 p.
Russian edition: Collins R. *Sotsiologiya filosofii. Global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya*. Rozov NS, Vertgeim YuB, translators. Novosibirsk: Sibirskii khronograf; 2002. 1280 p.
5. Skirbekk G. *Rationality and modernity. Essays in philosophical pragmatics*. Oslo: Scandinavian University Press; 1993. 312 p.
6. Kapustin BG. *Sovremennost' kak predmet politicheskoi teorii* [Modernity as a subject of political theory]. Moscow: ROSSPEN; 1998. 308 p. Russian.
7. Piaia G, Santinello G, editors. *Models of the history of philosophy. From Cartesian age to Brucker. Volume II*. New York: Springer; 2011. 630 p.
8. Schneider UJ. [Teaching philosophy at German universities in the 19th century]. *Logos*. 2004;3–4:61–90. Russian.
9. Men'shikov AS. [Modernity theory: an outline of the problem field]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki*. 2010;4:165–177. Russian.
10. Lübbe H. *Im Zug der Zeit. Verkürzter Aufenthalt in der Gegenwart*. Berlin: Springer; 2003. 466 p. DOI: 10.1007/978-3-540-38360-4.
Russian edition: Lubbe H. *V nogu so vremenem. Sokrashchennoye prebyvaniye v nastoyashchem*. Kurennoi VA, editor; Griгор'ev AB, Kurennoi VA, translators. Moscow: Higher School of Economics; 2016. 456 p.
11. Kurennoi VA. [Notes on some problems of modern Russian history of philosophy]. *Logos*. 2004;3–4:3–29. Russian.
12. Therborn G. Entangled Modernities. *European Journal of Social Theory*. 2003;6(3):293–305. DOI: 10.1177/13684310030063002.
13. Conrad S. *What is global history?* Princeton: Princeton University Press; 2017. 312 p.
Russian edition: Conrad S. *Chto takoye global'naya istoriya?* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2018. 312 p. (Интеллектуальная история).
14. Baggini J. *How the world thinks: a global history of philosophy*. London: Granta; 2018. 432 p.
15. Dudchik AYU. [J. Baggini «global history of philosophy» project]. In: Адуло ТИ, Дудчик АЮ, Карасевич АО, Ганчев П, Куиш АЛ, Лазаревич АА, редакторы. *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical researches]. Минск: Belaruskaja navuka; 2020. p. 329–342. Russian.
16. Dudchik AYU. Julian Baggini (2018). How the world thinks: a global history of philosophy. London: Granta [book review]. *Changing Societies & Personalities*. 2020;4(4):542–547. DOI: 10.15826/csp.2020.4.4.116.

Статья поступила в редакцию 11.01.2020.
Received by editorial board 11.01.2020.

УДК 101.1:316.722

ИДЕОЛОГИЯ РАСИЗМА: СУЩНОСТЬ, СТАНОВЛЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

О. В. КУРБАЧЁВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется сущность феномена расизма. Обозначаются его характерные особенности и показывается их отличие от таких понятий, как шовинизм и ксенофобия. Реконструируются процессы становления идеологии расизма с историко-философской точки зрения, а также выявляются сложности расовых исследований на современном этапе развития науки. Фиксируются ключевые аспекты расизма. Прописывается роль социал-дарвинизма и евгеники в формировании идеологии расизма. Выделяются два типа расизма: классический и современный (неорасизм). Под классическим расизмом понимается идеология господства и подчинения, где социальное неравенство объясняется антропоморфными признаками. Современный расизм представляет собой сублимированный расизм, в котором биологические акценты смещаются на сферу культуры и языка. Выявляются различные формы расизма (бытовая, интеллектуальная, институциональная и др.), в рамках которых обнаруживается пересечение классического и сублимированного расизмов.

Ключевые слова: миграция; дискриминация; идеология; раса; расизм; классовый расизм; культурный расизм; шовинизм; ксенофобия.

Благодарность. Работа подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г19М-100 от 02.05.2019 г.).

Образец цитирования:

Курбачёва ОВ. Идеология расизма: сущность, становление и трансформация в современных условиях. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;1:31–38.

For citation:

Kurbacheva OV. The ideology of racism: essence, formation and transformation in modern conditions. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;1:31–38. Russian.

Автор:

Ольга Владиславовна Курбачёва – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Olga V. Kurbacheva, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. kurbach.ova@gmail.com

THE IDEOLOGY OF RACISM: ESSENCE, FORMATION AND TRANSFORMATION IN MODERN CONDITIONS

O. V. KURBACHEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article analyses the essence of the phenomenon of racism. The author carries out a historical and philosophical reconstruction of the formation of the ideology of racism, and also identifies the difficulties of racial research at the present stage of development. The article identifies the distinctive features of the phenomenon of racism from such concepts as chauvinism and xenophobia. The author prescribes the role of social Darwinism and eugenics in the formation of the ideology of racism and captures the key aspects of racism. The author distinguishes two types of racism: classical and modern racism (neo-racism). Classic racism refers to the ideology of domination and subordination, according to which social inequality is explained by anthropomorphic features. Modern racism is a sublimated racism in which biological emphasis is shifted to the sphere of culture and language. The article identifies various forms of racism (everyday, intellectual, institutional) and other forms in which the intersection of classical and sublimated racism is revealed.

Keywords: migration; discrimination; ideology; race; racism; class racism; cultural racism; chauvinism; xenophobia.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Belarusian Republic Foundation for Fundamental Research (agreement No. Г19М-100, 02.05.2019).

Сегодня проблема расизма и расовой дискриминации стала одной из самых обсуждаемых не только на общественно-политической платформе, но и в рамках повседневных дискуссий, выходящих далеко за пределы научной и правовой риторики. Значительную роль в актуализации общественного внимания к вопросам расизма сыграло интернациональное движение *Black Lives Matter* («Жизни черных важны»), возникшее в 2013 г. в целях защиты чернокожего населения от насилия и организации акций протеста против этого насилия¹. Однако широкую известность и популярность движение активистов получило именно весной 2020 г. Смерть афроамериканца от рук «белого» полицейского вызвала небывалое общественное возмущение, переросшее в массовые уличные протесты и демонстрации в Америке и Европе. Таким образом, вопросы расового неравенства были актуализированы во всем мире. При этом неправильно будет утверждать, что до событий 2020 г. тема расизма находилась на периферии общественного и научного внимания. Безусловно, и до этого времени проблема была очень важна, что подтверждается не только исследованиями, конференциями, публикациями, обсуждениями, но и самой практикой расовой дискриминации, которая, к сожалению, до сих пор является частью повседневной реальности. Так, в Южной Африке на Всемирной конференции по борьбе против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости (длилась с 31 августа по 8 сентября 2001 г.) была принята Программа действий по осуществлению Декларации о ликвидации всех форм расовой дискриминации, кото-

рая и сейчас остается не менее актуальной, чем два десятилетия назад². Миграционное движение, глобальные социально-экономические и геополитические трансформации оказали существенное влияние на всплеск не только этнической нетерпимости и повышение уровня ксенофобии, но и активизацию прорасистских движений и настроений. Однако почему именно сегодня тема расизма находится в фокусе такого пристального публичного внимания? Что представляет собой расизм в настоящее время?

Несмотря на свою актуальность и значимость, проблема расизма и вопрос происхождения человеческих рас остаются по-прежнему малоизученными. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, предметно изучить становление рас невозможно из-за временных обстоятельств (процессы расогенеза имеют длительную историю), финансовых трудностей и географической отдаленности всех объектов исследования. Во-вторых, в соответствии с социально-психологическими и юридическими факторами анализ человеческих рас является некорректным и дискредитирующим себя явлением. Научный поиск вступает в явное противоречие с политическими и этическими взглядами общества, которое стремится избежать сравнительного анализа рас, а также спровоцировать актуализацию псевдопредставлений о качественной дифференциации между ними.

Вместе с тем сегодня проведены определенные исследования, в которых с различных сторон изучается тема расизма и поднимаются важные вопросы относительно этого феномена. Среди знаковых

¹Движение Black Lives Matter стало крупнейшим в истории США [Электронный ресурс]. URL: <https://style.rbc.ru/life/5f0324d39a7947016b478a3c> (дата обращения: 05.11.2020).

²Программа действий по осуществлению Декларации о ликвидации всех форм расовой дискриминации [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/program.shtml (дата обращения: 05.10.2020).

авторов, которые всесторонне анализировали данную проблему, можно отметить П. Гилроя, Х. Арентт, Ф. Фанона, Э. Балибара и И. Валлерстайна, Н. Уэйда, Л. Полякова, В. Малахова и др. Не стоит забывать и классиков теории расизма (Ж. А. де Гобино, Ч. Девенпорта, Х. Чемберлена и пр.).

Что представляет собой расизм как таковой? Идеология классического расизма основывается на псевдонаучном представлении о биологическом и генетическом неравенстве рас, т. е. на идее врожденного превосходства одной расы над другой, что выражается не только в антропогенетических показателях, но и в проявлении уровня культуры и морали [1, с. 27]. Согласно британско-американской универсальной энциклопедии *Britannica* «расизм – это идеология, заявляющая о разделении людей на строго дифференцированные группы, называемые расами, о связи между унаследованными физическими чертами и чертами характера, интеллектом, моралью, культурой, а также о врожденном превосходстве одних рас над другими» [2].

Почему идеология расизма зиждется на псевдонаучных воззрениях? Сегодня ученые, обращаясь к научным исследованиям генома современных популяций по всему миру, базируются на представлениях о биологической основе рас и их смешанном характере, а также подчеркивают невозможность существования «чистой расы» [3, с. 29]. По этой причине классический расизм со всеми его разновидностями (а также теория нордизма) не имеет реальных научных доказательств, свидетельствующих о природном неравенстве людей. Более того, общенаучным фактом является утверждение о том, что расселение современного человека на различные континенты произошло из общей прародины в Восточной Африке. Дальнейшая эволюция популяций связана именно с природно-климатическими особенностями и давлением локальных условий [3, с. 13]. Кроме того, сегодня не подлежит сомнению и то обстоятельство, что человеческая эволюция представляет собой длительный и непрерывный процесс (продолжается на протяжении последних 30 тыс. лет), остановить который (без определенных оговорок и допущений) вряд ли осмелится какой-нибудь антрополог или генетик. Эволюция рас остается одним из самых востребованных и интересных вопросов, до конца не решенных исследователями человеческого генома. В то же время все научное сообщество однозначно консолидировано против антинаучности идеологии расизма, постулирующей идею о неравенстве и иерархичности рас.

Известно, что сама идеология классического расизма использовала аргументацию о биологическом и генетическом неравенстве рас лишь как инструмент для легитимизации колониальной политики, социальной иерархии и решения проблем экономи-

ческого кризиса. Однако каким образом получилось так, что псевдонаучная теория не только возникла, но и стала узаконенной практикой дифференциации и применения насилия во многих странах?

Следует отметить, что расизм как концепция и оформленное понятие появляется сравнительно недавно. Лишь в 1910 г. в «Оксфордском словаре английского языка» упоминается первое научное определение расизма [3, с. 35], терминологические и концептуальные границы которого ранее были подвижны и часто заменялись такими понятиями, как шовинизм, дискриминация или ксенофобия. Их важно отличать как понятия и как явления. Шовинизм и ксенофобия как явления возникли давно. Ксенофобия зарождается вместе с историей самого человечества. Расизм – явление достаточно молодое, поскольку возникает лишь в эпоху капитализма – представляет собой систему взглядов, претендующую на доктринальность. Понятия «ксенофобия» и «культурный шовинизм» несколько шире расизма. Ксенофобия, в сущности, представляет собой эмоциональную реакцию на что-то чужое, его неприятие (непризнание, страх перед этим чужим). Неприязнь может быть направлена на социальное, бытовое, религиозное или национальное отличие (как, например, в случае с шовинизмом; известно, что шовинизм является одной из форм ксенофобии и основывается на идее национального превосходства одного народа над другим). Расизм как таковой принципиально отличают от всех других понятий и явлений два ключевых аспекта: 1) наличие расовой иерархии, основывающейся именно на врожденном, а не приобретенном неравенстве рас; 2) неизменность этого неравенства и иерархии. Таким образом, подчеркивалась непреодолимая детерминированность социокультурного развития расы биологией и неравномерность историко-культурной эволюции народов. Именно по этой причине последователи идеологии расизма достаточно болезненно воспринимали межрасовые и межэтнические браки, в которых «низшие» расы «паразитируют» и портят чистоту «высших» рас. Эти два важнейших параметра расизма – врожденность и неизменность – определяют его как идеологию господства, в соответствии с которой социальное неравенство и подчинение объясняется биологическими причинами.

Однако каким образом возникла сама идея расового превосходства, и на чем она базировалась? Безусловно, когда речь заходит о целях конструирования идеологии расового неравенства, ученые всегда (и это вполне обоснованно) апеллируют к возникновению колониализма и связанного с ним теоретического оправдания расового господства. Вместе с тем это достаточно общее объяснение, в котором не указаны важные вехи на пути формирования идеологии расизма. К тому же важно понимать,

что идеология колониализма должна была подкрепляться теоретическим фундаментом, пусть и искусственно сконструированным. Сегодня, осуществив ретроспективный анализ становления и развития идеологии расизма, можно говорить о нескольких течениях научной и философской мысли, оказавших влияние на формирование идеологии расового превосходства. При этом важно учитывать, что отсылка к данным течениям научной мысли не является основанием идентифицировать расизм как научное или философское направление. В этом случае важно проследить именно ключевые аспекты становления и формирования расизма, изначально базирующегося на антинаучных утверждениях, и выявить причину интериоризации идеи расового неравенства в массовое сознание.

В XVII–XVIII вв. ученые, стремившиеся классифицировать многочисленные человеческие популяции, сделали одни из первых шагов на пути формирования современной идеологии расизма. Безусловно, попытки сгруппировать человеческое население по различным признакам осуществлялись и раньше. Так, в середине 3-го тыс. до н. э. в Древнем Египте была описана одна из первых классификаций. В ней выделяли четыре группы людей, которые соответствовали такому же количеству различных цветов: египтяне – красному, народы востока – желтому, народы севера – белому и народы юга – черному. Данная классификация соотносится с общей тенденцией дифференциации по морфологическим признакам. Схожим по своей логике разделением по цвету кожи является типология рас, описанная в Библии. Однако в ней выделяются уже не четыре, а три расы, возникших от сыновей Ноя: от Сима – желтокожие, от Иафета – белокожие и от Хама – чернокожие. Впервые лишь в конце XVII – начале XVIII в. Ф. Бернье, К. Линней, И. Блументаль попытались обосновать деление людей на различные расовые группы с научной точки зрения. Главными критериями для дифференциации выступали морфологические признаки (цвет кожи), географическое происхождение, краниологические характеристики и др. Существовали различные типологии деления на расы, в которых выделяли от 2 до 20 рас. Такая большая разбежка в классификациях объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, внешние антропоморфные признаки являются достаточно подвижным и не строгим критерием: то, что свойственно одной расе, могло быть обнаружено у другой. Например, И. Кант выделял четыре расы: белую, негритянскую, монгольскую и индийскую [4]. Во-вторых, в тот период становления теории расизма эмпирическая база была весьма неоднородна и зачастую ограничена, поскольку исследователи не обладали всеми антропологическими данными из удаленных регионов планеты. Следует подчеркнуть, что вне зависимости от использованных критериев расы счита-

лись равными, и сама дифференциация являлась научной попыткой объяснения разнообразия людей по внешним признакам.

Важнейшим переломным моментом в формировании классической идеологии расизма становится выход книги французского аристократа и дипломата графа Ж. А. де Гобино «Опыт о неравенстве человеческих рас». Не имея научного и фактического обоснования, представляя собой популистское изложение идеи о чистоте рас, работа тем не менее приобретает широкую известность. Именно Ж. А. де Гобино привносит двусмысленность в само понимание различия рас и акцентирует внимание на их неравенстве и иерархичности: «Этнический вопрос стоит выше всех остальных вопросов истории, и в нем заключается ключ к ее пониманию, что неравенство рас, соперничество которых формирует нацию, исчерпывающим образом объясняет судьбы народов» [5]. Важно отметить, что идеи французского писателя-романиста не нашли отклика в научном мире, но стали популярными из-за его представлений о высшей арийской расе, которые впоследствии при конструировании своей идеологии нацизма использовал А. Гитлер. Однако он полностью проигнорировал иное суждение Ж. А. де Гобино (в своей работе он неоднократно восхищался еврейским народом).

Немаловажную роль в закреплении идеи расового неравенства сыграли концепты «социал-дарвинизм» и «евгеника». Как известно, дарвинская теория эволюции была спроецирована на социально-политические идеи Г. Спенсера и нашла свое отражение в максиме о выживании наиболее приспособленных [3, с. 45]. Теория социальной эволюции Г. Спенсера исходила из того, что прогресс в области нравственности зависит от людей, которые способны принять текущие обстоятельства, а любая помощь со стороны (например, от правительства) лишь затрудняет эту адаптацию. Однако какова же роль социал-дарвинизма в формировании идеологии расизма? Будучи выдающимся интеллектуалом второй половины XIX в., Г. Спенсер создал теорию выживания сильнейших, которая весьма широко обсуждалась в странах Западной Европы и Америки. Его идеи об ошибочности, ложном гуманизме в помощи бедным и больным людям способствуют появлению такого направления, как евгеника.

Изначальный посыл, с которым выступал основатель евгеники Ф. Гальтон, был таков: человеческие популяции можно улучшить с помощью такого контроля за размножением, как и в животноводческой селекции [3, с. 48]. Справедливо будет отметить, что гальтоновским представлениям была свойственна романтизация и недальновидность (хоть и безусловная). По мнению ученого, если бы люди с выдающимися способностями или представители высшего класса имели больше детей, то общество от

этого только бы выиграло, а качество населения повысилось. С учетом того, что уровень рождаемости в конце XIX в. снижался, а количество эмигрантов в США увеличивалось, его вера в социальный прогресс через контроль и стимулирование деторождения нашла отклик. Однако на практике под влиянием биолога Ч. Девенпорта концепция евгеники была взаимосвязана с антисемитскими и расистскими взглядами [1, с. 350]. В США и Западной Европе пик общественного признания и популярности евгенической программы приходится на начало XX в. Коммерциализация и политизация евгеники расширяют сферу влияния и применения диагностических, а затем и практических мер по контролю рождаемости в США: к 1930 г. 24 штата имели в своих кодексах законы о стерилизации, а к 1940-м гг. были уже стерилизованы или кастрированы 35 878 американцев [6, р. 123]. Целью евгеники становится стремление «произвести сильную, мужественную и уравновешенную расу, которая будет неизбежно побеждать в битвах с нациями, чьи более слабые элементы не были устранены» [7]. В то же время и несколькими годами позже в Европе бум популярности евгенической программы проходит и начинается критический этап для этого направления. Исключением становится Германия, где под влиянием национал-социалистических приоритетов развития евгеника превращается в расистскую практику господства, подчинения и физического уничтожения людей.

Вторая половина XX в. проходит под антирасистскими лозунгами. Научные исследования подтверждают неправомочность расизма как идеологии и доктрины, формулируется ее несостоятельность с точки зрения науки, морали и права. В настоящее время достаточно редко можно встретить явные и открытые расистские убеждения. Тем не менее предположение о том, что в настоящее время расизм как идеология или система предубеждений себя исчерпал, будет однозначно ошибочным. Например, в 2017 г. в германский Бундестаг вошла и стала третьей по численности (набрала 12,6 % голосов) правопопулистская партия «Альтернатива для Германии» [8]. Радикальные взгляды представителей этой партии и лоббируемые ими ограничения проецируются на различные сферы жизнедеятельности: искусство, науку, СМИ, повседневную жизнь. Особый акцент партия делает на иммиграционной политике: «Простых и малообразованных людей из других стран в их же собственных интересах не следует принимать в Германии, поскольку они все равно не смогут приспособиться к современному обществу и не имеют шансов получить работу»³. Критика и негативное отношение к миграционному процессу является краеугольным камнем радикализации взглядов партии. Следует отметить, что миграция в условиях откры-

тых границ глобализирующегося мира действительно сыграла роль детонатора для прорасистских лозунгов данной партии и популизации расизма как такового. Мигрант идентифицируется как чужой, нарушающий социальный, культурный и экономический распорядок жизни. Согласно статистике негативное отношение к мигрантам выражают респонденты с частичной занятостью, невысоким заработком, у которых отсутствует высшее образование, и чаще всего те люди, которые раньше сами были мигрантами [8, с. 104]. Важно обозначить, что *Другой* расценивается не как человек низшего класса, иной расы, а как чужой, конкурирующий с «моей» культурой и угрожающий привычному образу жизни. Данные представления имеют иную коннотацию, отличную от того значения, которое вкладывается в понятие классического расизма. Чем же является расизм в настоящее время?

В конце XX – начале XXI в. в научных и публичных дискурсах все больше встречается новый концепт – «культурный расизм». Несмотря на то что неорасизм не имеет четкого определения (он семантически близок всем практикам социального господства; может называться дифференциалистским, безрасовым расизмом и т. д.), появился новый тип практики дискриминации и нетерпимости, вышедший за пределы генотипического детерминизма и затронувший сферу не только биологии, но и культуры, экономики, политики и даже религии [8, с. 103]. Этот выход за пределы биологических маркеров, на первый взгляд, сближает неорасизм с такими понятиями, как ксенофобия или шовинизм, тем не менее концепт «неорасизм» сохраняет свои отличительные черты.

Само понятие «культурный расизм» в научный и публичный дискурс было введено Ф. Фаном в сборнике эссе «На пути к африканской революции» (опубликован в 1964 г.) [9]. По мнению автора, осуществляется переход от конкретного объекта расовых предубеждений к универсализации и обобщению *Другого* как чужого. Это своеобразный сублимированный расизм, который возникает на стыке биологической наследственности, культуры и политики, основывается на невозможности преодоления культурных различий. Если классический расизм был порожден колониальной политикой и базировался на идее биологического неравенства и превосходства одной расы над другой, то новый расизм – это практика надбиологического господства, где смешивается биология с культурой, религией и языком. *Другой* – это не представитель конкретной расы, а некто чужой с принципиально иными антропоморфными и социально-культурными маркерами. Это и расизм неокolonизации, представляющий собой новый вид подчинения в эпоху глобализации, когда внешняя критика расистских установок камуфлирует навязчивое экспортирование собственной культуры

³Программа действий по осуществлению Декларации о ликвидации всех форм расовой дискриминации [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/program.shtml (дата обращения: 05.10.2020).

и своего пути как лучшего и единственно верного варианта развития.

Безусловно, социальная агрессивность, различные практики нетерпимости, этнофобии и дискриминации свойственны как для классического, так и для нового типа расизма. Вместе с тем диапазон проявления неорасизма намного шире и не всегда явно выражен, таким образом, управлять и преодолеть его последствия в современном мире становится труднее, чем в эпоху классического расизма. По этой причине актуализация феномена расизма связана именно с тем, что в настоящее время расовая дискриминация проявляется в системе господства и подчинения, выходящей за пределы биологического неравенства, и пронизывает социально-структурные сферы, а значит, затрагивает всех вне зависимости от принадлежности к конкретной биологической расе. Происходит своеобразная культурализация биологии или, по мнению российского исследователя В. Малахова, «натурализация социального» [4].

С классической версией расовой идеологии во многом совпадают формы проявления нового расизма, среди них выделяют бытовую, интеллектуальную, институциональную, политическую и др. [4]. Например, бытовой расизм главным образом связан с языком как средством общения и закрепляется в стереотипах. Он настолько внедрен в массовое сознание и повседневную языковую практику, что зачастую вообще не рационализируется. Использование оскорбительных выражений наподобие «козоглазый», «белый человек», «черномазый» выходит за пределы биологической идентификации субъекта. Моральную ответственность за подобные высказывания несет человек, их произносящий. Это своего рода языковой шовинизм и стереотипизация сознания, которые объясняют укорененность расизма в социальной практике: это неотрефлексированный пласт отношений, закрепляющий такие установки в общении, как господство и различие. Именно в рамках бытового расизма можно заметить, как фенотипические характеристики переносятся на социальные и культурные различия.

Политический или институциональный расизм также предполагает идеологию господства, только разница состоит в сферах применения расистских взглядов. Если расизм укоренен в структуру социальных институтов, то человек, являясь ее частью, может неосознанно быть носителем его идей. В. Малахов определяет расизм как «социальное исключение, отказ в доступе к социальным благам и ресурсам на основании или биологических, или культуро-философских аргументов» [4].

Интерес к расам в повседневной практике различных социальных групп может быть связан с известным глобализационным процессом, в результате которого происходит постепенное размывание

и нивелирование ценности национальных границ. В этом ключе обращение к расам – это попытка конструирования новой сублимированной формы идентичности, отвечающая такой важнейшей социальной потребности, как коллективная солидарность и сопричастность. В целом причина актуализации расовой тематики соотносится со множеством факторов: в случае если элита апеллирует к приемам этнического предпринимательства в своей практике, при легитимизации определенного политического режима в государстве, эскалации этнокультурного конфликта и т. д. [10, с. 70]. Однако проявления расизма (в любых формах и типах) – это всегда закрепление господства через идею неравенства.

Трансформация представлений и проявлений расизма, безусловно, отражается и в современной социально-гуманитарной мысли. Достаточно часто можно встретить отсылки к утверждению о том, что раса связана с культурой, а не биологией. Конструктивистская позиция, например, свойственна Американской ассоциации антропологов, апеллирующей к установке о том, что «раса – недавнее человеческое изобретение» [3, с. 28]. Достаточно вспомнить классика конструктивизма Б. Андерсона и его популярную концепцию воображаемого сообщества, в соответствии с которой нация является вымышленным конструктом, возникшим в эпоху «печатного капитализма» [11]. Однако в случае понимания сущности расы уместными будут следующие аксиоматические утверждения: «Раса не существует в том смысле, как мы ее представляем, как нечто глубинное, древнее и биологическое. Это скорее мировоззренческая идея с разрушительными последствиями, поскольку мы посредством нашей истории и культуры сделали ее таковой» [3, с. 30]. В отличие от нации природа рас имеет морфологические основания, поэтому утверждение современной Американской ассоциации антропологов об изобретенной природе расы достаточно уязвимо. Вместе с тем данная позиция антропологов коррелирует с общественно-политической установкой о недопустимости признания генетической дифференциации между обществами, так как это потенциально влияет на эскалацию социального неравенства.

Немаловажное влияние на формирование представлений о внебиологической природе рас оказала школа культурной антропологии и непосредственно ее основатель Ф. Боас. Он, описывая биологические отличия между носителями различных культур, акцентировал внимание на незначительности этих отличий. Существенным маркером каждой локальной культуры (универсальной культуры, по мнению Ф. Боаса, не существует) является мифология, язык, искусство и социальные институты, формирующиеся уникально в каждой отдельной истории народа под влиянием социокультурных и природно-климатических факторов [12, с. 510].

Выводы

Таким образом, проблема расизма является одной из сложнейших и актуальнейших для научных исследований, значимость которых неоспорима. Однако социально-политическая и этическая демонизация проблемного поля (в связи с отсылками к идеологии расизма и нацизма) создает гласные и негласные препятствия для осуществления этих исследований. В настоящее время сложно до конца преодолеть психологические, политические и этические барьеры и утвердить в массовом сознании, что неотъемлемые различия никак не связаны с идеологией биологического превосходства одной расы над другой, а геномные данные можно проанализировать не создавая при этом предпосылок для расизма как такового. Классический расизм представляет собой антинаучную теорию господства и подчинения, на формирование которой повлияли как социально-экономиче-

ские события колониальной эпохи, так и некоторые течения научной мысли. На современном этапе развития общества происходит смещение концептуальных акцентов в идеологии и практике расовых убеждений. Классический расизм в XXI в. сменяется безрасовым, который отражается в дискриминации и агрессии не только и не столько по отношению к биологической дифференциации, сколько с точки зрения языка, культуры и традиций. Система господства и подчинения проецируется на все социально-структурные сферы, выходит за пределы физиологии и становится всеобщей. Идея превосходства закрепляется в языке как средстве общения и идеологии неравенства, укореняется в массовом сознании, создает новые маркеры идентичности. Таким образом, мысль о преодолении предрассудков и практики расизма остается, к сожалению, пока утопичной.

Библиографические ссылки

1. Деминцева Е, составитель и редактор. *Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели...* Москва: Новое литературное обозрение; 2013. 384 с.
2. Smedley A. Racism [Internet]. 2020 [cited 2020 November 11]. Available from: <https://www.britannica.com/topic/racism>.
3. Уэйд Н. *Неудобное наследство: гены, расы и история человечества*. Олефир А, переводчик. Москва: Альпина нон-фикшн; 2020. 377 с.
4. Малахов В. Скромное обаяние расизма. *Знамя* [Интернет]. 2000 [процитировано 11 ноября 2020 г.];6. Доступно по: <https://magazines.gorky.media/znamia/2000/6/skromnoe-obayanie-rasizma.html>.
5. де Гобино ЖА. Опыт о неравенстве человеческих рас [Интернет]. 2000 [процитировано 10 ноября 2020 г.]. Доступно по: http://hrono.ru/libris/lib_g/gobino00.php.
6. Black E. *War against the weak: eugenics and America's campaign to create a master race*. New York: Four Walls Eight Windows; 2003. 550 p.
7. Grant M. *The passing of the great race or the racial basis of European history* [Internet]. New York: Charles Scribners Sons; 1936 [cited 2020 November 6]. Available from: <https://archive.org/details/passingofgreatra00granuoft/page/n5/mode/2up>.
8. Курбачёва О, Новикова О. Этноренессанс и расизм в современных полиэтничных обществах: точки соприкосновения. В: Зеленков АИ, редактор. *Философско-методологические исследования. Выпуск 2. Философия природы в эпоху социально-экологической нестабильности* [CD-ROM]. Минск: БГУ; 2019. с. 91–105. CD-ROM: 7,7 Мб.
9. Fanon F. *Toward the African revolution: political essays*. Chevalier H, translator. New York: Groove Press; 1987. 198 p.
10. Купер Ф, Брубейкер Р. За пределами «идентичности». *Ab Imperio*. 2002;3:61–117.
11. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространения национализма*. Баньковская СП, редактор; Николаев ВГ, переводчик. Москва: Кучково поле; 2016. 416 с.
12. Боас Ф. Границы сравнительного метода в антропологии. В: Левит СЯ, Мостова ЛА, составители; Мостова ЛА, редактор. *Антология исследований культуры. Том 1*. Санкт-Петербург: Университетская книга; 1997. с. 509–518.

References

1. Demintseva E, compiler and editor. *Rasizm, ksenofobiya, diskriminatsiya. Kakimi my ikh uvideli...* [Racism, xenophobia, discrimination. How we saw them...]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2013. 384 p. Russian.
2. Smedley A. Racism [Internet]. 2020 [cited 2020 November 11]. Available from: <https://www.britannica.com/topic/racism>.
3. Wade N. *Neudobnoe nasledstvo: geny, rasy i istoriya chelovechestva* [A troublesome inheritance: genes, race and human history]. Olefir A, translator. Moscow: Alpina non-fiction; 2020. 377 p. Russian.
4. Malakhov V. The modest charm of racism. *Znamya* [Internet]. 2000 [cited 2020 November 11];6. Available from: <https://magazines.gorky.media/znamia/2000/6/skromnoe-obayanie-rasizma.html>. Russian.
5. de Gobineau JA. Essai sur l'inegalite des races humaines [Internet]. 2000 [cited 2020 November 10]. Available from: http://hrono.ru/libris/lib_g/gobino00.php. Russian.
6. Black E. *War against the weak: eugenics and Americas campaign to create a master race*. New York: Four Walls Eight Windows; 2003. 550 p.
7. Grant M. *The passing of the great race or the racial basis of European history* [Internet]. New York: Charles Scribners Sons; 1936 [cited 2020 November 6]. Available from: <https://archive.org/details/passingofgreatra00granuoft/page/n5/mode/2up>.
8. Kurbacheva O, Novikova O. [Ethnorenaisance and racism in modern multiethnic societies: points of contact]. In: Zelenkov AI, editor. *Filosofsko-metodologicheskie issledovaniya. Vypusk 2. Filosofiya prirody v epokhu sotsial'no-ekologicheskoi*

nestabil'nosti [Philosophical and methodological research. Issue 2. Philosophy of nature in the era of social and environmental instability] [CD-ROM]. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 91–105. CD-ROM: 7,7 Мб. Russian.

9. Fanon F. *Toward the African revolution: political essays*. Chevalier H, translator. New York: Groove Press; 1987. 198 p.

10. Cooper F, Brubaker R. Beyond «identity». *Ab Imperio*. 2002;3:61–117. Russian.

11. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneniya natsionalizma* [Imagined community. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Bankovskaya SP, editor; Nikolaev VG, translator. Moscow: Kuchkovo pole; 2016. 416 p. Russian.

12. Boas F. [Borders of the comparative method in anthropology]. In: Levit SYa, Mostova LA, compilers; Mostova LA, editor. *Antologiya issledovaniy kul'tury. Tom 1* [Anthology of culture research. Volume 1]. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga; 1997. p. 509–518. Russian.

Статья поступила в редколлегию 22.11.2020.
Received by editorial board 22.11.2020.

ИНФОРМАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК УСЛОВИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТИ ОБЩЕСТВА

Д. Г. ДОБРОРОДНИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

Одной из основных характеристик информационного общества является открытость. Она трактуется как свободный доступ к информации и воспринимается как фундаментальная ценность общества, важнейшая черта характера личности, цель развития организаций и государств, а также средство реализации конкретных задач по развитию демократии или образования, борьбе с коррупцией или несправедливостью в целом. Однако в условиях глобального информационного пространства стратегия информационной открытости общества и отдельной личности связана с высокими рисками, так как предполагает неопределенность результатов и вероятность негативных последствий (например, появление цифрового неравенства). Конструктивной реализации принципа информационной открытости способствует информационная активность, которая понимается как умение и готовность личности самостоятельно добывать достоверную и полезную информацию.

Ключевые слова: информационная открытость; информационная активность; глобальное информационное пространство; информационное общество.

INFORMATION ACTIVITY OF AN INDIVIDUAL AS A CONDITION OF INFORMATION OPENNESS OF SOCIETY

D. G. DABRARODNI^a

^aBelarus State Economic University, 26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus

Openness is one of the main characteristics of the information society, and it is interpreted as free access to information. Openness is perceived as a fundamental value and characteristic of society, the most important personality trait, development goal, and also a mean of realizing specific tasks. However, social and individual strategy of informational openness in a global information space is a high-risk strategy, involving high uncertainty of the results and the likelihood of negative consequences, for example, the emergence of digital inequality. The condition for constructive implementation of the principle of information openness is information activity, which is understood as the ability and readiness of an individual to independently obtain reliable and useful information.

Keywords: information openness; information activity; global information space; information society.

Открытость – одна из основных характеристик информационного общества, в котором свободная коммуникация и доступ к информации являются необходимыми условиями существования как личности, так и социальных институтов. Трактовка открытости

(с позиции доступности информации) доминирует в современных публикациях, поэтому представляется целесообразным сузить данное понятие до информационной открытости. В таком случае оно будет отлично от трактовки открытости в теории систем,

Образец цитирования:

Доброродний ДГ. Информационная активность личности как условие информационной открытости общества. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;1:39–43.

For citation:

Dabrarodni DG. Information activity of an individual as a condition of information openness of society. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;1:39–43. Russian.

Автор:

Данила Григорьевич Доброродний – кандидат философских наук, доцент; директор Института социально-гуманитарного образования.

Author:

Danila G. Dabrarodni, PhD (philosophy), docent; director of the Institute of Social and Humanities Education.
danila_dobr@mail.ru

биологии и кибернетике, а также от философской интерпретации открытости применительно к общественно-политическому устройству (К. Поппер, Х. Аренд) или экзистенции (К. Ясперс, М. Хайдеггер).

Понятие информационной открытости активно используется по отношению к органам государственной власти и другим управленческим структурам. Подразумевается, что такие органы и структуры должны открыто (т. е. без ограничений) коммуницировать с населением, а также с различными организациями, предоставлять необходимую информацию о своей деятельности по первому требованию, прозрачно осуществлять процедуры принятия решений [1].

В юридической литературе принцип открытости (транспарентности) также играет важнейшую роль. Несмотря на то что данный конституционный принцип включает возможность общественного обсуждения и контроля, публичность процедур, ключевым в его трактовке и практике применения является «доступность определенной информации для всех желающих» [2].

Информационная открытость в сфере образования обсуждается в не меньшей степени, чем в юриспруденции. По мнению экспертов, «открытость образования жизненно важна для развития справедливой конкуренции в этой сфере. Только в условиях прозрачности у потребителей образовательных сервисов появляется возможность рационального выбора учебного заведения, программы, преподавателей» [3, с. 5]. В данном случае речь идет именно об информационной открытости, что подтверждает следующая цитата: «Обеспечение свободного доступа к информации, имеющей общественное значение, информационная открытость органов власти и организаций социальной сферы составляют важнейшие признаки правового государства. А открытость образовательных организаций – это еще и необходимое условие конкуренции, стимулирующей качество и эффективность образовательных услуг. <...> Удовлетворение интересов участников процесса и потребности в информации – главный критерий эффективности приложенных усилий» [3, с. 5–9].

Информационная открытость образовательной организации закреплена в ст. 29 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», в которой указано, что «образовательные организации формируют открытые и общедоступные информационные ресурсы, содержащие информацию об их деятельности, и обеспечивают доступ к таким ресурсам посредством размещения их в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе на

официальном сайте образовательной организации в сети “Интернет”»¹. В «Кодексе Республики Беларусь об образовании»² не делается акцент на информационной открытости учреждений образования, однако отмечается, что «обмен информацией в сфере образования осуществляется на принципах открытости, объективности, комплексности» (ст. 115 «Информационное обеспечение в сфере образования»).

Информационная открытость имеет огромное значение для образования, что находит выражение в бурном развитии открытых образовательных ресурсов (ООР), представляющих собой «учебные и научные ресурсы, существующие в открытом доступе или выпущенные под лицензией, которая разрешает их бесплатное использование и модификацию третьими лицами» [4, с. 216]. ООР могут создаваться отдельными учреждениями образования или независимыми платформами (например, *Coursera*), но всех их объединяет «намерение расширить горизонты миссии высшего образования и открыть доступ к знаниям максимально возможному числу людей» [4, с. 216]. В Российской Федерации реализуется проект «Открытое образование», который призван сделать качественные образовательные программы ведущих вузов страны доступными для широкого круга желающих: «Все курсы, размещенные на платформе, доступны бесплатно и без формальных требований к базовому уровню образования»³.

Безусловно, тренд на информационную открытость непосредственно связан с революцией в сфере информационно-компьютерных технологий (ИКТ), в первую очередь с распространением интернета. Становление информационного общества, цифровая трансформация как современный этап модернизации – все это делает информационную открытость фундаментальной характеристикой социальных систем, важнейшей культурной ценностью, нормой во взаимодействиях, приоритетной целью для социальных субъектов и средством реализации конкретных задач (борьба с коррупцией, развитие демократии, повышение эффективности образования и т. д.).

На современном этапе в любой сфере жизнедеятельности открытость интерпретируется как положительная характеристика, при этом акцент делается на ее информационности. Соответственно, трудности и проблемы, возникающие на различных уровнях общественных отношений, трактуются как следствия недостаточной открытости. Например, внутрисемейные и межличностные конфликты происходят из-за недосказанности, непонимания и отсутствия открытого диалога. Социальные конфликты, хотя и имеют часто объективные причины и различные

¹Об образовании в Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ : в ред. Федер. закона Рос. Федерации от 8 дек. 2020 // КонсультантПлюс. М., 2020.

²Кодекс Республики Беларусь об образовании : в ред. законов Респ. Беларусь от 13 дек. 2011 г. № 325-3, от 26 мая 2012 г. 376-3 // Нац. правовой интернет-портал. Респ. Беларусь. URL: <https://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243> (дата обращения: 28.06.2020).

³Открытое образование [Электронный ресурс]. URL: <https://openedu.ru/> (дата обращения: 28.06.2020).

источники, можно разрешить в открытой коммуникации за столом переговоров. Развитие демократии также видится не в проведении реформы институтов или трансформации базовых ценностей, а в повышении осведомленности населения, его информированном участии, улучшении коммуникации между населением и органами власти.

Однако информационная открытость имеет не только положительные характеристики. Стратегия информационной открытости в условиях глобального информационного пространства обладает большими рисками, непредсказуемостью результатов и высокой вероятностью негативных последствий. Революция в сфере ИКТ радикально меняет сферу производства и трансляции знания. В глобальном информационном пространстве больше нет монополии на производство знания, как и не существует защиты от фальсификации, вольной интерпретации, превращения приватного в предмет публичного обсуждения.

Участник глобальной коммуникации зачастую находится в ситуации *неосознанной и произвольной открытости*, т. е. даже не подозревает, что его личными данными пользуются хакеры или ИТ-корпорации в корыстных целях. Он не способен контролировать границы своей открытости, поскольку в любой момент его личная переписка, фото или видео могут стать предметом всеобщего обсуждения. Социальные сети или удобные приложения в смартфоне, без которых многим невозможно представить свою жизнь, вынуждают людей «открываться». Повышение степени открытости становится прямым следствием прогрессивности, которая понимается как использование передовых ИКТ в профессиональной деятельности. Многие известные личности, по видимому, хотели бы ограничить свою публичность, однако их успех непосредственно зависит от присутствия в открытом медиапространстве.

Также следствием информационной открытости становится *эпистемологическая неопределенность*, когда многообразие источников информации не дает однозначного понимания истинной картины мира. Попадая в открытое информационное пространство, научное знание, которое выступало основой мировоззрения и духовным авторитетом светского общества со времен эпохи Просвещения, теряет свою системность и общественную значимость. Свободно распространяясь в интернете, научное знание разбивается на фрагменты, вырывается из контекста, неправильно истолковывается. В эпоху интернета знания распространяются в соответствии с индивидуальными интересами и вкусами миллиардов пользователей, а не согласно академическим критериям и нормам, научная система учреждений образования (университеты, библиотеки, научные ассоциации) теряет значительную часть своего влияния и контроля за эпистемологической ситуацией.

Современный человек самостоятельно управляет потоками информации, выстраивает личное отношение к любой форме знания, освобождается от господства его институциональной системы, однако оказывается в положении эпистемологической неопределенности: решая вопрос об истинности любой информации, человек не может быть до конца в этой истине уверен и чаще сомневается во всем.

Информационная открытость для общества, организации или личности является дестабилизирующим фактором. В таком случае активный обмен информацией со средой выступает одним из ключевых оснований для адаптации и взаимодействий, которые, в свою очередь, неизбежно ведут к трансформации системы и окружающей ее среды. Изменения могут носить конструктивный характер, т. е. приводить к развитию системы, увеличению ее сложности и функциональности, а могут провоцировать ее разрушение. Это естественная плата за возможность развиваться.

Кроме того, следует учитывать, что информационная открытость, постулируемая как принцип социальной организации, не предполагает его всеобщей и равной реализации. Одной из фундаментальных проблем зарождающегося информационного общества является цифровой разрыв, который трактуется как неравенство в доступе к современным информационным технологиям и возможностям: «Понятие цифрового разрыва предполагает, что дифференциация населения на имеющих и не имеющих доступ к интернету является дополнительным фактором неравенства, добавляемым к уже имеющимся источникам расслоения. В свою очередь, неравный доступ к интернету связывается с влиянием демографических и социально-экономических различий, таких как пол, возраст, уровень доходов, уровень образования, этническая принадлежность, регион проживания и тип населенного пункта» [5, с. 372].

Несмотря на то что существует множество объективных факторов, определяющих цифровое неравенство, которые связаны в первую очередь с физическим доступом к технологиям и наличием компетенций для их потребления, есть и серьезная проблема субъективной готовности личности использовать достижения ИКТ для своей профессиональной реализации, духовного развития, а не только для досуга и развлечения. Даже при наличии доступа к ИКТ человек не всегда использует их на благо себе и общества, поскольку он ограничивается новыми возможностями только для потворствования своим слабостям. Именно поэтому, чтобы не оправдать пессимистические сценарии цифровых антиутопий, информационная открытость общества должна быть дополнена *информационной активностью* личности.

Информационную активность можно определить как «деятельность, способствующую информационному взаимодействию; качественную характеристику

жизнедеятельности человека в области получения, передачи, хранения и использования информации; уровень знаний, позволяющий человеку свободно ориентироваться в информационном пространстве и участвовать в его формировании» [6, с. 141]. По мнению И. М. Дзялошинского информационная активность – это «частота предпринимаемых усилий для получения дополнительной информации, т. е. информации, которая по каким-либо причинам не поступила к индивиду самотеком» [1, с. 2]. При этом автор отмечает, что «к числу информационно активных граждан можно отнести примерно 18 процентов опрошенных, которые заявили, что довольно часто пытаются получить дополнительную информацию по различным интересующим их вопросам. Еще 36 процентов опрошенных пытаются получить дополнительную информацию от случая к случаю. Все остальные либо очень редко, либо никогда не стремятся получить дополнительную информацию, либо затруднились ответить на этот вопрос» [1, с. 2].

Информационная активность личности обусловлена прежде всего индивидуальными качествами:

- *ценностным отношением к ИКТ* (насколько личность открыта к инновациям или воспринимает их скептически, стремится от них дистанцироваться, опасается новых технологий);

- *уровнем цифровых компетенций* (максимальные возможности открываются для тех, кто умеет пользоваться самыми современными устройствами, разбирается в новых программах, может применить их для повышения эффективности профессиональной деятельности или уровня комфорта повседневной жизни, а также для проверки достоверности информации);

- *аналитическими способностями* (в постоянно нарастающем потоке информации трудно разобраться любому человеку, нужно уметь отсекавать информационный шум, аналитически выделять самое главное, существенное);

- *критичностью* (здоровый скептицизм способен защитить личность от большинства техник манипулирования, но, что самое главное, мотивирует предпринять дополнительные усилия для поиска истины, не позволяет верить в то, что на первый взгляд кажется очевидным);

- *степенью включенности в интернет-коммуникацию* (информационная активность не сводится только к интернет-коммуникации, но в современных

условиях именно интернет является источником самой актуальной и разнообразной информации).

Кроме того, на информационную активность оказывают влияние объективные факторы: лавинообразно нарастающий объем информации (которую физически невозможно обработать), степень доступности ИКТ и их качество (это значимо для слаборазвитых стран и малообеспеченных жителей), социальное окружение (оно может стимулировать или подавлять информационную активность личности) [9].

Важно подчеркнуть, что информационная активность не является синонимом информационного потребления, т. е. нельзя назвать информационно активным человека, проводящего большую часть своего свободного времени пролистывая ленту социальных сетей. Информационную активность следует рассматривать как основу информационной культуры, цифровых компетенций личности, связанную с мотивацией к получению достоверной информации. Ключевую роль в развитии информационной активности играет воспитание и образование субъекта, а значит, формирование информационно активной личности должно стать одним из приоритетов государственной политики в сфере образования.

Таким образом, развитие информационных технологий, прежде всего интернета, доступность интернет-ресурсов для населения создают технологические условия для информационной открытости, которая является фундаментом открытости общества в целом. Информационная открытость позволяет осуществить рыночные принципы в экономике, демократические – в политике, создает равные возможности для получения образования и т. д. Однако создание технологических возможностей обязательно предполагает их реализации в конструктивном направлении. Наличие источника получения всех знаний мира совершенно не предполагает, что ими в обязательном порядке должен обладать каждый пользователь интернета. Для того чтобы информационная открытость становилась актуальной, необходимы информационная активность индивида, осознанное стремление личности к получению достоверной информации, критическое отношение к информации, полученной без дополнительных усилий. Информационная открытость общества без информационной активности граждан будет содействовать нарастанию социального неравенства, а также распространению неосознанного информационного потребления и соответствующих зависимостей.

Библиографические ссылки

1. Дзялошинский ИМ. Информационная открытость власти как основа публичной политики [Интернет]. Электронная библиотека «Гражданское общество в России». 2020 [цитировано 28 июня 2020 г.]. Доступно по: http://www.civisbook.ru/files/File/Dzyalosh_inf_otkr.pdf.

2. Хайруллин РР. К вопросу о содержании конституционного принципа «открытости» («транспарентности»). *Вестник экономики, права и социологии*. 2016;2:221–223.

3. Общественная палата Российской Федерации, Комиссия по развитию образования; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. *Открытость образования: разные взгляды – общие ценности*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2013. 193 с.
4. Гайсёнок ВА, Максимов СИ. Открытые образовательные ресурсы (ООР) как императив использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в образовании. В: Республиканский институт высшей школы. *Высшая школа: проблемы и перспективы. 12-я Международная научно-методическая конференция; 22–23 октября 2015 г.; Минск, Беларусь. Часть 1*. Минск: РИВШ; 2015. с. 215–220.
5. Рыков Ю, Нагорный О. Область интернет-исследований в социальных науках. *Социологическое обозрение*. 2017;16(3):366–394. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-366-394.
6. Абсалихов РР. Медиаобразование как средство развития информационной активности студента. *Мир науки, культуры, образования*. 2016;2:141–143.

References

1. Dzyaloshinskij IM. Information openness of the government as the basis of public policy [Internet]. Electronic library «Civil Electronic Library in Russia». 2020 [cited 2020 June 28]. Available from: http://www.civisbook.ru/files/File/Dzyalosh_inf_otkr.pdf. Russian.
2. Khairullin RR. The constitutional principle of «Openness» (transparency). *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii*. 2016;2:221–223. Russian.
3. Civic Chamber of the Russian Federation, Education Development Commission; Higher School of Economics – National Research University, Institute of Education. *Otkrytost' obrazovaniya: raznye vzglyady – obshchie tsennosti* [Openness of education: different views common values]. Moscow: National Research University Higher School of Economics; 2013. 193 p. Russian.
4. Gajsyonok VA, Maksimov SI. [Open educational resources (OER) as an imperative of using information and communication technologies (ICTs) in education]. In: National Institute for Higher Education. *Vysshaya shkola: problemy i perspektivy. 12-ya Mezhdunarodnaya nauchno-metodicheskaya konferentsiya; 22–23 oktyabrya 2015 g.; Minsk, Belarus'. Chast' 1* [Higher school: problems and prospects. 12th International scientific and methodological conference; 2015 October 22–23; Minsk, Belarus. Part 1]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2015. p. 215–220. Russian.
5. Rykov YU, Nagornyy O. Internet studies in social sciences. *Russian Sociological Review*. 2017;16(3):366–394. Russian. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-366-394.
6. Absalikhov RR. Media education as a means of develop information activity of a student. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2016;2:141–143. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.12.2020.
Received by editorial board 10.12.2020.

УДК 304.2+316.4+316.7

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ПОСТИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

И. Н. КОЛЯДКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В условиях кризиса базисных оснований культуры модерна и под воздействием противоречий, возникающих на современном этапе глобализации, рассматриваются ключевые параметры и особенности трансформации основных форм индивидуальной и коллективной идентичности. Выявляются важнейшие модификации идентификационных паттернов, формирующихся в культуре постсовременности и оказывающих заметное влияние на процессы социокультурных трансформаций. Обосновывается положение о конститутивной роли культурной традиции в единстве ее нормативно-стабилизирующих и инновационно-эвристических компонентов в процессах выстраивания идентификационных стратегий в переходных социумах.

Ключевые слова: идентичность; постидеологическая реальность; культурная традиция; фрагментация идентичности; кризис культуры.

Благодарность. Работа подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках выполнения научного проекта «Перспективы и вызовы этнокультурной идентичности в условиях регионализации и глобальной интеграции» (грант № Г19М-100).

TRANSFORMATION OF IDENTITY AND CONTRADICTIONS OF POSTIDEOLOGICAL REALITY

I. N. KOLYADKO^a

^aBelarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article discusses the key parameters and characteristics of the transformation of the main forms of individual and collective identity in a crisis of the basic foundations of modern culture and under the influence of the contradictions of the modern stage of globalization. The most important modifications of the identification patterns emerging in the culture of postmodernity are revealed that have a significant impact on the processes of sociocultural transformations. The article substantiates the position on the constitutive role of cultural tradition in the unity of its normatively stabilizing and innovative heuristic components in the processes of building identification strategies in transitional societies.

Keywords: identity; post-ideological reality; cultural tradition; fragmentation of identity; crisis of culture.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Belarusian Republic Foundation for Fundamental Research in the framework of the scientific project «Prospects and challenges of ethnocultural identity in the context of regionalization and global integration» (grant No. Г19М-100).

Образец цитирования:

Колядко И.Н. Трансформация идентичности и противоречия постидеологической реальности. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;1:44–51.

For citation:

Kolyadko IN. Transformation of identity and contradictions of postideological reality. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;1:44–51. Russian.

Автор:

Илья Николаевич Колядко – кандидат философских наук; преподаватель кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Ilya N. Kolyadko, PhD (philosophy); lecturer at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
kaliadka@bsu.by

Введение

В социальной философии последних двух десятилетий интерес к проблеме идентичности (во всех ее многообразных измерениях) обусловлен характерными для современных обществ процессами деформации традиционных форм социализации индивидов, стремительным развитием средств массовой коммуникации и экспоненциальным ростом потоков информации. Данные явления часто становятся одним из факторов разрушения границ локальных, замкнутых социокультурных миров. Таким образом, изменяются формы репрезентации идентификационных матриц и их фрагментации. *Кризис идентичности* яв-

ляется одним из индикаторов трансформации постсовременных обществ, преобладающим трендом социальной динамики которых выступает глобализация, непосредственно затрагивающая все возможные виды идентичностей и основания идентификации. В связи с этим в условиях формирования нового типа общества – информационного, ориентированного на выстраивание многомерной идентичности, ультраиндивидуализм и реализацию стратегии построения постидеологической реальности, – актуальной представляется проблема трансформации традиционных форм идентификации людей.

Материалы и методы исследования

Значимые перемены, которые произошли в течение последних десятилетий, связаны прежде всего с интенсивным распространением информационных, сетевых и коммуникационных технологий. Именно их развитие и превращение деятельности по созданию, трансляции и потреблению информации в «осевой принцип культуры» (Д. Белл) стало объективной основой для углубления процессов технологической трансформации большинства сфер современного социума – от внедрения инновационных средств коммуникации и разработки проектов цифровой экономики до интеграции онлайн-технологий и систем дистанционного обучения в сфе-

ру образования. Вместе с тем качественные изменения культуры и связанные с ними трансформации идентичности человека актуализируют критический потенциал философии, который выражается в рефлексии над основаниями культуры [1, с. 208–209] в целях поиска конструктивных стратегий развития общества и человека, оказавшихся перед угрозой деидентификации и утраты устойчивых мировоззренческих ориентиров.

В связи с этим важно определить ключевые параметры трансформации идентичности, а также выявить новые формы ее репрезентации на современном этапе развития информационного общества.

Результаты и их обсуждение

Проблема идентичности, впервые выдвинутая в философии, с самого начала рассматривалась сквозь призму психологической и социальной проекций человеческой жизни, а также взаимосвязи индивидуального и коллективного измерений бытия. Было выявлено, что развитие индивидуальной идентичности непосредственно сопряжено с установлением тесных отношений с различными групповыми идентичностями, а ее психологическая составляющая формируется в процессе освоения и интериоризации ценностей социального и культурного окружения¹. Вместе с тем «современное междисциплинарное понимание идентичности, в свою очередь, позволяет выделять в ней индивидуальное и социальное измерения, когнитивный, рефлексивно-оценочный, эмоционально-чувственный и коммуникативный аспекты, а также рассматривать идентичность как подвижную, изменяющуюся во времени структуру взаимных отношений человека с другими людьми, всегда погруженную в определенный и также изменчивый социокультурный контекст»². Таким образом, в самом общем смысле

под *идентичностью* следует понимать соотношенность (тождественность) индивида с определенной социальной группой, образом жизни, ценностями, формирующими критерии нормативности и являющимися референтными [2, с. 78]. Идентичность человека и общества динамична, подвержена изменениям, что обусловлено процессами трансформации фундаментальных оснований социума (политико-институциональных, социально-экономических, духовных). Устойчивые наиболее консервативные элементы индивидуальной и коллективной форм идентичности закрепляются *культурной традицией* и инвариантно воспроизводятся в форме социокодов в процессе трансляции значимого социокультурного опыта, конституируя, таким образом, ценностно-нормативную и мировоззренческую целостность культуры.

Следует подчеркнуть, что «традицию можно рассматривать как интегральную характеристику культурной динамики, обладающую особыми содержательными параметрами, а также специфическим способом передачи культурного наследия. Природа

¹Ленсмент А. Феномен этнокультурной идентичности в эпоху постсовременности : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Минск, 2017. С. 37.

²Там же. С. 52.

традиции заключается в диалогичности временных отношений» [3, с. 118]. Важным представляется понимание культурной традиции как «способа самоидентификации общества» при помощи «аккумуляции, трансляции и трансмутации социального опыта»³. Как поясняет М. Г. Завьялов, «осознание традиции как меры идентичности позволяет обществу выверить свое нынешнее социокультурное состояние и перспективы дальнейшего развития посредством органичного сочетания в культуре (как в аспекте творчества, так и преемственности) своего и чужого, старого и нового, сакрального и профанного»⁴. Являясь неотъемлемым компонентом духовной жизни общества и выступая в качестве механизма трансляции важнейших ценностных ориентаций и установок деятельности, оказывающих определяющее влияние на структурирование идентификационных матриц личности и общества, культурная традиция существенно воздействует на свойства социального порядка. Под давлением противоречивых процессов глобализации, приобретающих дивергентный характер, а также в условиях становления новых форм социальности и культуры, связанных с цифровой трансформацией и возрастанием влияния современных информационно-коммуникативных технологий, целостность традиционных форм идентичности и репрезентирующих их культурных традиций подвергается существенным деформациям.

Следует зафиксировать, с одной стороны, тенденцию нарастающей диффузии идентичности, ее незавершенности в виде затянувшихся поисков себя, невозможности самоопределения, а с другой – вариативности процессов трансформации дискурса идентичности, проявляющихся в формах фанатизма, экстремизма и фундаментализма. Оказываются лишенными алармизма достаточно обоснованные суждения о том, что «современная цивилизация находится на критическом этапе своего развития», вызванном интенсивными изменениями в сфере техники и технологий, характере научно-технического прогресса, способствующих радикальному обновлению предметной среды, в которой непосредственно протекает жизнедеятельность человека [1, с. 78]. В условиях становления постсовременного (информационного) общественного уклада человек все чаще оказывается в ситуации «аксиологического ризомоморфизма»⁵, обусловленного ускорением социокультурных и технологических изменений, приводящих к зыбкости жизненных ориентиров. Ввиду этого В. А. Емелин отмечает, что «среди основ-

ных причин трудностей самоидентификации можно выделить причины мировоззренческого плана, имплицитированные культурой постмодерна в связи с доминированием принципа релятивизма, автоматически ставящего под сомнение саму возможность сохранения определенных, устойчивых и разделяемых в обществе ценностей, и причины технологического характера»⁶. В ситуации реинтерпретации базовых и формировании новых мировоззренческих универсалий, определяющих категориальный строй сознания, актуальной становится проблема поиска и обоснования конструктивных стратегий развития общества и культуры на фоне трансформации традиционных идентификационных матриц и генезиса новых мировоззренческих и ценностных ориентаций.

В структурах самой идентичности происходят значимые изменения, вызванные критическим состоянием культуры и человека в условиях деформации традиционных систем социокультурной регуляции [4–6]. Речь в данном случае идет о феномене спутанной идентичности «в виртуальной культуре информационного постиндустриализма», которая, в свою очередь, «все более приобретает черты эклектической, мозаичной идентичности, что более соответствует культуре постмодерна и облегчает человеку обретение собственной идентичности, жизненных стратегий и смыслов» [7, с. 31]. В своей концепции социодинамики культуры А. Моль трактует данный процесс более широко – как вытеснение под влиянием средств массовой коммуникации традиционной гуманитарной культуры прошлого современной мозаичной культурой [8, с. 44–47]. Одно из важных отличий классической гуманитарной культуры от современной мозаичной состоит в том, что первая представляет собой результат рационально организованного процесса познания, в результате которого формируется «экран знаний», осуществляющий способы восприятия и задающий структуру мышления и деятельности, в то время как вторая вырабатывается «статистическим путем» под воздействием перманентного неупорядоченного потока информации, транслируемого средствами массовой информации и коммуникации [8, с. 38–42]. «“Экран культуры”, – отмечает А. Моль, – сегодня уже не выглядит как упорядоченная сеть первостепенных и второстепенных признаков, похожая на паутину или ткань. Обрывки мыслей группируются по прихоти повседневной жизни, захлестывающей нас потоками информации, из которых мы фактически наугад выбираем отдельные сообщения. “Экран знаний”

³Завьялов М. Г. Традиция как способ самоидентификации общества : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Екатеринбург, 1997. С. 9–10.

⁴Там же. С. 18.

⁵Шакирова Е. Ю. Аксиологический ризомоморфизм современного социокультурного пространства : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11. Уфа, 2015. С. 25.

⁶Емелин В. А. Философско-методологический анализ трансформации идентичности человека в условиях развития технологий информационного общества : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.08. М., 2017. С. 3.

можно теперь скорее уподобить войлоку (смесь частиц знаний, обрывков смысла)» [8, с. 47].

Переход от гуманитарного типа культуры к мозаичному, сопровождающийся кардинальными изменениями в структуре мышления – трансформацией его когнитивных и ценностных компонентов, – выступает предпосылкой генезиса ориентированных на ультраиндивидуализм и просьюмеризм моделей идентификации, предполагающих конструирование микроидентичностей и соответствующих им стратегий жизнедеятельности. Под воздействием современных информационно-коммуникационных технологий идентичность, способствуя социальной конфронтации, все в большей степени фрагментируется. Тем самым формируются предпосылки для генезиса кризисных явлений в системе. Как отмечает в связи с этим М. С. Гусельцова, «цифровая среда способствует не только субъективизации, но и просьюмеризму... самотворчеству идентичности, жизненного мира, цифровой среды; в движении от потребления к производству субъекты создают контент сетевой реальности. Будучи творцом и актором в сети, субъект переносит эту стилистику в повседневность. Просьюмеризм усиливает внутренние локусы контроля в диапазоне от конструирования идентичности до благоустройства жизненного мира и цифровой среды под интересы и потребности» [9, с. 39–40].

С изменением типа культуры и, соответственно, способов мышления, восприятия и практической деятельности человека существенно трансформируются и модели идентификации в направлении их фрагментации, мозаичности. Так, «З. Бауман... выделяет в качестве ключевой характеристики современности ее текучесть и связывает ее с рефлексивностью идентичности. В условиях нестабильности и эфемерности окружающей действительности индивид вынужден постоянно воссоздавать свое “Я”, чтобы приспособиться к ней, причем это и вынужденная мера, и постоянное трансформирование идентичности требует больших затрат сил, времени и денег. У. Бек... развивает идеи связи между рефлексивной индивидуализацией и процессом глобализации, рефлексивности и индивидуализации, подчеркивая тенденцию индивидуализации в современном обществе, которая определяется как результат влияния глобализации и рисков» [10, с. 22–23].

В настоящее время есть все основания утверждать, что под определяющим влиянием технико-технологического прогресса существенно изменяются традиционные модели идентификации, возрастает угроза как деидентификации, так и плюрализации идентификационных стратегий. Появляется виртуальная, или сетевая, идентичность, формируется основанная на постмодернистских

принципах децентрации и ризомы *многомерная, полиструктурная модель идентификации*, происходит объективное усложнение обретения идентичности в условиях ценностно-нормативного плюрализма и мозаичных стратегий социализации. Под воздействием цифровой трансформации общества, сопровождаемой интеграцией социокультурных систем и культурных традиций, все более остро встает вопрос об их статусе в развитии современного глобализирующегося мира. Цифровизация, с одной стороны, выступает интегрирующим началом, с другой – вызывает еще больший раскол в обществе и порождает новые формы неравенства и конфронтации. Важно понимать, что «развитие информационного общества сопровождается углублением тенденции к его атомизации, что согласуется с постмодернистской парадигмой, отражающей современное состояние радикальной плюральности, эклектичности западной культуры. <...> В этой связи... правильнее говорить... об атомизации общества, которая в условиях информатизации приобретает транссоциальный характер, т. е. пронизывает все его структуры и сферы реализации» [11, с. 53].

Фрагментация идентичности и социальная дезинтеграция обнаруживаются в провозглашении «условности и произвольности социальных установлений, отрицании социальной сущности человека как таковой, а также в теоретическом обосновании исключительно механической, случайной взаимосвязи между культурой как сферой надиндивидуальных ценностей, социальностью и властью как средством установления социальной иерархии»⁷. Цифровая трансформация, присущая процессам формирования информационного общества, вызывает кризис идентификационных матриц и паттернов. Технично-технологическая экспансия воплощается прежде всего в теоретическом постулировании субъективизма, релятивизма и номинализма, что в практическом отношении часто выражается в использовании манипуляционных практик для осуществления целенаправленного воздействия как на индивидуальное, так и на общественное сознание, являясь, таким образом, необходимым условием и предпосылкой возникновения авторитаризма и тоталитаризма в его современных модификациях.

На современном этапе социокультурного развития трансформация индивидуальной и коллективной форм идентичности определяется конституирующими социальную реальность постсовременности факторами, ключевыми из которых выступают:

- противоречия социальных идентичностей, вытекающие из интенции на активное политическое и гражданское участие индивидов в формах сетевого

⁷Голубев С. В. Основания государственности: социально-философский анализ : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11. Минск, 2005. С. 58.

распределения власти и информационно-коммуникативных стратегиях коммуникации;

- демократизация общественной жизни, влекущая возрастание ценности автономии личности и увеличение рефлексивного измерения процессов идентификации;

- трансформация ключевых институтов культуры и изменение форм социальной идентификации людей, вызванные направленной реорганизацией ценностно-нормативных оснований социального порядка;

- возрастание социокультурных рисков и кризисных явлений во многих сферах социальной жизни⁸.

В целом современный этап социокультурного развития характеризуется трансформацией идентичности и ее проекций «к социально конструируемым, знаково-символическим измерениям идентичности, находящимся под влиянием господствующих форм социальной коммуникации, социально-психологических стереотипов поведения и деятельности»⁹.

Трансформация идентичности и ее фрагментация обусловлены также *кризисом базисных оснований культуры модерна*. Одним из ключевых параметров при этом является кризис рациональности как важнейший индикатор структурных изменений европейского социума. Рациональность, понимаемая в качестве деятельности в рамках принятой системы когнитивных и ценностных предпосылок, выступает основополагающей культурной ценностью модерна. Сформировавшаяся в эпоху Нового времени ценностно-нормативная система, задающая ключевые параметры базисных оснований культуры модерна, включает в себя следующие принципы: проективно-конструктивное отношение к миру (опредмечивание сущего); понимание природы, общества и человека как механических систем; признание за научным разумом высшей когнитивной ценности и т. д. Под влиянием глобализации и развития современных информационно-коммуникационных технологий претерпел существенные изменения конститутивный для культуры модерна тип рациональности, санкционирующий освоение и подчинение человеком окружающей его природной и социальной среды и, соответственно, понимаемый как способ человеческого освобождения. Трансформация ключевых параметров культуры модерна, конституирующих проект Просвещения, вызвана, в свою очередь, противоречиями современного этапа глобализации и деформацией актуального типа рациональности, фундирующего модерный нарратив. В связи с этим сегодня речь идет

о формировании культуры постсовременности, одной из характерных особенностей которой выступает «текущность и случайность идентичности»¹⁰, а «господство информационных технологий и средств массовых коммуникаций в эпоху постмодерна приводит к столь ускоренному вращению информации и создаваемых образов, что в социокультурном пространстве проявляет себя феномен “детерриториализация культуры” и построение форм социальной идентичности, строго не связанных с местом»¹¹.

В эпоху постсовременности идентичность человека становится неустойчивой и фрагментарной, *ситуативной*: вместо строго детерминированных и социально обусловленных идентификационных матриц человек вынужден конструировать свою идентичность в зависимости от того положения, которое он занимает в социуме как субъект общественных отношений. Человек эпохи постсовременности постоянно находится под воздействием перманентно циркулирующих информационных потоков, справиться с которыми ему сложно ввиду отсутствия сформированных «гуманитарной культурой» (А. Моль) надындивидуальных, *объективных критериев* дифференциации правды и лжи, реального и воображаемого, подлинного и симуляционного. Затрагивая глубинные пласты идентификации, *современный цивилизационный кризис*, выражающийся в деформации базисных оснований культуры модерна, способствует формированию постидеологической реальности, для которой характерно неприятие традиционных форм индивидуальной и коллективной идентичности в качестве единственно приемлемых и легитимных. Важной составляющей постидеологической реальности выступают средства массовой информации, конструирующие своего рода *гиперреальность* (искусственно созданный мир симуляционных процессов), структурирование которой осуществляется во многом благодаря использованию репрессивной функциональной модальности, присущей символическим системам (прежде всего языку) для легитимации конвенциональных социальных мифологем и конструктов. Таким образом, «индивид вынужден воспринимать симулякры-образы, имитирующие копии, заменять реальные социальные действия виртуальными аналогами или *ошибочно* воспринимать их в качестве *истины*, не осознавая это. Идентификация самого человека начинает растворяться в потоке преподносимых средствами массовой информации символов и кодов»¹². Так в культуре постсовременности

⁸Ленсмент А. Феномен этнокультурной идентичности в эпоху постсовременности : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Минск, 2017. С. 74–82.

⁹Там же. С. 87.

¹⁰Чистяков Д. И. Анализ подходов к социологической интерпретации функционирования массмедиа в обществе : дис. ... канд. соц. наук : 22.00.01. М., 2014. С. 30.

¹¹Там же. С. 31.

¹²Там же. С. 73–74.

происходит трансформация универсалистских идеологий (метанарративов), претендующих на выражение глобальных, родовых интересов человечества

в локальные, фрагментарные, приводящие к росту значимости символически конструируемых социальных идентичностей.

Заключение

Трансформация традиционных идентификационных паттернов обусловлена прежде всего кризисом базисных оснований культуры модерна под воздействием глобализации в аспекте усиления ее дивергентных трендов. Одной из критических, переходных фаз социодинамики цивилизаций, ориентированных на углубление индивидуализации идентичности является постсовременность. Если индивидуализация идентичности в культуре модерна на общественном уровне характеризовалась в качестве социального полимеризма и атомизма, то в культуре постсовременности процессы идентификации приобретают форму социального молекуляризма. Как отмечает П. К. Гречко, «социальный молекуляризм, с одной стороны, поддерживает и возвышает индивидуальность человека, автономию его воли, а с другой – сохраняет и укрепляет социальность, но не в виде объективно-исторической системы или дисциплины традиции, а как жизненный мир человека, включающий в себя Другого (других людей)» [12, с. 178].

Под непосредственным воздействием современных информационно-коммуникационных технологий усиливаются процессы социальной дезинтеграции, что порождает фрагментирование («кластеризацию») социальной структуры, поскольку на первый план выходит конструирование идентичности на основании индивидуального выбора. В результате для большинства современных обществ характерным становится ослабление общественных связей, снижение устойчивости функционирования основных сфер социальной системы, структурная дезинтеграция и возрастание роли символически конструируемых форм индивидуальной и коллективной идентичности, часто преследующих цели манипулятивного воздействия на субъектов социальных отношений.

Делегитимация традиционных форм индивидуальной и коллективной идентичности связана с деформацией ценностно-нормативных компонентов культурной традиции, которая, в свою очередь, выступает источником социального порядка и стабильности. По этой причине трансформация базисных оснований культурной традиции часто сопровождается существенным возрастанием манипулятивных практик и респрессивных социальных технологий. Опирающаяся на определенную культурную традицию стратегия идентификации, ее инвариантные структуры и стереотипно воспроизводящиеся эталоны все чаще постигаются как одна из форм насилия над человеком, манифестация «символической власти», понимаемой в качестве «власти произ-

водить и навязывать категории восприятия социального мира», т. е. поддерживать «легитимное видение мира» [13, с. 20–23]. Именно благодаря функционированию культурной традиции стало возможным воспроизводить «легитимное видение мира», конструирующего приемлемые формы индивидуальной и коллективной идентичности. Символическая власть постсовременной культуры, перманентно модернизирующейся и трансформирующейся, осуществляется, как показал П. Бурдьё, прежде всего через *школу и другие институты социализации* – университет, сферу досуга, рекламу, телевидение, СМИ в целом – посредством «навязывания категорий мышления, которые мы спонтанно применяем ко всему, что есть в мире» [13, с. 220]. Стратегии идентификации, воспроизводящиеся путем социализации, существенно отдаляются от примордиальных, родовых своих измерений и с помощью идеологических инструментов символической власти приобретают в культуре постсовременности характер искусственно конструируемых, репрезентирующих личностно значимые ценностные ориентации и мировоззренческие смыслы.

Неслучайно в условиях фрагментации культурных традиций феномен идентификации приобретает наибольшую значимость в транзитивную эпоху постсовременности, одним из ключевых параметров которой выступает ее постидеологический характер. Вместе с тем как в сфере идеологии, так и в сфере идентичности для постсовременных обществ характерным является «навязывание внеидеологического социального стандарта», что в конечном счете приводит к такой ситуации, когда «все, что выходит за пределы нормы, определяется как проявление фундаментализма, фанатизма и т. п.» [14, с. 19]. Несмотря на постидеологический стандарт постсовременности, идеология сегодня «обладает чертами неявного системного насилия: невидима, воспринимается как система очевидностей, анонимна» [14, с. 19]. В этом отношении следует зафиксировать расцвет идеологий «цвета кожи» (Д. Белл), которые ориентированы на все большую индивидуализацию и фрагментацию традиционных моделей социализации и идентификации. Очевидно, противоречия культуры постсовременности выступают благоприятной почвой для формирования как конструктивных, так и деструктивных социальных практик, оказываясь мощным катализатором цивилизационного кризиса и источником нестабильности переходных социумов.

Следовательно, крайне важным представляется обоснование современной версии модели устой-

чивого развития транзитивных обществ, конститутивным базисом которой должно выступать взаимное признание самобытности локальных культурных традиций и этнокультурного разнообразия. Решение этих проблем в перспективе позволит выстраивать конструктивные модели репрезентации культурно-цивилизационных идентичностей модернизирующихся и переходных социумов с целью преодолеть системный кризис культуры модерна.

Библиографические ссылки

1. Степин ВС. *Цивилизация и культура*. Запесоцкий АС, редактор. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; 2011. 408 с. (Классика гуманитарной мысли).
2. Малахов ВС. Идентичность. В: Степин ВС, Гусейнов АА, Семигин ГЮ, Огурцов АП, редакторы. *Новая философская энциклопедия. Том 2*. Москва: Мысль; 2010. с. 78–79.
3. Анохина ВВ. *Культурная традиция в парадигмах современной философии*. Минск: Белорусский государственный университет; 2014. 235 с.
4. Бауман З. *Индивидуализированное общество*. Иноземцев ВЛ, редактор, переводчик. Москва: Логос; 2005. 390 с.
5. Лазаревич АА. *Становление информационного общества: коммуникативно-эпистемологические и культурно-цивилизационные основания*. Левяш ИЯ, редактор. Минск: Беларуская навука; 2015. 537 с.
6. Лейнг Р. «Я» и Другие. Загородная Е, переводчик. Москва: Класс; 2002. 192 с.
7. Римская ОН. Кризис личностной идентичности в постсовременной культуре. *Наука. Искусство. Культура*. 2014;3:25–33.
8. Моль А. *Социодинамика культуры*. Бирюков БВ, Зарипов РХ, Плотников СН, редакторы, переводчики. Москва: Издательство ЛКИ; 2008. 416 с.
9. Гусельцова М. С. Трансформация идентичности в информационной культуре. В: Марцинковская ТД, Орестова ВП, Гавриченко ОВ, редакторы. *Цифровое общество в культурно-исторической парадигме*. Москва: МПГУ; 2019. с. 36–43.
10. Мамедов АК, Якушина ОИ. Поиск идентичности в современных реалиях: дискретность, посттрадиционализм и индивидуализм. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2015;15(14):20–30.
11. Скорик ГВ. Человек в информационном обществе: проблема идентификации (поиска идентичности). *Вестник Томского государственного университета. Социологические науки*. 2007;302:53–56.
12. Голубев СВ. *Основания государственности: философский анализ*. Минск: Издательский центр БГУ; 2005. 182 с.
13. Гречко ПК. Идентичность – постмодернистская перспектива. В: Резник ЮМ, Тлостанова МВ, редакторы. *Вопросы социальной теории. Том 4. Человек в поисках идентичности*. Москва: Междисциплинарное общество социальной теории; 2010. с. 171–190.
14. Бурдые П. *Социология социального пространства*. Шматко НА, переводчик. Санкт-Петербург: Алетейя; 2007. 288 с. Совместное издание с Институтом экспериментальной социологии.
15. Сидоренко ИН. Диалектика разрыва и проблема системного насилия в постмарксизме. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;3:16–21.

References

1. Stepin VS. *Tsivilizatsiya i kul'tura* [Civilization and culture]. Zapesotskiy AS, editor. Saint Petersburg: Saint Petersburg Humanitarian University of Trade Unions; 2011. 408 p. (Klassika gumanitarnoi mysli). Russian.
2. Malakhov VS. [Identity]. In: Stepin VS, Guseinov AA, Semigin GYu, Ogurtsov AP, editors. *Novaya filosofskaya entsiklopediya. Tom 2* [New Philosophical Encyclopedia. Volume 2]. Moscow: Mysl'; 2010. p. 78–79. Russian.
3. Anohina VV. *Kul'turnaya traditsiya v paradigmakh sovremennoi filosofii* [Cultural tradition in the paradigms of modern philosophy]. Minsk: Belarusian State University; 2014. 235 p. Russian.
4. Bauman Z. *The individualized society*. Hoboken: Wiley; 2001. 272 p. Russian edition: Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo*. Inozemtsev VL, editor, translator. Moscow: Logos; 2005. 390 p.
5. Lazarevich AA. *Stanovlenie informatsionnogo obshchestva: kommunikativno-epistemologicheskie i kul'turno-tsivilizatsionnye osnovaniya* [Formation of the information society: communicative-epistemological and cultural-civilizational foundations]. Levyash IYa, editor. Minsk: Belaruskaja navuka; 2015. 537 p. Russian.
6. Laing R. *Self and Others*. London: Penguin Books; 1991. 192 p. Russian edition: Laing R. «Ya» i Drugie. Zagorodnaya E, translator. Moscow: Klass; 2002. 192 p.
7. Rimskaya ON. Crisis of personal identity in the post-modern culture. *Science. Art. Culture*. 2014;3:25–33. Russian.
8. Moles A. *Sociodynamique de la culture*. Paris: Mouton; 1967. 343 c. Russian edition: Moles A. *Sotsiodinamika kul'tury*. Biryukov BV, Zaripov RKh, Plotnikov SN, editors, translators. Moscow: Izdatel'stvo LKI; 2008. 416 p.
9. Guseltseva MS. [Homo digital: transformation of identity in information culture]. In: Martsinkovskaya TD, Orestova VP, Gavrichenko OV, editors. *Tsifrovoe obshchestvo v kul'turno-istoricheskoi paradigmatse* [Digital society in the cultural-historical paradigm]. Moscow: Moscow Pedagogical State University; 2019. p. 36–43. Russian.
10. Mamedov AK, Yakushina OI. In search for identity in the contemporary society: discontinuity, posttraditionalism, and individualism. *Bulletin of Peoples Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 2015;15(14)20–30. Russian.
11. Skorik GV. [Man in the information society: the problem of identification (identity search)]. *Tomsk State University Journal. Sociological Sciences*. 2007;302:53–56. Russian.

12. Golubev SV. *Osnovaniya gosudarstvennosti: filosofskii analiz* [Foundations of statehood: a socio-philosophical analysis]. Minsk: Publishing house of Belarusian State University; 2005. 182 p.
13. Grechko PK. [Identity – a postmodern perspective]. In: Reznik YM, Tlostanova MV, editors. *Voprosy sotsial'noi teorii. Tom 4. Chelovek v poiskakh identichnosti* [Questions of social theory. Volume 4. Man in search of identity]. Moscow: Mezhdistsiplinarnoe obshchestvo sotsial'noi teorii; 2010. 171–190. Russian.
14. Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Shmatko NA, translator. Saint Petersburg: Aleteiya; 2007. p. 288. Co-published by the Institut eksperimental'noi sotsiologii. Russian.
15. Sidorenko IN. Dialectics of the gap and the problem of systemic violence in post-marksizm. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;3:16–21. Russian.

Статья поступила в редколлегию 04.09.2020.
Received by editorial board 04.09.2020.

УДК 159.923,616-05

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА В СТРУКТУРЕ МАТЕРИНСКОГО ОТНОШЕНИЯ К РЕБЕНКУ РАННЕГО ВОЗРАСТА С НЕВРОЛОГИЧЕСКОЙ ПАТОЛОГИЕЙ

И. Е. ВАЛИТОВА¹⁾

¹⁾Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, бул. Космонавтов, 21, 224016, г. Брест, Беларусь

Рассмотрены особенности психологической защиты в структуре отношения матери к ребенку раннего возраста с неврологической патологией. Использование метода экспертных оценок позволило разработать методику выявления количества и степени напряженности психологической защиты на основе контент-анализа материнских ответов при дополнении ими неоконченных предложений о ребенке и отношении к нему. Определены основные типы защитных механизмов и описано содержание отрицания, проекции, вытеснения, рационализации и замещения. Установлено, что напряженность психологических защит матери не связана с возрастом детей и степенью тяжести неврологической патологии. Эмоциональное отношение к ребенку, включающее безусловное его принятие, в том числе принятие себя как родителя, и эмоциональный фон взаимодействия зависят от количества и напряженности психологических защит, с которыми не сопряжены чувствительность матери и ее поведение по отношению к ребенку. Доказано, что напряженность психологических защит напрямую связана с оценкой матерями своего характера и счастья, а также уровня здоровья ребенка, и эти связи имеют круговой характер. Психологическая защита матери в период раннего дизонтогенеза ребенка выступает как условие ее благополучия, поскольку искажает информацию о тяжести нарушения у ребенка и способствует более высокой оценке себя.

Ключевые слова: психологическая защита; защитные механизмы; кризисная жизненная ситуация; дети раннего возраста; дети с отклонениями в развитии; материнское отношение.

Образец цитирования:

Валитова ИЕ. Психологическая защита в структуре материнского отношения к ребенку раннего возраста с неврологической патологией. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;1:52–66.

For citation:

Valitova IE. Psychological defence in a structure of maternal relation to an early age child with neurological pathology. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;1:52–66. Russian.

Автор:

Ирина Евгеньевна Валитова – кандидат психологических наук, доцент; профессор кафедры социальной работы социально-педагогического факультета.

Author:

Irina E. Valitova, PhD (psychology), docent; professor at the department of social work, socio-pedagogical faculty. <https://orcid.org/0000-0003-0751-8534>
irvalitova@yandex.ru

PSYCHOLOGICAL DEFENCE IN A STRUCTURE OF MATERNAL RELATION TO AN EARLY AGE CHILD WITH NEUROLOGICAL PATHOLOGY

I. E. VALITOVA^a

^a*Brest State A. S. Pushkin University, 21 Kasmanaŭtaŭ Boulevard, Brest 224016, Belarus*

The article considers the features of psychological defence in the structure of mother's relation to an early age child with neurological pathology. The use of the method of expert evaluation allowed us to work out a procedure for identifying the number and degree of intensity of psychological defence based on the content analysis of mothers' responses when they complete unfinished sentences about the child and their relation to him/her. The main types of defence mechanisms are identified and the content of negation, projection, displacement, rationalization and substitution is described. It was found that the intensity of psychological defences of a mother is not associated with the age of children and the severity of neurological pathology. Emotional attitude to the child, including unconditional acceptance of the child, acceptance of oneself as a parent, and emotional background of interaction, are associated with the number and intensity of psychological defences. At the same time, the mother's sensitivity to the child and her behaviour towards him/her are not associated with psychological defences. It is proved that the intensity of psychological defences is directly related to the mothers' self-esteem of their character and happiness, as well as to the assessment of the child's health level, and these connections are circular. Psychological protection of a mother during early child dysontogenesis acts as a condition for her well-being, as it distorts information about the severity of the child's disorder and contributes to a higher self-esteem.

Keywords: psychological defence; defence mechanisms; crisis life situation; early age children; children with developmental disorders; maternal relation.

Введение

Рождение ребенка с отклонениями в развитии, в том числе вызванными неврологической патологией, неоднократно описывалось в литературе как ситуация жизненного кризиса для его матери. Проживание такой ситуации включает использование субъектом психологических защитных механизмов и копинга, в совокупности обозначаемых как стратегии совладания. Психологические защиты во многом определяют характеристики взаимодействия матери с ребенком как в ситуациях обыденной жизни, так и в процессе его реабилитации, а изменения в использовании матерями стратегий совладания оказывают влияние на отношение к детям и даже на повседневную жизнь семьи.

Актуализация психологических защит у матерей особенно отчетливо проявляется во взаимоотношении со специалистами системы оказания помощи детям с особенностями психофизического развития. Конфликт может вызываться отрицанием матерью существования проблем у ребенка, искажением его образа, непризнанием отклонений в его развитии, непринятием специальных программ обучения и воспитания ребенка, нежеланием участвовать в его реабилитации. В то же время использование психотерапевтических методик в работе с матерями детей с отклонениями в развитии приводит к изменению защитного стиля матерей, уменьшению количества дезадаптивных и увеличению числа адаптивных стилей психологической защиты [1; 2]. Решение проблем взаимодействия специалистов и родителей в практической плоскости ограничивается недостаточной теоретической и методической проработанностью

указанной проблематики, в том числе дефицитом диагностических методик, коррекционных и психотерапевтических практик, направленных на сферу совладающего поведения родителей детей с отклонениями в развитии.

Процесс переживания кризиса и становление материнской позиции относительно ребенка с отклонениями в развитии осуществляются одновременно, поскольку содержание стадий переживания кризиса описывает ведущие эмоциональные состояния матери, ее отношение к себе как к матери особого ребенка и к этому ребенку. Учитывая связи эмоциональных состояний с определенными типами психологических защит, в содержание стадий можно включать также ведущие типы психологических защит матери. На стадии *отрицания* преобладают механизмы отрицания и вытеснения, на стадии *шока* – проекции и регрессии, на стадии *сделки* – рационализации, компенсации, реактивного образования. При наступлении итоговой стадии *принятия*, «автономного развития как нового обретения себя и окружения» [3], общая напряженность психологических защит значительно уменьшается, так как женщина принимает случившееся с ней. Для личностного роста и благополучия родители должны концентрироваться на поиске ресурсов ребенка, а не на его дефицитах и негативных прогнозах, а также не на собственных отрицательных переживаниях [4].

Основоположник учения о защитных механизмах личности З. Фрейд рассматривал их как средство самообмана и искажение восприятия реальности,

благодаря которым у человека снижается или исчезает тревога. Однако А. Фрейд «подчеркивала оберегающий характер защитных механизмов, указывая, что они предотвращают дезорганизацию и распад поведения, поддерживают нормальный психический статус личности» [5, с. 10]. В современных работах психологическая защита личности рассматривается как стратегия искажения восприятия и оценки ситуаций, которые несут угрозу сложившейся у субъекта картине мира, как стратегия разрешения субъективно сложной ситуации, при этом адаптивное значение психологической защиты признается при условии ее гибкости и ограниченной эксплуатации [5–8]. «Механизмы защиты способствуют уменьшению эмоционального напряжения, тревоги, делают возможным сохранение гармоничности и уравновешенности структуры личности. Психологической ценой такого внутреннего преодоления стресса является искаженная, фальсифицированная картина ситуации либо ее игнорирование» [6, с. 102].

В качестве одной из наиболее важных характеристик психологических защит является проблема их адаптивности, разделения на адекватные и неадекватные, продуктивные и контрпродуктивные. Сравнивая защиты по степени их активности сопротивления стрессу, В. А. Ташлыкков выделил среди них три группы: компенсаторные (переключение на другую деятельность), деструктивные (отрицание, проекция, вытеснение), пассивные (рационализация, уход в себя и болезнь, фантазирование) [9]. М. П. Бонд определил следующие стили защитного поведения: зрелый, незрелый и невротический [10]. В работах И. М. Никольской, И. И. Мамайчук, Н. Ф. Михайловой, Э. Шухардт отдельные защитные механизмы характеризуются либо как примитивные, либо как зрелые и различаются в зависимости от понимания того, какие функции они выполняют. «Отрицание рассматривается как отказ признавать травмирующую реальность, как прием самосохранения, выстраивающий психологический барьер на пути разрушительного проникновения трагедии во внутренний мир человека, в его ценностно-смысловую систему» [3, с. 31], т. е. трактуется как непродуктивный и примитивный защитный механизм. В то же время Э. Шухардт понимает отрицание как переоценку субъектом имеющейся информации [11]. Вместе с тем Н. Ф. Михайлова отрицание и уход считает до-

статочно эффективной стратегией регуляции интенсивности эмоций, возникающих в ответ на первоначальный стресс [12]. Однако эти стратегии могут оказаться неэффективными, если применяются в течение длительного времени.

Разделение психологических защит на инструментальные и фундаментальные, как предлагает А. В. Лянцевич [13], поможет преодолеть неоднозначность в их трактовке (в аспекте их влияния на личность в процессе совладания с кризисом). Инструментальная защита понимается автором как способ совладания с острым и критическим для личности состоянием, а фундаментальная – как основание психологического благополучия личности. В частности, в трактовке автора значение отрицания как психологического барьера на пути разрушения внутреннего мира человека состоит в возможности переработки трагического события небольшими порциями, а наличие позитивных иллюзий, искажающих восприятие и оценку окружающей действительности, оказывается одним из факторов благополучия личности. Защитные механизмы могут быть направлены на укрепление близких отношений, поддержание самооценки, достижения, выражение свободы воли, культивирование осмысленных взглядов на мир [14].

Ситуация рождения ребенка с отклонениями в развитии и стратегии совладания с ней у матери в сравнении с другими кризисными явлениями изучена в значительно меньшей степени [15–23]. Исследователи обращают свое внимание на матерей, имеющих детей преимущественно дошкольного и младшего школьного возраста (когда мать уже имеет опыт проживания и совладания с кризисной ситуацией). Стратегии совладания матери на начальных этапах переживания кризиса, т. е. в ранний период дизонтогенеза ребенка, оказались неисследованными.

Цель работы – описать содержание психологических защит в структуре отношения матери к ребенку раннего возраста с неврологической патологией, имеющему неврологический диагноз с рождения. Во многих исследованиях защитных механизмов, актуализирующихся у матерей детей с отклонениями в развитии, возникает проблема методического инструментария и адекватности его использования применительно к предмету исследования.

Материалы и методы исследования

Существуют две основные группы исследовательских инструментов – проективные и опросные методы.

Изначально *проективные методы* были разработаны для выявления и описания защитных механизмов личности, и, как отмечает Л. Ф. Бурлачук, именно проективный подход к изучению личности создает благоприятные условия для проявления защитных механизмов Я [24]. Между тем Е. Т. Соколо-

ва подчеркивает, что из протоколов исследований с помощью проективных методик можно вычитать множество психологических реалий испытуемых, к которым автор относит мотивы, отношения, установки, конфликты, защиты и др. [25].

В работах, посвященных анализу защитных механизмов, вербальная продукция испытуемых анализируется как результат действия защитных

механизмов, но *далеко не всегда ставится вопрос о необходимости различать защитное реагирование от незащитного реагирования и соотносить с одним и тем же стимульным материалом*. Содержание вербальной продукции испытуемых позволяет лишь предположить действие защитных механизмов, и эти предположения нуждаются в дополнительной аргументации. По меньшей мере первым шагом должно стать обоснование того, что произнесенное в процессе работы с проективной методикой высказывание испытуемого в самом деле соответствует критериям действия защитных механизмов.

На основании клинического опыта, в частности в рассказах по картинкам тематического апперцептивного теста, П. В. Яньшин определил следующие признаки защитных механизмов: *вытеснение* (большое количество отрицательных речевых оборотов, пропуски в сюжетной линии между негативной ситуацией в настоящем и позитивным исходом или прогнозом, отказ составлять рассказ по неприятным картинкам); *рационализацию* (рациональные объяснения изменений отношения персонажей к событиям их жизни, наличие логической схемы рассуждений типа «зеленый виноград»); *проекцию* (чрезмерная опора на детали, состоящая в склонности объяснять повороты сюжетной линии характеристиками картинки; черты мнительности или подозрительности персонажей рассказов) [26].

Таким образом, интерпретация результатов проективных методик предполагает глубокий качественный анализ текстовой продукции и соотнесение высказываний испытуемых с критериями проявления защитных механизмов. Согласно перечисленным ниже исследованиям, у матерей, имеющих детей с отклонениями в развитии, эти критерии четко не обозначены, хотя наиболее часто встречающимся из них дается описательная характеристика.

В исследовании защитных механизмов у матерей, имеющих детей дошкольного возраста с детским церебральным параличом (ДЦП), Е. И. Первичко и Д. В. Довбыш посредством клинической беседы [18] установили, что механизм отрицания проявляется в нереалистичном описании матерями будущего ребенка: они утверждают, что он будет ходить, пойдет в детский сад, будет играть в футбол. По мнению В. С. Тихомировой, повышение матерями оценки себя и своего ребенка соотносится с выраженным умственным нарушением как результатом действия механизма компенсации: на бессознательном уровне эти матери хотят видеть своего ребенка лучшим, что объясняется их чувством вины [20].

В качестве *опросных методов* часто используется опросник индекса жизненных стилей Келлермана – Плутчека, в котором отражена концепция механизмов защиты как производных эмоциональной сферы [27]. В данной концепции психологическая

защита проявляется как снижение эмоционального напряжения и предотвращение дезорганизации поведения, сознания и психики в целом, поэтому все механизмы защиты рассматриваются как прототипы восьми базисных эмоций.

Названный опросник широко используется в исследованиях родительского отношения к болезни ребенка, отклонениям в развитии у детей. В этих исследованиях в защитные механизмы, типичные для матерей детей с ДЦП, умственной отсталостью, расстройствами аутистического спектра, сколиозом. У матерей выявлено преобладание таких защитных механизмов, как отрицание, проекция, рационализация, реактивное образование. *Содержательная характеристика преобладающих защитных механизмов имеет несколько произвольный характер, когда на ситуацию ребенка с отклонениями в развитии переносится трактовка защитного реагирования матери, которая была получена при ответе на вопросы о реагировании на другие кризисные или трудные ситуации*.

Отрицание проявляется в нереалистичном отношении матери к болезни ребенка, радужных представлениях о будущем; мать стремится убедить себя и других в том, что заболевание малозначимое, преодолимое, полностью излечимое; реальные возможности ребенка игнорируются, к нему предъявляются неадекватно высокие требования [22; 28; 29]. Родители отрицают наличие существенных проблем у ребенка или стараются снизить серьезность возникающей для него угрозы. Именно таким образом выражается наиболее распространенная форма поведения родителей – неприятие или отрицание диагноза. Этот способ психологической защиты может играть определенную позитивную роль: родители продолжают бороться за ребенка, ищут альтернативные способы его лечения [16; 17]. Отрицание обнаруживается в отказе признавать как наличие диагноза в целом, так и отдельных его аспектов [21]. Вытеснение выражается в игнорировании или забывании психотравмирующих элементов действительности, нереалистичном восприятии существующих у ребенка проблем, склонности преувеличивать уровень его способностей [15].

Действие проекции как защитного механизма проявляется в тех ситуациях, когда родители ищут виновных в болезни ребенка, упрекают специалистов в ее возникновении, переносят свои негативные установки на членов семьи. Проекция воплощается также в стремлении родителей приписывать ребенку несуществующие черты (вплоть до его идеализации). Такое поведение родителей помогает им самоутвердиться, однако этот прием психологической защиты приводит к конфликтам с окружающими и эмоциональному отчуждению от больного ребенка [17].

Рационализация рассматривается как способ разумного оправдания любого поступка, создание приемлемого, но некорректного объяснения ситуации [22]: оправдание неспособности что-либо сделать для больного ребенка, объяснение себе и близким нежелательных для семьи действий (*мне тяжело дома; надо работать; буду жить у своей мамы; так будет лучше и для меня, и для больного ребенка*); при этом рациональное поведение социально одобряется [16]. Родители детей с расстройствами аутистического спектра отличаются эмоциональной сдержанностью. Они пытаются логически объяснить собственные чувства, эмоции и поступки, что проявляется в преувеличении роли обстоятельств и поиске объективных причин возникновения проблем в поведении ребенка [21].

По мнению исследователей, использование разных видов защитных механизмов зависит от характеристик ребенка (вид нарушения развития и степень его тяжести, возраст ребенка). Так, родители детей 2–3 лет с выраженным отставанием в умственном развитии чаще используют отрицание, вытеснение и формирование реакции, в то время как для родителей детей с легкой степенью отставания в умственном развитии в большей мере свойственно копинг-поведение, отражающее ориентацию на избегание [22]. При возрастании степени тяжести расстройства аутистического спектра у ребенка родители начинают интенсивнее обращаться к механизму замещения: стресс и тревога по поводу заболевания ребенка заменяются чувством вины – происходит переадресация реакции с ребенка и его болезни на собственную личность [21].

Обращает на себя внимание тот факт, что приведенное описание защитных механизмов матерей сделано авторами на основании результатов опросника, содержащиеся в нем утверждения не относятся к ситуации рождения ребенка с отклонениями в развитии. Как справедливо отмечает Е. В. Битюцкая, «в результате обобщению подвергается разный содержательный материал, и на его основе делается вывод о предпочтении испытуемым данной копинг-стратегии, хотя ее выбор вполне мог определяться спецификой ситуации» [6, с. 104]. Выводы относительно матерей, сделанные в приведенных выше исследованиях на основе опросников, представляются недостаточно доказательными, так как в их основу положена имплицитная идея об универсальности защитных механизмов и стратегий совладания, которые личность использует в разных по содержанию критических ситуациях. Однако в различных типах кризисных ситуаций задачи и способы совладания дифференцированы. Так, А. В. Лянцевич выделяет три типа кризисных ситуаций по критерию содержания стрессора: ситуации причинения вреда или его угрозы; ситуации потери, утраты благ личности и значимых

объектов; ситуации неопределенности – и способы эффективного совладания: борьбу (преобразование обстоятельств), принятие (переосмысление и адаптация), преодоление неопределенности (поиск решения, выбор) или принятие неопределенности (ожидание, терпение и пр.) [13]. Ситуация рождения ребенка с отклонениями в развитии может быть отнесена к каждому из предложенных автором типу кризисных ситуаций, а способом совладания в большей степени является принятие (переосмысление и адаптация).

Стратегии совладания в разных кризисных ситуациях отличаются, поэтому для понимания этих стратегий и оценки их эффективности необходимо определить специфические признаки самой кризисной ситуации. Так, ситуация рождения ребенка с отклонениями в развитии в ранний период онтогенеза характеризуется следующими специфическими задачами, которые решает женщина-мать:

- построением отношений с ребенком и воспитанием его как представителя своего возраста в целях обеспечения благоприятного развития и эмоционального благополучия ребенка;
- пониманием и принятием факта нарушения (заболевания) у ребенка, требующего приложения усилий по его преодолению;
- принятием факта невозможности излечить ребенка и избавить его от проблем, организацией жизни (своей и ребенка) с учетом этого факта;
- избавлением от образа будущего как неопределенного;
- овладением методами и ресурсами оказания помощи ребенку с неврологической патологией.

Для реализации цели исследования – описания особенности психологической защиты у матерей – обоснованно выбран проективный метод. Полученные в описанных выше исследованиях данные о содержании защитных механизмов матерей, имеющих детей дошкольного и младшего школьного возраста с разными видами отклонений в развитии, можно использовать как ориентиры для определения категорий анализа и критериев для индикации психологических защит.

В данном исследовании использовалась методика неоконченных предложений [24–26], которая определяется П. В. Яньшиным [26] как средство скрининга проблемных областей личности, которые могут быть неосознаваемыми или малоосознаваемыми и отражают сознательные, подсознательные и бессознательные чувства и мысли, значимые отношения испытуемого. Были отобраны и использованы неоконченные предложения, которые позволяют выявить у матери характеристики образа ребенка раннего возраста с неврологической патологией, оценку сильных сторон и ограничений у ребенка, ожидания и эмоции матери по отношению к нему. Исследуемым предлагалось завершить

неоконченные фразы о ребенке и материнском отношении к нему.

Выборку составили 118 матерей детей раннего возраста (1–3 года) с неврологической патологией, имеющих следующие диагнозы по МКБ-10: последствия раннего органического поражения центральной нервной системы (G98.9, G98.8), ДЦП (G80.1, G80.2, G80.3, G80.4), другие психоневрологические расстройства (G83.2, G90). Средний возраст детей – 25,2 месяца. Все дети проходили курсы реабилитации в Брестском областном центре медицинской реабилитации «Тонус», имеют отставания в двигательном, познавательном, речевом и социальном развитии разной степени тяжести. На основании результатов трех методик – Мюнхенской функциональной диагностики развития ребенка раннего возраста, Диагностики психического развития детей раннего возраста (Е. О. Смирнова, Л. Н. Галигузова, Т. В. Ермолова, С. Ю. Мещерякова), экспертных оценок степени нарушений развития у детей – дети разделены на три группы в зависимости от степени тяжести. К третьей группе относились дети с выраженными нарушениями, ко второй – с умеренными, к первой – с легкими нарушениями.

Первичное исследование протоколов неоконченных предложений проводилось с помощью кон-

тент-анализа. Его результаты использовались для предварительного разделения ответов матерей по критерию *с включением защитных механизмов / без включения защитных механизмов* и далее подвергались экспертной оценке, что позволило разработать методику-схему анализа механизмов психологической защиты у матерей детей раннего возраста. В качестве экспертов выступили пять специалистов – исследователей и практиков, работающих в области детской психологии и кризисной психологии (четверо из них – кандидаты психологических наук). Оценки экспертов были следующими: 0 означает, что отсутствует действие защитного механизма; 1 – действие защитного механизма «скорее есть, чем отсутствует»; 2 – однозначно проявляется действие защитного механизма. Проверка надежности оценок экспертов осуществлялась с помощью парного корреляционного анализа (табл. 1).

Для достижения большего согласия в процессе обсуждения были скорректированы итоговые значения экспертных оценок, и на основе повторных оценок определены общие итоговые оценки. Значения коэффициентов корреляции свидетельствуют о высокой степени согласованности экспертных оценок. Связь итоговых значений оценок и оценок отдельных экспертов оказалась статистически значимой.

Таблица 1

Корреляционный анализ экспертных оценок

Table 1

Correlation analysis of expert evaluations

		Итоговые оценки	Эксперт 1	Эксперт 2	Эксперт 3	Эксперт 4	Эксперт 5
Итоговые оценки	<i>r</i>	1,000	0,625*	0,561*	0,766**	0,625*	0,649*
	<i>p</i>	–	0,022	0,050	0,002	0,022	0,016
Эксперт 1	<i>r</i>	0,625*	1,000	0,732**	0,901**	1,000**	0,896**
	<i>p</i>	0,022	–	0,004	0,000	–	0,000
Эксперт 2	<i>r</i>	0,561*	0,732**	1,000	0,792**	0,732**	0,656*
	<i>p</i>	0,050	0,004	–	0,001	0,004	0,015
Эксперт 3	<i>r</i>	0,766**	0,901**	0,792**	1,000	0,901**	0,857**
	<i>p</i>	0,002	0,000	0,001	–	0,000	0,000
Эксперт 4	<i>r</i>	0,625*	1,000**	0,732**	0,901**	1,000	0,896**
	<i>p</i>	0,022	0,000	0,004	0,000	–	0,000
Эксперт 5	<i>r</i>	0,649*	0,896**	0,656*	0,857**	0,896**	1,000
	<i>p</i>	0,016	0,000	0,015	0,000	0,000	–

Примечание. *r* – значение коэффициента корреляции Спирмена; *p* – уровень значимости; * – значение коэффициентов корреляции статистически значимо при $p \leq 0,05$ (в 20 % случаев); ** – значение коэффициентов корреляции статистически значимо при $p \leq 0,01$ (в 80 % случаев).

Результаты и их обсуждение

Балльные оценки неоконченных предложений (табл. 2) применялись для описания типов используемых матерями психологических защит, выявления их количества и напряженности. Количество психологических защит определялось путем подсчета

числа предложений, завершение которых включает защитные механизмы, напряженность – с помощью подсчета баллов, которые набирает испытуемый. Статистические данные по количественным показателям психологической защиты показаны в табл. 3.

Таблица 2

Категории анализа психологических защитных механизмов

Table 2

Categories of analysis of psychological defence mechanisms

Неоконченное предложение	Варианты ответов без включения защитных механизмов	Варианты ответов с включением защитных механизмов	Итоговые оценки экспертов
По сравнению с другими детьми его/ее возраста...	<i>Признание отставания в развитии:</i> • отстает в развитии; • отличается от сверстников	<i>Непризнание отставаний, рациональные объяснения, идеализация:</i> • лучше других; • он намного умнее; • уникальный; • отстает только в двигательном развитии	2
	–	Отсутствие ответа	1
Самое главное в характере моего ребенка...	<i>Указание на объективно наблюдаемые факты поведения:</i> • ребенок умеет что-то делать; • трудно сказать, так как ребенок еще мал	<i>Приписывание ребенку черт характера разной степени обобщенности, не соответствующих возрастным особенностям детей:</i> • целеустремленность; • упорство ребенка; • доброта ребенка; • умеет за себя постоять	2
Мой ребенок силен ...	<i>Указание на объективно наблюдаемые факты поведения:</i> • в рассматривании игрушек; • работе руками; • манипулировании; • разговоре	<i>Приписывание ребенку качеств, которые не могут наблюдаться, отсутствуют у детей раннего возраста:</i> • в интеллекте; • всем; • письме, разукрашках; • все преодолеть	2
	–	Отсутствие ответа	1
Мой ребенок достаточно способен, чтобы...	<i>Объективные возможности ребенка:</i> • кушать самостоятельно; • обслуживать себя и идти в детский сад; • сделать беспорядок в доме	<i>Приписывание ребенку возможностей, соответствующих пожеланиям матери:</i> • все преодолеть; • преодолеть все трудности; • всему научиться; • не отчаиваться	1
	–	Отсутствие ответа	1
Думаю, что ему/ей мешает...	<i>Симптомы неврологической патологии:</i> • диагноз; • киста в голове; • спастика; • гипертонус, гипотонус; • состояние здоровья	<i>Объяснение дефицитов у ребенка, его недостаточных способностей, которое выглядит логично:</i> • страх; • лень; • неуверенность; • неумение сосредоточиваться; • ничего не мешает	2

Окончание табл. 2
Ending table 2

Неоконченное предложение	Варианты ответов без включения защитных механизмов	Варианты ответов с включением защитных механизмов	Итоговые оценки экспертов
Меня беспокоит в нем/ней...	<i>Объективные факты:</i> • отставание в развитии; • его диагноз; • проблемы со здоровьем; • нерешительность; • нет интереса; • сама не ходит; • часто расстраивается по пустякам	<i>Приписывание ребенку качеств, обоснованных рационально:</i> • упрямство; • лень; • характер	1
Мне бы хотелось, чтобы мой ребенок больше внимания уделял...	<i>Задачи развития:</i> • процессу жевания; • окружающему миру, а не маме	<i>Приписывание ребенку интересов, желаемых мамой (отражение представлений о дефицитах ребенка):</i> • развивающим игрушкам, развивашкам; • дидактическим играм; • книжкам и картинкам; • двигательной активности; • своему физическому развитию; • зарядке	1
Я хотела бы, чтобы...	<i>Реалистичные, достижимые в данной ситуации желания:</i> • был здоров; • она делала успехи	<i>Высказывание о своих желаниях, не соответствующих возможностям ребенка, нереалистичных:</i> • ребенок выздоровел; • пошел в детский сад, школу; • был как все; • у нас быстрее все наладилось	1
Я боюсь, что...	<i>Обоснованные страхи, свойственные любому человеку:</i> • заболевает болезнью, от которой он не привит; • будет болеть; • в развитии будут шаги назад; • будет плохо ходить и плохо говорить	<i>Перенос страхов с ребенка на себя:</i> • я не все делаю; • я не смогу дать все; • я не смогу выйти через год на работу; • она вырастет и уйдет от меня	1
	–	Отсутствие ответа Отрицание страхов	2

Таблица 3

Статистические данные по показателям психологической защиты

Table 3

Statistical data on psychological defence indicators

Параметры	Психологические защиты, количество (от 0 до 9)	Напряженность психологических защит, балл (от 0 до 14)
Среднее	4,658	7,213
Медиана	5,000	7,000
Мода	5,000	8,000
Стандартное отклонение	1,635	2,575
Дисперсия	2,675	6,635
Минимум	1,000	1,000
Максимум	9,000	13,000

Согласно данным, представленным в табл. 3, показатели количества и напряженности психологических защит имеют широкий диапазон (практически от минимума до максимума возможных значений), что обеспечивает высокие показатели дисперсии. Медианные значения соответствуют середине диапазона возможных значений.

У матерей детей раннего возраста с неврологической патологией обнаружено действие отрицания, проекции, вытеснения, рационализации и замещения как механизмов психологической защиты при описании их отношения к ситуации наличия особенного ребенка раннего возраста.

Отрицание. Игнорирование травмирующего восприятия проявляется в непризнании наличия у ребенка отставания в развитии от сверстников; признании отставания только в одной области (как правило, в двигательной) и непризнании отставания в других сферах (при этом у ребенка имеется выраженное отставание во всех областях). Желания, которые матери высказывают по отношению к ребенку с тяжелыми нарушениями, не соответствуют его возможностям (*хочу, чтобы ребенок был как все, пошел в детский сад и др.*). Это свидетельствует об отрицании реальности.

Проекция. Ребенку приписываются собственные чувства и желания; устойчивые черты характера, не соответствующие его возрастным возможностям (*целеустремленность; умеет за себя постоять; упорство в достижении цели, которая чаще связана с преодолением двигательных дефицитов; харизматичность и др.*), умения (*ребенок силен в письме, раскрасках, мелкой моторике*), способности все преодолеть и всему научиться. Также идеализируется сам ребенок (*он самый лучший, он лучше всех, он умница*). При описании дефицитов ребенка проекция проявляется в приписывании ему нежелательных черт поведения (*лень, страх*), а также в пожеланиях ребенку больше внимания уделять значимым, по мнению мамы, занятиям: развивающим занятиям, двигательной активности, уборке своих игрушек в возрасте до полутора лет.

Рационализация. Данное действие представляется как псевдоразумное истолкование матерью своих желаний которое проявляется при объяснении ею отличий ребенка от сверстников (*он уникальный, он другой*), обосновании дефицитов ребенка и мешающих ему факторов, которые беспокоят мать (*мешает страх, лень, неумение сосредоточиться, характер ребенка*), при описании главных черт в характере ребенка (*настойчивость при наличии немотивированного упрямства или стереотипных действий, самостоятельность при отсутствии общения у ребенка с чертами аутистического расстройства*).

Вытеснение. Характеризуется избеганием внутреннего конфликта путем выключения из сознания неприемлемой информации, выражается в отсутствии ответов на вопросы о качествах, сильных сторонах, способностях ребенка и страхах матери.

Замещение. Этот признак используется матерью как перенос переживаний страха и тревоги с недоступного объекта на доступный, т. е. с ребенка на саму себя (*боюсь, что я не все делаю и не смогу дать ему все*).

При сопоставлении количественных показателей психологических защит и степени тяжести нарушений развития, а также возраста ребенка оказалось, что статистически значимые корреляционные связи отсутствуют (табл. 4). Таким образом, представленность и выраженность психологических защит одинакова у матерей, имеющих детей раннего возраста с разной степенью нарушений развития при неврологической патологии. Также не было обнаружено статистически значимых связей между возрастом ребенка и показателями напряженности психологических защит. Проявления психологической защиты у матерей одинаковы по отношению к ребенку с неврологической патологией вне зависимости от его возраста и степени тяжести имеющегося нарушения. Следовательно, защитное поведение матери больше определяется ее личностными качествами, отношением и переживанием ситуации рождения больного ребенка, чем особенностями его самого.

Таблица 4

Связь возраста, степени тяжести нарушений у ребенка и психологических защит матери

Table 4

The relationship between age, the severity of child disability and mothers' psychological defences

Показатель		Степень тяжести нарушений у ребенка	Возраст ребенка
Психологические защиты, количество	<i>r</i>	0,122	-0,26
	<i>p</i>	0,196	0,783
Напряженность психологических защит, балл	<i>r</i>	0,057	0,028
	<i>p</i>	0,54	0,756

Примечание. $p \geq 0,05$; коэффициенты корреляции Спирмена (*r*) незначимы.

Для понимания функций, которые выполняет психологическая защита у матерей, имеющих детей раннего возраста с неврологической патологией, показатели психологических защит были соотнесены с показателями материнской позиции, которые выявлялись с помощью дополнительных методов исследования: опросника детско-родительского эмоционального взаимодействия (ОДРЭВ), разработанного Е. И. Захаровой [30], и модифицированной методики изучения самооценки.

ОДРЭВ позволяет получить характеристику репрезентаций взаимодействия в диаде мать – ребенок по 11 шкалам, которые сгруппированы в три блока: чувствительность матери (блок 1), эмоциональное принятие (блок 2), поведенческие проявления эмоционального взаимодействия (блок 3). В табл. 5 представлены данные корреляционного анализа шкал ОДРЭВ и показателей психологических защит, входящих в блок эмоционального принятия (в таблицу внесены только значимые корреляционные связи).

Таблица 5

Корреляции шкал опросника детско-материнского эмоционального взаимодействия и показателей психологической защиты

Table 5

Correlations of the child-mother emotional interaction questionnaire scales and indicators of psychological defence

Наименование	Психологические защиты, количество	Напряженность психологических защит, балл
Шкала 4 «Чувства матери в ситуации взаимодействия»	$r = 0,258; p = 0,007^{**}$	$r = 0,345; p = 0,000^{**}$
Шкала 5 «Безусловное принятие»	$r = 0,287; p = 0,002^{**}$	$r = 0,345; p = 0,000^{**}$
Шкала 6 «Принятие себя в качестве родителя»	$r = 0,147; p = 0,117$	$r = 0,183; p = 0,05^*$
Блок 2 «Эмоциональное принятие»	$r = 0,228; p = 0,014^*$	$r = 0,270; p = 0,003^{**}$

Примечание. * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$.

Данные, представленные в табл. 5, говорят о существовании прямой положительной связи между уровнем психологической защиты у матери и показателем выраженности чувств в процессе взаимодействия матери и ребенка: чем выше показатель количества защит и степени их напряженности, тем сильнее выражены чувства матери при взаимодействии с ребенком. Установлена также прямая положительная корреляция между уровнем психологической защиты у матери и показателем безусловного принятия ею ребенка: чем выше показатель количества защит и степени их напряженности, тем в большей степени выражено безусловное принятие ребенка матерью. Имеется прямая положительная слабая связь напряженности психологических защит у матери и принятия ею себя в качестве родителя: при высоком показателе напряженности психологических защит у матери показатель принятия ею себя в качестве родителя также увеличиваются.

В блоке 2 ОДРЭВ отражаются оценки общего уровня эмоционального принятия ребенка. В частности, установлена прямая положительная связь данного показателя и уровня психологической защиты у матери: чем выше показатель количества защит и степени их напряженности, тем сильнее

проявляется эмоциональное принятие ребенка матерью.

Отсутствует связь показателей выраженности психологической защиты у матерей со всеми шкалами, входящими в блоки 1 и 3, а также со значениями показателей названных блоков. Таким образом, психологическая защита коррелирует с эмоциональным компонентом взаимодействия в диаде мать – ребенок и не сопряжена с показателями чувствительности матери к ребенку и поведенческими проявлениями взаимодействия. Действие психологических защит не распространяется на восприимчивость и чувствительность матери по отношению к ребенку, а также на поведенческие проявления матери.

Отношение матери к себе и ребенку обнаруживается в ее самооценке и оценке ребенка. Для выявления этих особенностей при разном уровне психологической защиты у матерей использовалась модифицированная нами методика Дембо – Рубинштейн [31]. Матерям предлагалось оценить себя и своего ребенка по шкалам здоровья, ума, красоты, характера и счастья, поставив отметку на линии длиной 10 см.

В табл. 6 представлены значимые корреляционные связи между шкалами самооценки и показателями психологической защиты.

Степень выраженности психологической защиты матери напрямую связана со следующими показателями:

- самооценкой матери по шкале счастья (чем выше напряженность психологических защит, тем сильнее мать оценивает свое счастье);
- самооценкой матери по шкале характера (чем в большей степени проявляется напряженность психологических защит, тем более высоко оценивает мать свой характер);
- оценкой здоровья ребенка (чем выше напряженность психологических защит, тем более высоко оценивает мать уровень здоровья ребенка).

Показатели психологической защиты не сопряжены с оценками матери как своего здоровья, ума и красоты, так и этих же качеств ребенка. Во всех случаях остается неясным направление связи между показателями: высокие самооценки счастья влияют на напряженность защит или степень напряженности защит влияет на самооценки счастья? В целях поиска ответов на поставленные вопросы проведен линейный регрессионный анализ. Для процедуры данного анализа была построена модель, в которой в качестве зависимой переменной были выбраны показатель самооценки матери по шкале счастья и показатель напряженности психологических защит (табл. 7).

Таблица 6

Результаты корреляционного анализа

Table 6

Results of correlation analysis

Показатель	Самооценка		Оценка здоровья ребенка	Психологические защиты, количество	Напряженность психологических защит, балл	
	Характер матери	Счастье матери				
Психологические защиты, количество	<i>r</i>	0,183	0,171	0,179	1,000	0,868**
	<i>p</i>	0,129	0,156	0,139	–	0,000
Напряженность психологических защит, балл	<i>r</i>	0,240*	0,286*	0,250*	0,868**	1,000
	<i>p</i>	0,045	0,016	0,037	0,000	–

Примечание. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; $N = 82$.

Таблица 7

Результаты регрессионного анализа

Table 7

Results of regression analysis

Зависимая переменная	Независимая переменная	<i>B</i>	Стандартная погрешность	β	<i>t</i>	Статистическая значимость
Самооценка матери по шкале счастья	Constant	7,113	0,715	–	9,942	0,000
	Напряженность психологических защит, балл	0,300	0,188	0,406	1,601	0,114
	Психологические защиты, количество	–0,188	0,302	–0,158	–0,624	0,535
Напряженность психологических защит	Constant	3,541	1,432	–	2,474	0,016
	Здоровье ребенка	0,134	0,128	0,130	1,054	0,296
	Счастье матери	0,255	0,162	0,195	1,571	0,121
	Характер матери	0,161	0,110	0,171	0,462	0,148

Примечание. *B* – нестандартизированный коэффициент; β – стандартный коэффициент регрессии; *t* – критерий Стьюдента.

Данные регрессионного анализа свидетельствуют о том, что оба показателя психологических защит не влияют на самооценку матери по шкале счастья, а ее самооценка по шкалам счастья и характера и оценки уровня здоровья ребенка не влияют на напряженность психологических защит (значения t ниже критических). Следовательно, между показателями психологических защит матери и ее самооценкой не выделяются факторы влияния, хотя при этом связь между ними существует на статистически значимом уровне. Такие результаты можно объяснить двусторонними влияниями по принципу круговых связей: оценки своего счастья, характера и здоровья ребенка влияют на уровень психологических

защит, которые, в свою очередь, определяют самооценку матери и ее оценку ребенка.

При сопоставлении данных о напряженности психологической защиты у матерей и показателей их реабилитационной активности были установлены отрицательные корреляционные связи. Это означает, что чем выше напряженность психологических защит у матери, тем менее активно она включена в процесс реабилитации ребенка раннего возраста с неврологической патологией. Вероятно, непризнание серьезности нарушения развития ребенка, убеждение во временном характере расстройства снижает степень направленности матери на реабилитацию ребенка [32].

Заключение

Ранний период развития ребенка с отклонениями в развитии характеризуется как начальная стадия переживания матерью кризиса рождения особенного ребенка. Этот период должен быть исследован как в аспекте влияния матери на развитие ребенка, так и с точки зрения становления личности матери, переживающей кризис. В представленном исследовании впервые изучены особенности психологической защиты матери в ее отношении к ребенку раннего возраста с отклонениями в развитии вследствие неврологической патологии. Для целей исследования была разработана методика оценки количественных показателей и напряженности психологической защиты матери, основанная на контент-анализе неоконченных предложений и экспертных оценках.

Основными типами психологических защит у матерей детей раннего возраста с неврологической патологией являются отрицание, проекция, вытеснение, рационализация и замещение, которые имеют специфическое содержание, определяемое именно возрастом ребенка. Это доказывается оценками экспертов, которые трактовали высказывания матерей, имеющих защитный характер, и связывали их высказывания с характеристиками развития и поведения ребенка в раннем возрасте. Чем меньше количество защит и чем ниже их напряженность, тем слабее мать отрицает, вытесняет или квазирационально объясняет реальность, т. е. наличие отставания в развитии, дефицитов у ребенка и его перспективы.

Психологическая защита у матерей детей раннего возраста с неврологической патологией связана с некоторыми характеристиками материнского отношения: эмоциональным принятием ребенка, оценкой себя и его.

С количеством и напряженностью психологических защит связан уровень эмоционального принятия ребенка, которое включает безусловное принятие ребенка и себя как родителя, а также эмоциональный фон взаимодействия. При этом с психологическими защитами не связан уровень чувствительности матери к ребенку и ее поведение по

отношению к нему. Эти данные соответствуют традиционному пониманию психологических защит как эмоционально производных, проявляющихся в эмоциональной сфере личности.

Закрытость негативных аспектов реальности приводит мать к безусловному принятию ребенка, эмоционально положительному отношению к нему. Для матери образ будущего ребенка пока является неопределенным, поэтому в ожиданиях, мечтах матери позитивный исход (*все наладится и будет хорошо*) сочетается с негативными представлениями и чувством страха, что все усилия напрасны и отставание в развитии у ребенка может сохраниться. Такое сочетание позитивного и негативного содержания в образе будущего, вероятно, имеет индивидуально-психологические основания и зависит от общей эмоциональной направленности матери (оптимизм/пессимизм).

Доказано, что напряженность психологических защит напрямую связана с самооценкой матерей по шкалам характера и счастья, а также с оценкой уровня здоровья ребенка, и эти связи имеют круговой характер. Психологическая защита матери ребенка в период раннего дизонтогенеза выступает как условие ее благополучия, так как позволяет искажать информацию о тяжести состояния ребенка и способствует более высокой оценке себя. Если мать чувствует себя счастливой, то она создает более стойкую защиту (отрицание реальности нарушения у ребенка, вытеснение, рациональное объяснение его поведения). При наличии такого позитивного образа реальности она чувствует себя более счастливой. Так можно трактовать и данные о самооценке по шкале характера: в тех случаях, когда мать оценивает себя как хорошего человека, одновременно она создает более стойкую защиту, которая позволяет выше оценивать себя как хорошего человека.

Если мать высоко оценивает уровень здоровья своего ребенка, то тем самым она создает более стойкую защиту, отрицая реальность или квазирационально объясняя ее. Созданная стойкая защита

позволяет более высоко, хотя и нереалистично оценивать уровень здоровья своего ребенка. Этот механизм наблюдается независимо от объективно установленной степени тяжести нарушений у ребенка и относительно детей любого возраста в раннем онтогенезе, а также он предохраняет матерей от излишней тревоги в связи с наличием отклонений в развитии ее ребенка и открывает позитивную перспективу его выздоровления. Такая психологическая защита может иметь негативные последствия только в том случае, если мать, отрицая проблемы со здоровьем ребенка, не занимается его реабилитацией, так как не считает это необходимым.

Перспективы дальнейших исследований заключаются в изучении психологических защит матерей детей дошкольного возраста с отклонениями

в развитии в целях описания динамики стратегий совладания при взрослении ребенка. Перспективным также является исследование психологических защит матери особого ребенка в структуре ее образа Я, поскольку выявленные в данном исследовании взаимосвязи самооценки матери и напряженности психологических защит нуждаются в более детальном рассмотрении.

Полученные данные могут использоваться при оказании психологической помощи семье в системе раннего вмешательства, а схема анализа психологических защит будет полезна в диагностической работе психолога. Целесообразно провести стандартизацию методики выявления психологических защит для установления нормативных показателей.

Библиографические ссылки

1. Yeo Reum Lee, Yu Sun Chun. Effects of sandplay therapy on anxiety and defense style of mother of disabled children. *Journal of Symbols and Sandplay Therapy*. 2016;7(1):77–95. DOI: 10.12964/jsst.160004.
2. Saeedmanesh M, Azizi M. The effectiveness of acceptance commitment therapy on acceptance and defense style of parent with autistic children. Therapy on the parent with denial defense mechanism. *Middle Eastern Journal of Disability Studies* [Internet]. 2017 [cited 2020 January 1];7. Available from: <https://jdisabilstud.org/article-1-830-en.pdf>.
3. Jonas M. *Behinderte Kinder – behinderte Mütter? Die Unzumutbarkeit einer sozial arrangierten Abhängigkeit*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch; 1990. 159 S.
4. Сергиенко АИ, Холмогорова АБ. Посттравматический рост и копинг-стратегии родителей детей с ограниченными возможностями здоровья. *Консультативная психология и психотерапия*. 2019;27(2):8–26. DOI: 10.17759/cpr.2019270202.
5. Никольская ИМ, Грановская РМ. *Психологическая защита у детей*. Санкт-Петербург: Речь; 2000. 352 с.
6. Битюцкая ЕВ. Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2011;1:100–111.
7. Либина АВ. *Совладающий интеллект*. Москва: Эксмо; 2008. 400 с.
8. Чумакова ЕВ. *Психологическая защита личности в системе детско-родительского взаимодействия* [диссертация]. Санкт-Петербург: СПбГУ; 1998. 184 с.
9. Ташлыков ВА. *Психология лечебного процесса*. Ленинград: Медицина; 1984. 192 с.
10. Bond MP. The development and properties of the Defense Style Questionnaire. In: Conte HR, Plutchik R, editors. *Ego Defenses: theory and measurement*. New York: John Wiley & Sons; 1995. p. 202–220. (Einstein Psychiatry Publication; No. 10).
11. Schuchardt E. *Warum gerade ich...? Leben lernen in Krisen, Leiden und Glaube. Fazit aus 2000 Lebensgeschichten eines Jahrhunderts: der Komplementär-Spiralweg Krisenverarbeitung*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht; 2013. 360 S.
12. Михайлова НФ. Концепция семейного стресса и копинг-парадигма в изучении семей «особых» детей (обзор литературы). *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*. 2014; 7(3):32–46.
13. Лянцевич АВ. Типология жизненных кризисных ситуаций как основа для определения эффективности совладания с кризисом. *Научные труды Республиканского института высшей школы*. 2017;17(часть 3):246–254.
14. Hart J. Toward an integrative theory of psychological defense. *Perspectives on psychological science*. 2014;9(1):19–39. DOI: 10.1177/1745691613506018.
15. Высотина ТН. *Особенности родительского отношения к детям с атипичным аутизмом* [диссертация]. Санкт-Петербург: СПбГУ; 2013. 162 с.
16. Мамайчук ИИ, Вербрюгген АА. Учет защитных механизмов личности родителей детей с двигательными нарушениями в процессе психологической помощи. *Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2009;1(часть 1):355–363.
17. Пятакова ГВ, Мамайчук ИИ, Умнов ВВ. Психологические защитные механизмы у детей с ДЦП в контексте материнского отношения к болезни ребенка. *Ортопедия, травматология и восстановительная хирургия детского возраста*. 2017;5(3):58–65. DOI: 10.17816/PTORS5358-67.
18. Первичко ЕИ, Довбыш ДВ. Личностный смысл болезни ребенка как фактор приверженности семьи лечению (исследование семей, воспитывающих детей с детским церебральным параличом). *Национальный психологический журнал*. 2016;2(22):61–72. DOI: 10.11621/npj.2016.0206.
19. Стешенко ЕА. *Исследование отношения матери к болезни ее ребенка с детским церебральным параличом. Детская и подростковая реабилитация*. 2015;1(24):69–72.
20. Тихомирова ВС. Влияние степени тяжести детского церебрального паралича у детей дошкольного возраста на эмоционально-личностные особенности их матерей. *Психологические исследования* [Интернет]. 2012 [процитировано 9 января 2020];5(26):11. Доступно по: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n26/762-tikhomirova26.html>.
21. Шабанова ЕВ. Особенности системы детско-родительских и супружеских отношений в семьях, воспитывающих ребенка с расстройством аутистического спектра. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2013;3:80–86.

22. Takyun CJ, Ogwo A. Psychological defense mechanisms and coping behaviour: parenting of young children with psychological developmental disorders. *International Journal for Psychotherapy in Africa*. 2019;4(1):134–140.
23. Abbasi M, Pirani Z. Pathological defense mechanisms of parents of deaf children and children with intellectual disabilities: a search for corrective solutions. *Middle Eastern Journal of Disability Studies* [Internet]. 2017 [cited 2020 January 9];7:17. Available from: <https://jdisabilstud.org/article-1-678-en.html>.
24. Бурлачук ЛФ. *Введение в проективную психологию*. Киев: Ника-Центр; 1997. 128 с. (Новейшая психология; выпуск 3). Совместно с издательством «Вист-С».
25. Соколова ЕТ. *Проективные методы исследования личности*. Москва: Издательство Московского университета; 1980. 176 с.
26. Яньшин ПВ. Практикум по клинической психологии. *Методы исследования личности*. Санкт-Петербург: Питер; 2004. 336 с. (Практикум по психологии).
27. Панталеев СР, Жилина ЕЮ. Методика диагностики защитных механизмов личности. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2009;1:67–80.
28. Миланич ЮМ. Родительское отношение к ребенку с нарушениями психофизического развития. *Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина*. 2010;5(3):44–54.
29. Стешенко ЕА. Результаты изучения отношения матери к болезни ее ребенка, страдающего детским церебральным параличом. *Педагогическое образование в России*. 2016;10:112–119. DOI: 10.26170/ro16-10-19.
30. Захарова ЕИ. Опросник для исследования эмоциональной стороны детско-родительского взаимодействия. *Семейная психология и семейная терапия*. 1997;1:67–77.
31. Рубинштейн СЯ. *Экспериментальные методики патопсихологии и опыт их применения в клинике*. Москва: Медицина; 1970. 215 с.
32. Валитова ИЕ. Реабилитационная активность матери при неврологической патологии ребенка раннего возраста. *Психология. Психофизиология*. 2021;1. (В печати).

References

1. Yeo Reum Lee, Yu Sun Chun. The effects of sandplay therapy on anxiety and defense style of mother of disabled children. *Journal of Symbols and Sandplay Therapy*. 2016;7(1):77–95. DOI: 10.12964/jsst.170004.
2. Saeedmanesh M, Azizi M. The effectiveness of acceptance commitment therapy on acceptance and defense style of parent with autistic children. Therapy on the parent with denial defense mechanism. *Middle Eastern Journal of Disability Studies* [Internet]. 2017 [cited 2020 January 9];7. Available from: <https://jdisabilstud.org/article-1-830-en.pdf>.
3. Jonas M. *Behinderte Kinder – behinderte Mütter? Die Unzumutbarkeit einer sozial arrangierten Abhängigkeit*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch; 1990. 159 S.
4. Sergienko AI, Kholmogorova AB. Post-traumatic growth and coping strategies of parents of children with disabilities. *Counseling Psychology and Psychotherapy*. 2019;27(2):8–26. DOI: 10.17759/cpp.2019270202. Russian.
5. Nikolskaya IM, Granovskaya RM. *Psikhologicheskaya zashchita u detei* [Psychological defence in children]. Saint Petersburg: Rech'; 2000. 352 p. Russian.
6. Bityutskaya EV. Modern approaches to the research of coping with the difficult life situations. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*. 2011;1:100–111. Russian.
7. Libina AV. *Sovladayushchii intellekt* [Coping intelligence]. Moscow: Eksmo; 2008. 400 p. Russian.
8. Chumakova EV. *Psikhologicheskaya zashchita lichnosti v sisteme detsko-roditel'skogo vzaimodeistviya* [Psychological defence of the individual in the system of child-parent interaction] [dissertation]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University; 1998. 184 p. Russian.
9. Tashlykov VA. *Psikhologiya lechebnogo protsessa* [Psychology of the therapeutic process]. Leningrad: Meditsina; 1984. 192 p. Russian.
10. Bond MP. The development and properties of the Defense Style Questionnaire. In: Conte HR, Plutchik R, editors. *Ego Defenses: theory and measurement*. New York: John Wiley & Sons; 1995. p. 202–220. (Einstein Psychiatry Publication; No. 10).
11. Schuchardt E. *Warum gerade ich...? Leben lernen in Krisen, Leiden und Glaube. Fazit aus 2000 Lebensgeschichten eines Jahrhunderts: der Komplementär-Spiralweg Krisenverarbeitung*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht; 2013. 360 S.
12. Mikhailova NF. The family stress concept and the coping paradigm in studying the families of «special» children (a literature review). *Bulletin of the South Ural State University. Series «Psychology»*. 2014;7(3):32–46. Russian.
13. Lyantsevich AV. Life crisis situation types as a base to measuring a coping effectiveness. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly*. 2017;17(part 3):246–254. Russian.
14. Hart J. Toward an integrative theory of psychological defense. *Perspectives on Psychological Science*. 2014;9(1):19–39. DOI: 10.1177/1745691613506018.
15. Vysotina TN. *Osobennosti roditel'skogo otnosheniya k detyam s atipichnym autizmom* [Features of parental attitude to children with atypical autism] [dissertation]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University; 2013. 162 p. Russian.
16. Mamaichuk II, Verbruggen AA. [Accounting of defence mechanisms of the personality of parents having children with motor disorders in the process of psychological assistance]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psihologiya. Sociologiya. Pedagogika*. 2009;1(part 1):355–365. Russian.
17. Pyatakova GV, Mamaichuk II, Umnov VV. Psychological defence mechanisms in children with cerebral palsy in the context of maternal attitude to the child's disease. *Pediatric Traumatology, Orthopaedics and Reconstructive Surgery*. 2017;5(3):58–65. Russian. DOI: 10.17816/PTORS5358-67.
18. Pervichko EI, Dovbysh DV. Personal meaning of child disease as a factor of family adherence to treatment (study of families raising children with cerebral palsy). *National Psychological Journal*. 2016;2(22):61–72. Russian. DOI: 10.11621/npj.2016.0206.
19. Steshenko EA. Research of mother's attitude to disease of her child with cerebral palsy. *Detskaya i podrostkovaya reabilitatsiya*. 2015;1(24):69–72. Russian.

20. Tikhomirova VS. [Impacts of the severity of infantile cerebral palsy in preschoolers on emotional characteristics and personality traits of their mothers]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Internet]. 2012 [cited 2020 January 9];5(26):11. Available from: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n26/762-tikhomirova26.html>. Russian.
21. Shabanova EV. System of parent-child and marital relationships in families with a child with autism spectrum disorder. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*. 2013;3:80–86. Russian.
22. Takyun CJ, Ogwo A. Psychological defense mechanisms and coping behaviour: parenting of young children with psychological developmental disorders. *International Journal for Psychotherapy in Africa*. 2019;4(1):134–140.
23. Abbasi M, Pirani Z. Pathological defense mechanisms of parents of deaf children and children with intellectual disabilities: a search for corrective solutions. *Middle Eastern Journal of Disability Studies* [Internet]. 2017 [cited 2020 January 9];7(17):17. Available from: <https://jdisabilstud.org/article-1-678-en.html>.
24. Burlachuk LF. *Vvedenie v proektivnyuyu psikhologiyu* [An introduction to projective psychology]. Kiev: Nika-Tsentr; 1997. 128 p. (Noveishaya psikhologiya; No. 3). Co-published by the «Vist-S». Russian.
25. Sokolova ET. *Proektivnye metody issledovaniya lichnosti* [Projective methods of personality research]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 1980. 176 p. Russian.
26. Yan'shin PV. *Praktikum po klinicheskoi psikhologii. Metody issledovaniya lichnosti* [Practical training in clinical psychology. Methods of personality research]. Saint Petersburg: Piter; 2004. 336 p. (Praktikum po psikhologii). Russian.
27. Pantileev SR, Zhilina EYu. Diagnostic method for personality defence mechanisms. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*. 2009;1:67–80. Russian.
28. Milanich YuM. Parents' attitude to child with psychophysical development disorders. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*. 2010;5(3):44–54. Russian.
29. Steshenko EA. [Results of studying the mother's attitude to the disease of her child suffering from cerebral palsy]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2016;10:112–119. Russian. DOI: 10.26170/po16-10-19.
30. Zakharova EI. [Questionnaire for the study of the emotional side of child-parent interaction]. *Semeinaya psikhologiya i semeinaya terapiya*. 1997;1:67–77. Russian.
31. Rubinstein SYa. *Ekspperimental'nye metodiki patopsikhologii i opyt ikh primeneniya v klinike* [Experimental methods of pathopsychology and the experience of their application in the clinic]. Moscow: Medicina; 1970. 215 p. Russian.
32. Valitova IE. Mother' rehabilitation activity in the case of neurological pathology of an early age child. *Psychology. Psychophysiology*. Forthcoming 2021:1. Russian.

Статья поступила в редколлегию 09.06.2020.
Received by editorial board 09.06.2020.

ОСОБЕННОСТИ ДОМАШНЕГО ОБУЧЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

О. Г. КСЁНДА¹⁾, Е. О. КОВТУНЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрено понятие домашнего (семейного) обучения и особенности его существования в Республике Беларусь. Описаны проблемы и выявлены отличительные черты этой формы обучения. Охарактеризована мотивация учебной деятельности детей, работающих по индивидуальному плану. Представлены результаты интервью с такими детьми и их родителями. Проанализировано отношение родителей и детей к школьному образованию. Обобщены ценности и цели домашнего обучения.

Ключевые слова: семья; школьное образование; домашнее (семейное) обучение; обучение по индивидуальному плану.

FEATURES OF HOME SCHOOLING IN THE REPUBLIC OF BELARUS

O. G. KSIONDA^a, E. O. KOVTUNENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The paper considers the concepts of home (family) education, the features of its existence in the Republic of Belarus. The problems and features of this type of training are described. The results of interviews with children who study at home on an individual plan and their parents are considered. The analysis of the attitude of parents and children to school education is presented, the values and goals of home schooling are summarised, the motivation for teaching children working according to an individual plan is characterised.

Keywords: family; school education; home (family) education; education according to an individual plan.

Введение

Домашнее обучение стало популярным феноменом в мировом образовательном пространстве XXI в. [1]. Все большее количество семей интересуются и (или) переводят своих детей на такую форму получения образования. Домашнее обучение, или

хоумскулинг (от англ. *homeschooling*), – организация образовательного процесса ребенка в домашних условиях без посещения государственных и частных школ. Оно не всегда релевантно настоящей ситуации обучения, поскольку объединяет ряд других,

Образец цитирования:

Ксёнда ОГ, Ковтуненко ЕО. Особенности домашнего обучения в Республике Беларусь. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;1:67–75.

For citation:

Ksionda OG, Kovtunenکو EO. Features of home schooling in the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;1:67–75. Russian.

Авторы:

Ольга Григорьевна Ксёнда – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук.

Екатерина Олеговна Ковтуненко – студентка факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – О. Г. Ксёнда.

Authors:

Olga G. Ksionda, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.

olgaksionda@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0003-4667-1099>

Ekaterina O. Kovtunenکو, student at the faculty of philosophy and social sciences.

catherine.kkov@gmail.com

смежных с ним понятий, отражающих существование различных форм альтернативного образования.

Понятие «домашнее обучение» включает в себя несколько направлений, среди которых наиболее распространенными являются дескулизация (освобождение от школ) и анскулинг (свободное обучение) [2–6]. В 1970-х гг. австрийский философ и социальный критик И. Иллич определял дескулизацию как гипотетический процесс отказа от обязательного государственного образования [7]. Такое радикальное предложение изменить сложившийся образовательный процесс возникло после проведенных ученым исследований негативного влияния общеобразовательной системы на общество путем формирования удобного для государства человека: безвольного, незаинтересованного и не умеющего мыслить. По мнению И. Иллича, специалистом может быть любой человек, владеющий каким-либо навыком, вне зависимости от того способа, которым эти умения были получены. Предлагалось передать контроль за обучением детей и право осуществлять его по своему усмотрению самой семье.

Американский педагог Дж. Холт ввел неологизм «анскулинг», описывающий занятия, проводимые родителями для своих детей дома в школьные часы [8]. Данный термин был предложен для разграничения образа миниатюрной школы в рамках дома (хоумскулинг) и авторского взгляда на проблематику обучения. Оба понятия (анскулинг и хоумскулинг) для учебного являлись взаимозаменяемыми, однако термин «домашнее обучение» автор использовал для обозначения идеи о том, что можно учиться без посещения школы. Дж. Холт, как и И. Иллич, считал, что школа убивает детское любопытство и интерес и отмечал наличие вредоносного воздействия традиционных школ на психологическое состояние детей. Основная идея анскулинга заключается не только в отмене обязательного образования, но и в отсутствии систематического образования как такового. Акцент делается непосредственно на детских интересах как мотиваторах учебной деятельности.

Близкие понятия «домашнее обучение» и «обучение в домашних условиях» (англ. *schooled at home*) были рассмотрены Д. Бохоном [9]. При домашнем обучении с ребенком дома занимаются родители, они несут ответственность за его образование. При обучении в домашних условиях ребенок не посещает школу, но само обучение осуществляется через заочную интернет-форму получения образования с использованием учебного плана, который предоставляется сертифицированным преподавателем и совпадает с планом учащихся из государственных учреждений образования. Родители выступают в роли наставников и координаторов процесса обу-

чения в домашних условиях. Эта идея является обобщением двух юридически закрепленных форм получения альтернативного образования в Республике Беларусь: дистанционного обучения и обучения по индивидуальному плану. Последний устанавливает «особенности получения общего среднего образования одаренными и талантливыми учащимися, а также учащимися, которые по уважительным причинам не могут постоянно или временно посещать учебные занятия и (или) проходить в установленные сроки аттестацию» (ст. 167 Кодекса об образовании Республики Беларусь, далее – Кодекс)¹.

Сегодня в Кодексе нет отдельной статьи, посвященной домашнему обучению, есть лишь обобщенные положения. Однако на их основании невозможно четко понять, каким образом осуществляется данный учебный процесс. Так, в п. 17 ст. 158 Кодекса указывается, что окончательное решение о переводе ребенка на обучение по индивидуальному плану принимается на основании решения руководителя образовательного учреждения, который не всегда готов пойти на сотрудничество с родителями в этом вопросе.

Тем не менее существует множество групп, объединяющих родителей, которые интересуются тематикой домашнего обучения. В данных сообществах люди делятся опытом, оказывают информационную и психологическую поддержку семьям, желающим перевести детей на обучение по индивидуальному плану, организуют очные встречи, семинары и развивающие мастер-классы. Одним из крупнейших белорусских сообществ такого рода является содружество «Семейное образование» под руководством Вероники Михалко [10].

Обучение по индивидуальному плану основывается на учебных планах и программах государственных учреждений образования. Дети, обучающиеся дома, как и дети, посещающие школы, получают образование согласно общеобразовательной программе: осваивают одинаковые предметы и имеют доступ к одной и той же учебной литературе, они закреплены за определенным классом, при желании имеют право посещать школьные занятия, а также обязуются периодически выполнять контрольные задания и проходить аттестацию. В данном случае индивидуальным в отношении ребенка является, скорее, план (форма и сроки) сдачи испытаний, нежели организация самого процесса получения знаний. Это дает некоторую свободу школьникам в распределении своего времени и составлении удобного расписания занятий и отдыха, что формирует у них прогностические умения, способствующие становлению такого личностного качества, как учебная самостоятельность [11].

¹Кодекс Республики Беларусь об образовании : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. : в ред. законов Респ. Беларусь от 13 дек. 2011 г. № 325-З, от 26 мая 2012 г. № 376-З. Минск : Нац. центр правовой информ., 2016. 400 с.

Надомное обучение, в отличие от домашнего, представляет собой процесс получения образования детьми, которые временно или постоянно не могут посещать учреждения образования по медицинским показаниям. В данном случае, согласно общепринятой программе среднего образования, процесс обучения осуществляется дома у ребенка учителями школы, за которой он закреплен.

Наряду с термином «домашнее обучение» используется понятие «семейное образование». Они в равной степени обобщенно описывают феномен, отражающий непосещение школ детьми, что обычно происходит из-за убеждений их родителей [12]. Однако в России, в отличие от Беларуси, термин «семейное образование» является закрепленной на государственном уровне формой обучения и определяется как способ организации целенаправленного процесса получения образования в семье, осуществляемый родителями в соответствии с государственными образовательными стандартами, с периодической аттестацией по результатам обучения [13]. Семейное образование в большей степени, чем домашнее, характеризует процесс обучения вне государственных учреждений. Домашнее образование, скорее, соотносится с местом (домом), а определение «семейное» отсылает к цели обучения (родители (семья) устанавливают границы и горизонт образовательного пространства своего ребенка) [1]. Таким образом, понятие семейного обучения отражает мировоззренческую позицию родителей относительно образования своих детей. Тем не менее термины «домашнее обучение» и «семейное образование» сегодня являются синонимичными в русскоязычной литературе, но понятие «домашнее обучение» активно используется как перевод распространенного в зарубежных источниках термина *homeschooling*.

Выбор родителями альтернативного способа получения образования является предметом дискуссии о возможных негативных сторонах хоумскулинга. Представление о будущей неприспособленности детей к жизни в обществе относится к одной из самых часто озвучиваемых при обсуждении вопросов о домашнем обучении. В данном случае неверно говорить об отсутствии общения у детей, ведь процесс усвоения социальных норм, культурных ценностей и образцов поведения, позволяющий индивиду функционировать в обществе, зависит от множества факторов, а не только от среды, в которой будет обучаться ребенок (в традиционной форме представленной институтом школы). В этом отношении родители могут выбрать образовательную среду для своего ребенка, а не просто погрузить его в самое близкое окружение. Стоит отметить, что, в отличие от детей, посещающих школы, в круг общения хоумскулеров входят дети различных возрастов. Это способствует формированию умения общаться с разными людьми, а не только со сверстниками в искусствен-

но сформированной группе. Родители, обеспечивающие детям домашнее образование, ставят целью реализовать их вертикальную социализацию, направленную на приобретение ответственности и зрелости. В семейном образовании кружки, секции (то, что традиционно называется дополнительным образованием) практически становятся основными занятиями ребенка и насыщают его жизнь общением, которое реализуется по его выбору в соответствии с интересами и увлечениями.

В результате проведенных в России исследований были выявлены причины перехода на домашнее обучение, не относящиеся к проблемам со здоровьем детей: потеря мотивации к обучению у ребенка, сложности в обучении в школе, связанные с коммуникацией (трудности во взаимодействии с одноклассниками, учителями и администрацией школы), или укрепление внутрисемейных связей – 38 %; неудовлетворенность непосредственно образованием (школа нерационально расходует время на изучение предметов, не обеспечивает детям возможность получить достаточно качественное образование) – 52 % [12].

По данным исследования, также проведенного в России, многие родители (законные представители) объясняют свой выбор в пользу формы семейного образования стремлением изучать образовательную программу в комфортной самостоятельно программируемой среде, возможностью обратиться к широкому кругу специалистов обучения (педагоги-тьюторы), реализацией и развитием их самих как педагогов [14].

Среди причин выбора домашнего обучения Д. А. Савчик выделяет также факторы «от» и «к» [15]. К первой категории «от» относится желание уберечь детей от негативного внешнего воздействия (например, унижения, травли), того, что может нанести вред психике, физическому здоровью ребенка, а также его семье. Глобальное гуманистическое значение имеет причина «к», на ее основании выявляются способности и развивается потенциал ребенка. Кроме того, дети ограничены в своем выборе по сравнению со взрослыми, которые берут ответственность на себя, понимают дальнейшую перспективу в трудных рабочих и жизненных ситуациях. Поскольку дети не могут не учиться, то остается лишь определить, в какой форме и с какими вызовами они будут получать образование. Также упоминаются стереотипные убеждения, изменить которые хотели бы многие взрослые. Прежде всего это касается стиля жизни *все как у всех*: обязательная школа (где оценки – объективный показатель знаний), вуз (поскольку успешность в будущем определяется наличием высшего образования), работа (со стандартным графиком: с 9:00 до 17:00) и пр. Семейное образование дает возможность существенно изменить образ жизни семьи и ребенка.

Несмотря на наличие множества форм получения альтернативного образования, которые связаны

со смещением фокуса всей ответственности и управления процессами обучения и воспитания с внешних институций на семью, в реалиях Республики Беларусь проблемы домашнего обучения поднимаются, но актуальных исследований белорусских семей, в которых

дети получают такое образование, сегодня нет. Это стало основанием для анализа отношения родителей и детей к обучению в целом, а также к школьному и семейному образованию. Также были выявлены основные учебные мотивы детей и их отношение к учению.

Материалы и методы исследования

В Республике Беларусь есть небольшое число семей, в которых дети обучаются по индивидуальному плану. По разным причинам многие из них с трудом идут на контакт, поэтому в исследовании приняли участие родители и дети из четырех семей (матери в возрасте от 41 до 45 лет и их дети в возрасте от 12 до 16 лет). Малое количество выборки обосновывается спецификой темы семейного образования, которое в Беларуси развито не на таком уровне, чтобы говорить об общей осведомленности населения о данном феномене. Семьи, выбравшие домашнее обучение, регулярно сталкиваются с непониманием и неодобрением, испытывают давление со стороны государственных структур. Все существующие на данный момент группы и сообщества родителей, обучающихся детей в семье, созданы в целях взаимоподдержки и увеличения просвещенности о такой форме получения образования.

Ввиду отсутствия в Беларуси научных данных по всем аспектам семейного образования анализ каждого конкретного случая может служить основой для дальнейшего изучения, а также способствовать выявлению соответствующих феноменов.

В качестве главного метода исследования было выбрано полуструктурированное интервью, позволяющее получать информацию по четко определенным темам, но оставляющее пространство и для

появления нового вектора разговора в отношении респондентов. Текст интервью транскрибировался и обрабатывался посредством качественного анализа, который проходил следующие этапы: определялись единицы анализа (предложения и их части, слова респондентов), выделялись, обобщались, трактовались полученные категории; создавалась общая категориальная система и осуществлялась ее интерпретация, на основе которой делались выводы по всем интервью.

Родителям в процессе интервью задавались вопросы о причинах перехода на домашнее обучение, его конкретных задачах, целях воспитания в семье, образовательной и воспитательной способности школы.

С детьми обсуждались вопросы о том, каким образом они понимают, что хотят учиться, ходили ли они в школу, желали ли в ней учиться, какие предметы являются любимыми и нелюбимыми, есть ли хобби. Поощрялось свободное высказывание своих мыслей по поводу домашнего обучения.

По результатам обработки данных были выделены следующие категории у взрослых: образ школы и отношение к ней, домашнее обучение (видение, ценности, организация, общение с детьми); у детей: организация учения, учебные мотивы и внеучебная активность.

Результаты и их обсуждение

Качественный анализ показал, что взгляды родителей, выбравших домашнее обучение для своих детей, совпадают.

Образ школы и отношение к ней. К сожалению, к школе родители относятся в основном непозитивно. Они понимают ее образовательные возможности, но не видят их грамотного применения, а также не принимают ее воспитательного воздействия на детей. Родители говорят о школьной чрезмерно бюрократизированной системе, очерчивают проблемы, связанные с отсутствием индивидуального подхода к ученику, а также о «размывании» ответственности, характерном для школьной системы. Ниже приведены примеры высказываний родителей.

Семья 1. *Было всегда ощущение того, что вот эта система – она не та, что нужно маленьким детям; ...Вот эта современная школьная система, которая есть сейчас... не отвечает потребностям гармоничного развития ребенка и образования в том числе;*

...Есть функция образовательная, вот школа и должна заниматься образовательной функцией... школа вообще не должна воспитывать; Кодекс об образовании декларирует индивидуальный подход в зависимости от потребностей и способностей учащегося. Вы же понимаете, что при большом количестве детей это никак не реально осуществить. Никак. И все эти планы, мероприятия – они пишутся сверху абсолютно шаблонно, штампованно. И никому не интересны все эти походы в музеи и прочее. Все что-то пишется. Это пишется мероприятие ради мероприятия. То есть дети ради мероприятий, а не мероприятия ради детей.

Семья 2. *Даже школа ничего не может гарантировать. Даже если ребенок будет ходить в самую лучшую гимназию, тоже это ничего не гарантирует. Будет ли там хороший климат для ребенка? Неизвестно. Точно ли он куда-то поступит? Также не гарантировано.*

Семья 3. *Мы попадаем в общество случайных людей, ты просто должен этих случайных людей принять*

как факт; К сожалению, вся наша система образования – она в принципе не о человеке; ...Такая, какая она сейчас, – это конвейер, который формирует бездарностей. То есть мне нужно убедить тебя, что ты бездарность. Потому что если наоборот, то мне с тобой будет сложно; ...У них нет целей воспитывать, нет у них целей помочь личности; ...То, во что школа превратилась, – это не лучшее место для формирования характера; Существующая система образования отвратительна; В общей массе это просто кошмар – то, что происходит; Качество преподавателей очень низкое; Сама система выживает нормальных преподавателей; Умение продать себя, защищать свои интересы – у нас это считается как какая-то ложная скромность, типа «не выпендривайся».

Семья 4. Попытки воспитательного воздействия могут быть только негативны на данный момент; Социализация там ограничена, и отношения там ограничены; Ты постоянно находишься в каких-то необязательных, неблизких отношениях. И вот когда ты десять лет в такой среде учишься, приспособляешься, то какие ты можешь создавать потом отношения? Если ты в школу отдаешь ребенка, то это вмешательство в твою жизнь всей этой системы, и причем достаточно грубое; Почему я сама школу не люблю: ты тоже становишься объектом воздействия. Тебе говорят: «Делай так, ты должен то, ты должен это»; ...Много было всяких мелких вещей, из-за которых я не чувствовала, что мой ребенок в школе в безопасности, чисто в эмоциональном плане, да и вообще; Учитель совершенно без уважения относилась к другим занятиям; Выбор не в пользу школы, потому что еще и мне неприятно, что семья не является в школе чем-то таким, к чему относятся с уважением; ...Если школа и может что-то сделать, то это чисто учить, школа готовит вот на таком уровне. А в принципе нужно вот так, чтобы человек был немножко больше защищен; То есть сейчас даже к требованиям времени она не приспособлена; ...Не очень удобная, непрактичная ситуация, когда школьные предметы почти никак не пересекаются с его [ребенка] интересами.

Анализ высказываний родителей показывает, что система образования представляется им конвейером по «формированию бездарностей», где к ученикам относятся как к тем, кто должен подчиниться. Школа мало стимулирует к получению знаний, почти не пытается заинтересовать учащихся, часто прибегает к принуждению, отличается низким качеством преподавания, осуществляемого работниками системы. Несмотря на объективную легкость школьной программы, она представляется сложной из-за того, что у учеников существует множество накапливающихся пробелов в знаниях, что является результатом работы системы. Учебные материалы структурированы некачественно, имеют ошибки.

Система социальных связей представлена случайными людьми, общения с которыми невозможно избежать. Школа представляется не лучшим местом для формирования характера, не помогает человеку узнать себя и раскрыться, а является тем, что мешает на пути становления, формирует комплексы и страхи. На данный момент любые воспитательные инициативы в школе имеют негативные последствия. Школьная социализация ограничена, составлена неблизкими и необязательными отношениями, что приводит к воссозданию таких же отношений с людьми в будущем. Школа имеет тенденцию воспитывать и родителей, которые тоже становятся объектом воздействия, что воспринимается как грубое вмешательство в свободный режим жизнедеятельности семьи. Работники школьной системы не уважают институт семьи и ее выбор, не могут обеспечить эмоциональную безопасность детей. Итогом школьного воспитания становится неопределенность перед будущим, тревожность, неспособность к самостоятельности, отсутствие самоопределения и уверенности в себе.

Эти убеждения родители транслируют детям, которые также отмечают недостатки школьного обучения.

Все дети-респонденты имели опыт посещения школьных занятий, однако не обучались в школе полноценно на постоянной основе, в настоящее время периодически являются туда, чтобы пройти аттестацию. Их высказывания менее категоричны, однако также отличаются негативной окраской.

Семья 1. ...Удивило то, что у одного мальчика было как-то очень туго с учебой, с этими всеми предметами...

Семья 2. ...Поражался вот просто наглостью школьников, когда учитель прямо вот идет к доске, прямо за его спиной они телефон достают и что-то за эти пару секунд успевают сделать, и только она поворачивается, его обратно прячут. И вот как, как, как у них на это смелости хватает?

Семья 3. ...Очень некачественно написаны учебники... Сложно общаться с педагогами, например, я считаю, что учителя не могут говорить, что «дети должны [что-то знать, уметь]», ведь нельзя всех объединить в один круг, всем интересно разное...

Семья 4. На тебя смотрят не как на человека, а как на машину, которая должна четко отыграть поставленную тебе задачу; Удивило сложившееся отношение между учениками и учителем, что это такая вечная война. Ученики не хотят учиться, учителя хотят быстро донести информацию, чтобы просто ученики сдали на хорошую отметку. Была учительница физики, с которой было довольно неприятное общение. У нее урок проходил так, что тот, который выходит к доске, потом уходит с плачем. То есть для меня это было довольно так...; ...Мне не нравится просто, как учебник подает информацию... составлены не очень понятным образом.

По мнению родителей, именно названные характеристики школьного образования привели их к выбору домашнего обучения. Взрослые полагают, что школа формирует безответственность, несамостоятельность, неконкурентоспособность, неспособность критически мыслить, т. е. такие черты, вследствие которых невозможно реализовать свой потенциал. В результате у человека формируется набор комплексов, препятствующих ему счастливо жить и осуществлять свою деятельность. Совсем другой фундамент закладывает в ребенка воспитание в семье, главной целью которого является нахождение сильных сторон ребенка и помощь в их раскрытии. Большую роль играет та модель, которая находится перед глазами ребенка.

Домашнее обучение. В интервью родители много говорили о тех целях, которые они видят в домашнем воспитании, и ценностях, важных для будущей жизни ребенка. Они отмечали такие категории, как свобода, активность, самостоятельность, ответственность, при этом подчеркивали, что школа не способна их развить.

Ниже приведены высказывания родителей.

Семья 1. ...Хочу, чтобы мои дети выросли взрослыми, самостоятельными, устойчивыми. Чтобы они знали, чего они хотят, умели этого достигать, вот. Чтобы они опирались на себя... Не ждали, что им что-то должно государство, что где-то им кто-то что-то обязан, должен. ...Чтобы они знали, что, если они поставили себе цель, они могут ее достичь. Не чувствовали, что «нет, этого я не могу себе позволить; нет, это не для меня, этот мир не для меня», все время ограничения, «я хожу все время только в строгих рамках», «нет, туда я не могу: мне нельзя, мне не разрешили» и так далее; С высокой моралью... не брать чужое, не оговаривать, не участвовать в сомнительных мероприятиях, если ты чувствуешь, что это сомнительное мероприятие.

Семья 2. Мы вместе должны быть: и школа, и семья. Мы ориентируемся на одно – воспитать гражданина достойного, который в дальнейшем будет зарабатывать и платить налоги для государства, а в семье тоже будет обеспечивать своих родителей, себя и свою семью; Воспитать достойного гражданина, который бы работал, платил налоги, был законопослушным, ходил бы на работу, приносил бы государству прибыль. В семье тоже такие же цели: воспитать счастливого человека, порядочного, хорошего, который мог бы сам себя обеспечивать и обеспечивать в будущем свою семью и помогать своим родителям; Главное, чтобы честно, порядочно, добросовестно занимались, все учили; Много из того, что в школе необходимо, нам здесь в семье не нужно: подглядывать, хитрить. Мы не обучаем этому детей. А между тем в школе без этого невозможно.

Семья 3. Однозначно в семье, в которой ребенка любят, он получает немножко другой... фундамент;

Что мы имеем как цель – это помочь ей найти свои сильные стороны. И взращивать их, поливать, чтобы они начали приносить плоды; Для меня огромной ценностью является ответственность. В школе это антиценность. В школе формируется ценность юлить, выкручиваться, прятать; Порядочность, соблюдение договоренности любой ценой... не вижу этой ценности в школе; Косность мышления – это запрещено! Это черта характера, которая тебе в жизни будет только вредить; Критическое мышление для нас в семье – это огромнейшая ценность.

Семья 4. ...Будут цениться какие-то такие нестандартные решения, творческий подход, чтобы ты сам хотел развиваться, чтобы ты сам что-то искал. Никому не интересно вот это: «Я тебе дал задание, ты его сделал, как в школе, и сдал». Тогда все совсем по-другому устроено: у тебя есть цель, она тебе близка, ты действуешь ради этой цели. Под свою цель ты подстраиваешь жизнь свою.

Итак, родители убеждены в том, что школа не только дает лишнее, но и часто не развивает положительное. Из-за расплывчатости стратегий по достижению целей школьная система не способна сформировать позитивные черты, которые должны были бы приобрести дети в процессе обучения в школе. Кроме того, взрослые видят несоответствие между заявляемыми ценностями и реалиями жизни.

Данный фактор обусловил выбор родителей в пользу семейного образования для детей. Возможность индивидуального подхода начинается с организации учения, которое не столько «управляется» родителем, сколько является совместной учебной деятельностью ребенка и взрослого или выбором самого ребенка (особенно в старшем возрасте). В интервью и взрослые, и дети самостоятельность отмечали как ценное качество. Такая же позиция просматривается в мотивации и организации учения и внеучебной деятельности.

Ответы детей, полученные в ходе исследования, распределены по следующим категориям: организация учения, учебные мотивы, внеучебная активность.

Организация учения. В данную категорию включены высказывания детей, в которых описываются режим обучения, выбранный родителями и ребенком для освоения учебной программы.

Семья 1. Обычно мы как-то рано встаем и начинаем заниматься. Потом, после занятий основных, я обычно делаю или литературу, или историю, или «Человек и мир» читаю – что-нибудь такое. Потом можно почитать просто книжку. Допустим, сходить поиграть на улицу с малышами. Потом вечером, уже в 6 часов, мы занимаемся немецким, где-то час примерно. А потом уже вечером можно на улицу сходить погулять или почитать книжку, чем-нибудь вместе

заняться, попить чай – ну, по-разному; Ну, вот мы очень часто смотрим по истории всякие темы, когда делаем уроки. Там гораздо больше всего, чем по учебникам. Еще у нас было много разных учебников, не чисто то, что в школе, а там всякие другие, в которых очень много всего; Потом всяких много разных книжек вместе читаем...

Семья 2. Да, конечно, есть план. График каждый день в одном порядке; Я обычно просыпаюсь где-то в 8 часов утра и сразу начинаю делать какие-то вот... упражнения тренировочные по математике. Дальше я уже занимаюсь серьезной математикой. Потом – русский, белорусский. Русский и белорусский мы не делаем, я не делаю в один день, у меня есть какие-то дни чисто для русского, другие дни – чисто для белорусского, чтобы у меня не путалось. Потом я делаю иностранный язык.

Семья 3. Занимаемся в принципе не по расписанию, а когда будет время; ... Когда едем на тренировку с папой читаем обычно историю; [Занятия английским по оксфордским учебникам] – это дополнительно; ...Если есть у нас время между тренировками, значит, надо его каким-то образом использовать; ...Если надо, то я могу сесть и поучиться.

Семья 4. Единственное, что, возможно, мне бы было полезно в школе (то, что я маме часто говорю)... когда ты ходишь в школу, ты привыкаешь к распорядку, ты привыкаешь делать все относительно какого-то графика; У меня сфера довольно творческая и гибкая, которая в школе не встречается; ...У меня систематизация четкой не получается, когда я не вижу перед собой какой-то цели; Если я к чему-то подготавливаюсь, то я сижу, может, день, может, два и полностью погружаюсь в этот предмет; ...Ищу информацию самостоятельно из-за того, что учебники для меня составлены не очень понятным образом; Для меня удобнее просто посмотреть программу, а потом самостоятельно искать, где это можно почерпнуть.

Учебные мотивы. Эта категория объединяет высказывания школьников, содержащие фразы, которые отражают основные мотивы учения ребенка (познавательные и социальные).

Семья 1. ...Я знаю, что нужно взять сделать, чтобы не отставать; ...Чтобы успеть до сдачи; ...Чтобы быть умной; получить хорошую работу.

Семья 2. Ты должен, ты обязан выучить все темы, все параграфы, не знаешь, что попадет на проверку; Есть материал – ты готовишься. Все. Спокойно так. На оценки мы не ориентируемся; В школе легче учиться... Там можно сачкануть, там можно пообщаться. Здесь же не сачканешь – раз надо учиться, значит, ты сидишь и учишь; Ну, потому что это как бы важно... Ну, для моего будущего; Если у тебя получено образование, то тебе легче потом на работу устраиваться, это доступ. Больше дверей открывается.

Семья 3. ...Если я не выучу, то, во-первых, я не смогу сдать, а, соответственно, это дальше, дальше, дальше, дальше... При неуспеваемости будут иметь право забрать с домашнего обучения, то есть обязать ходить в школу; Это нужно для того, чтобы сдать, чтобы получить оценку; Я решила, что мне нужно их сдать, но поскольку мне это не очень интересно, то просто для галочки; Проблема в том, что это [пример школьной литературы] я прочитала с удовольствием, а «NNN» я прочитала, потому что было надо. В итоге ты не находишь для себя того, чего нужно было, потому что ты читаешь по принуждению; ...Могу открыть любой учебник и прочитать то, что там надо; По техническим предметам, это я для себя решила, мне нужны девятки. Просто потому, что я так для себя решила, мне так надо.

Семья 4. Я пытаюсь к таким предметам, ко всей программе как бы осознанно подходить, и даже если интересы не совпадают с предметами; Когда ты учишь что-то и в чем-то разбираешься – ты учишься быстрее разбираться в чем-то. Это такой навык, который ты прокачиваешь; Я чувствовал, что я становлюсь умнее, узнаю для себя что-то новое. Самое важное в учебе – быть заинтересованным и иметь понимание предмета, потому что это интересно, во всяком случае, для общего развития моего; Закрепи и запомни – потом понадобится; ...Раскрывай себя и какие-то твои возможности в рамках идеи. Мне точно надо будет не опозориться перед учителем, к которому я приду, он выделит мне свое время.

Внеучебная активность. В данной категории выделены фразы, отражающие интересы ребенка, которые находят свое воплощение в разных видах активности, не связанной с обучением.

Семья 2. Мне вообще нравится участвовать в разных конкурсах, соревнованиях. Мне нравится помериться силой, проверить себя; Как ты уже выходишь на финальную прямую. И вот тогда начинается радость; Я люблю что-то там чертить, проектировать, рисовать. Вот это я люблю.

Семья 3. Я попробую это описать: мы собираемся каким-то определенным кругом людей, мы придумываем себе персонажей, за которых мы будем играть. Дальше это напоминает написание книги, то есть ты пишешь полноценный текст за своего персонажа от третьего лица. Его действия, мысли, эмоции, слова, разумеется; Я два месяца работала с девочкой репетитором по английскому. Мне это было достаточно интересно. Было неожиданностью, что я могу так. Своеобразная гордость; Я очень люблю читать, очень! Ну, и в принципе я немного пишу стихи; Первые победы – это было вообще. Это было просто что-то с чем-то: у меня был шок – у нас даже фотография есть с того времени – у меня глаза как ненормальные; Я точно помню, я папе говорила тогда: «Ну, второе

место – это тоже очень хорошо! И потом я выхожу, выигрываю первый сет – 6:4, а второй выигрываю – 6:0. ...И это было просто каким-то... Я была настолько счастлива...

Семья 4. Мне интересно творчество, звукорежиссура, саунд-дизайн, написание музыки; Физика мне, к примеру, довольно полезна. Ну, это просто у меня... Я в области музыки сейчас разбираюсь; Я смотрю информацию, которая мне пригодится для работы; ...Везде было интересно, везде я ездил; ...Данные из школьной программы, которые мне необходимы... с курсами это связано или с моими занятиями музыкальными.

Отметим, что все подростки настроены на учение позитивно, понимают его значение в жизни, поэто-

му учатся осознанно. В их ответах присутствует категория долженствования. Дети считают, что обязательно следует изучать те школьные предметы, по которым нужно проходить аттестацию. Вместе с тем подростки отмечают, что есть неинтересные для них предметы, задания, занятия, но понимают необходимость их выполнения, поэтому часто делают их без желания (так же, как и школьники), чтобы сдать на удовлетворительно и остаться на домашнем обучении. У всех респондентов есть ряд дополнительных занятий (изучение иностранного языка, спортивные секции, музыкальные школы, хобби), которые они не считают необязательными, а ставят в один ряд со школьными предметами, четко определяют их важность для собственной жизни.

Заключение

Проведенное исследование очертило круг проблем домашнего обучения.

1. Причиной перевода детей на домашнее обучение стала демотивация учения, возникшая в результате школьного обучения. По этой проблеме мнения родителей совпадали. В целом у детей и родителей отмечается общая неудовлетворенность школьным обучением. Возможно, такую фиксацию на отрицательных моментах школьного образования у родителей вызвал негативный опыт взаимодействия с системой образования и ее административными работниками. Безусловно, школьная система имеет ряд недостатков, о демотивации учения школьников написано огромное количество работ. Вместе с тем в организации школьной жизни есть определенные преимущества: социальная вовлеченность, возможность находиться в различных психологических ситуациях, необходимых для будущей жизни, некоторый формализм и бюрократизм, понимание и проживание которого также нужно для развития человека и адаптации в обществе.

2. Опыт собственного семейного обучения позволил родителям выкристаллизовать определенные ценности и цели обучения дома, которые основаны на развитии личности ребенка, осознанности его выбора и активной деятельности, ответственности и самостоятельности. Именно они делают домашнее обучение привлекательной образовательной альтернативой.

3. Преобладающими выступают познавательные мотивы учения. Испытуемые называли интерес к теме одной из первых причин занятия учебной деятельностью в отношении любимых предметов. Учебный интерес проявлялся одновременно как широкий (стремление быть умным) и узкий мотив (внимание к конкретному предмету учения). Явный мотив самосовершенствования без сильной связи с мотивом достижения был выявлен у самого старшего респондента (семья 4, юноша 16 лет). У него же наблюдается наиболее развитая и разнообразная система учебных мотивов, что связано с наличием большого опыта (по сравнению с другими испытуемыми) в реализации учебной деятельности, с помощью которого юноша смог самостоятельно выстроить систему обучения. Социальные учебные мотивы у всех детей представлены в меньшей степени, чем у этого юноши. Однако ориентированность на социальные взаимодействия наблюдается у всех: у двух респондентов (с небольшим числом социальных контактов) присутствует стремление соревноваться с ровесниками, еще двое участников (с достаточным количеством общественных связей) хотят достичь большего самоопределения в системе взаимоотношений с людьми.

Полученные данные – это основа для дальнейших исследований феномена домашнего образования в Беларуси.

Библиографические ссылки

1. Краснова ТИ. Семейное образование – чудесная и замечательная возможность выбора для родителей. *Диалог*. 2018;3:42–56.
2. Кошкинко ИВ, Покровская ЛИ. Основные направления домашнего обучения за рубежом: генезис и типология. *Знание. Понимание. Умение*. 2016;4:213–219. DOI: 10.17805/zpu.2016.4.18.
3. Harding T, Farrell A. Home schooling and legislated education. *Australia and New Zealand Journal of Law and Education*. 2003;8(2):125–133.
4. Lyman I. Homeschooling: back to the future? *Policy Analysis* [Internet]. 1998 January 7 [cited 2020 September 9];294. Available from: <https://www.cato.org/sites/cato.org/files/pubs/pdf/pa-294.pdf>.

5. Neuman A, Aviram A. Home schooling as a fundamental change in lifestyle. *Evaluation and Research in Education*. 2003;17(2–3):132–143. DOI: 10.1080/09500790308668297.
6. Cheng A, Tuchman S, Wolf PJ. Homeschool parents and satisfaction with special education services. *Journal of School Choice*. 2016;10(3):381–398. DOI: 10.1080/15582159.2016.1202076.
7. Иллич И. *Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир*. Москва: Просвещение; 2006. 160 с.
8. Farenga P. John Holt and the origins of contemporary homeschooling. *Paths of Learning: Options for Families & Communities*. 1999;1(1):8–13.
9. Bohon D. School at home or homeschooling? *New American* [Internet]. 2012 August 7 [cited 2020 September 15]. Available from: <https://thenewamerican.com/school-at-home-or-homeschooling/>.
10. Михалко В. *Семейное образование в Беларуси*. Минск: Михалко; 2015. 75 с.
11. Косикова СВ. О сущности учебной самостоятельности школьников и уровнях ее развития. *Проблемы современного образования*. 2018;4:143–150.
12. Поливанова КН, Любичкая КА. Семейное образование в России и за рубежом. *Современная зарубежная психология*. 2017;6(2):72–80. DOI: 10.17759/jmfp.2017060208.
13. Зайцева ОВ. Социализация личности ребенка в условиях семейного образования. *Педагогическое образование в России*. 2015;6:159–162.
14. Борт ОН. Об особенностях выбора семейного образования родителями (законными представителями) в области получения альтернативного образования. В: Халиков АР, редактор. *Перспективы развития науки в современном мире. Материалы IV Международной научно-практической конференции; 14 декабря 2017 г.; Санкт-Петербург, Россия. Часть 3*. Уфа: Дендра; 2017. с. 29–37.
15. Савчик ДА. От школьного образования к семейному. Дескулинг. *Диалог*. 2019;1:37–49.

References

1. Krasnova TI. [Family education is a wonderful and wonderful opportunity for parents to choose]. *Dialog*. 2018;3:42–56. Russian.
2. Koshchienko IV, Pokrovskaya LI. Homeschooling outside Russia: genesis and typology. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2016;4:213–219. DOI: 10.17805/zpu.2016.4.18. Russian.
3. Harding T, Farrell A. Home schooling and legislated education. *Australia and New Zealand Journal of Law and Education*. 2003;8(2):125–133.
4. Lyman I. Homeschooling: back to the future? *Policy Analysis* [Internet]. 1998 January 7 [cited 2020 September 9];294. Available from: <https://www.cato.org/sites/cato.org/files/pubs/pdf/pa-294.pdf>.
5. Neuman A, Aviram A. Home schooling as a fundamental change in lifestyle. *Evaluation and Research in Education*. 2003;17(2–3):132–143. DOI: 10.1080/09500790308668297.
6. Cheng A, Tuchman S, Wolf PJ. Homeschool parents and satisfaction with special education services. *Journal of School Choice*. 2016;10(3):381–398. DOI: 10.1080/15582159.2016.1202076.
7. Illich I. *Osvobozhdenie ot shkol. Proportional'nost' i sovremennyy mir* [Exemption from schools. Proportionality and the modern world]. Moscow: Prosveshchenie; 2006. 160 p. Russian.
8. Farenga P. John Holt and the origins of contemporary homeschooling. *Paths of Learning: Options for Families & Communities*. 1999;1(1):8–13.
9. Bohon D. School at home or homeschooling? *New American* [Internet]. 2012 August 7 [cited 2020 September 15]. Available from: <https://thenewamerican.com/school-at-home-or-homeschooling/>.
10. Mikhalko V. *Semeinoe obrazovanie v Belarusi* [Family education in Belarus]. Minsk: Mikhalko; 2015. 75 p. Russian.
11. Kosikova SV. On the issue of the essence of the pupils' educational independence and levels of its development. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 2018;4:143–150. Russian.
12. Polivanova KN, Lyubitskaya KA. Homeschooling in Russia and abroad. *Journal of Modern Foreign Psychology*. 2017;6(2):72–80. DOI: 10.17759/jmfp.2017060208. Russian.
13. Zaitseva OV. Socialization of the child's personality in family education. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2015;6:159–162. Russian.
14. Bort ON. [About the features of the choice of family education by parents (legal representatives) in the field of alternative education]. In: Khalikov AR, editor. *Perspektivy razvitiya nauki v sovremennom mire. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 14 dekabrya 2017 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya. Chast' 3* [Prospects for the development of science in the modern world. Materials of the 4th International Scientific and Practical Conference; 2017 December 14; Saint Petersburg, Russia. Part 3]. Ufa: Dendra; 2017. p. 29–37. Russian.
15. Savchik DA. [From school to family. Deschooling]. *Dialog*. 2019;1:37–49. Russian.

Статья поступила в редакцию 03.06.2020.
Received by editorial board 03.06.2020.

УДК 159.9

ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛИЯНИЯ ИНТЕРНЕТА НА СОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В. И. СЕМАК¹⁾

¹⁾Военная академия Республики Беларусь,
пр. Независимости, 220, 220057, г. Минск, Беларусь

Представлен обзор исследований по проблеме влияния интернет-технологий на сознание личности и общества в странах постсоветского пространства. Проанализированы результаты научной деятельности ученых в данном направлении. Раскрыты отдельные особенности и последствия использования интернет-ресурсов. Акцентируется внимание на амбивалентности научных данных.

Ключевые слова: интернет; информационно-коммуникационные технологии; интернет-ресурсы; сознание личности; влияние; исследование.

THE RESEARCHES OF THE INFLUENCE OF THE INTERNET ON THE CONSCIOUSNESS OF THE PERSONALITY IN THE POST-SOVIET COUNTRIES

V. I. SEMAK^a

^aMilitary Academy of the Republic of Belarus,
220 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220057, Belarus

A review of the researches of the influence of the Internet technologies on the consciousness of the personality and society in the post-Soviet countries is presented. The analysis of the results of the scientific activity of the scientists in this direction. Some investigated aspects, features and consequences of the use of the online resources are revealed. Attention is focused on the ambivalence of the scientific data.

Keywords: Internet; information and communication technologies; online resources; consciousness of personality; influence; research.

Условия информационного общества, при которых значительно возросли темпы и объемы информационных потоков, непропорциональность количества информации и времени, необходимого для ее обработки [1, с. 271], не освобождают современного человека от ответственности за результаты труда, не лишают его желания везде успевать и поэтому вы-

двигают соответствующие требования к организации жизнедеятельности. При этом важно заметить, что данные условия предоставляют также средства и широкие возможности для достижения поставленных целей.

Интернет – «развернутый технологический инструмент»¹ [2, р. 404], и интегрированные с ним мно-

¹Здесь и далее перевод наш. – В. С.

Образец цитирования:

Семак В.И. Исследования влияния интернета на сознание личности в странах постсоветского пространства. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;1:76–86.

For citation:

Semak V. I. The researches of the influence of the Internet on the consciousness of the personality in the post-Soviet countries. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;1:76–86. Russian.

Автор:

Вадим Иванович Семак – адъюнкт кафедры идеологической работы и социальных наук. Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент А. Г. Тицкий.

Author:

Vadzim I. Semak, adjunct at the department of ideological work and social sciences.
sotnik-1@mail.ru

гочисленные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), такие как, например, социальные сети, мессенджеры и др., обеспечивают доступность и легкость получения, обработки и передачи разнообразной информации, освобождают пользователей от рутинных операций, экономят время для реализации творческих возможностей. Так, интернет и ИКТ в настоящее время призваны обеспечить нормальное развитие и существование человека.

Вместе с тем недооценка технического потенциала и злоупотребление возможностями информационного прогресса способны привести к деструктивным последствиям как для отдельной личности, так и для общества в целом. При этом результаты чрезмерного использования ИКТ у каждого человека проявляются по-разному в зависимости от его индивидуальных психологических и психофизиологических особенностей, социального опыта, системы ценностей и убеждений.

Именно поэтому ученые всего мира исследуют феномены, возникающие в связи с широким использованием населением различных интернет-ресурсов. Наряду с трансформациями, происходящими в политической, экономической, финансовой и других сферах жизнедеятельности общества, особый интерес вызывают изменения в сознании личности, общественном сознании, ввиду чего множество научных работ и публикаций посвящены исследованию последствий включения в киберпространство и поглощенности индивидов в виртуальную реальность. Актуальными являются проблемы отчуждения личности от общества вплоть до проявления эскапизма, формирования клипового мышления, деструктивных моделей поведения, интернет-зависимости и профилактики связанной с ней психосоциальной депривации личности. Исследуются также деструктивные процессы в эмоциональной сфере как следствие информационных перегрузок личности и психофизиологические нарушения, обусловленные чрезмерным или неумелым использованием ИКТ (техностресс) и др.

Проблема влияния интернета на современного человека, различные процессы и явления в обществе носят междисциплинарный характер. При этом в зарубежной научной среде, в странах, где интернет был разработан и где он развивался и распространялся в первую очередь, данный вопрос стал изучаться с середины 1990-х гг. Среди авторов научных исследований данной тематики получили известность С. Каплан (*S. E. Caplan*), М. Кастельс (*M. Castells*),

Г. Чанг (*G. Chang*), Ч. Чоу (*C. Chou*), Э. Энгельберг (*E. Engelberg*), В. Госвами (*V. Goswami*), М. Гриффитс (*M. Griffiths*), Д. Гринфилд (*D. N. Greenfield*), Р. Хоу (*R. Ho*), Д. Кардефелт-Уинтер (*D. Kardefelt-Winther*), Дж. Ким (*J. Kim*), Д.-М. Ку (*D.-M. Koo*), Р. Краут (*R. Kraut*), С. Лакони (*S. Laconi*), С. Ли (*S. J. Lee*), С. Ливингстоун (*S. Livingstone*), А. Манаго (*A. M. Manago*), П. Мерве (*P. Merwe*), Э. Муди (*E. J. Moody*), М. Мюллер (*M. L. Mueller*), Л. Розен (*L. Rosen*), Л. Шоберг (*L. Sjoberg*), П. Смит (*P. K. Smith*), Дж. Сулер (*J. Suler*), Ш. Теркл (*Sh. Turkle*), П. Валкенбург (*P. M. Valkenburg*), Л. Уханг (*L. S.-M. Whang*), Ш. Янг (*S. C. Yang*), К. Янг (*K. S. Young*) и др.

Термин *интернет-зависимость* был впервые предложен американским психиатром А. Голдбергом (*I. Goldberg*) в 1996 г. для обозначения «патологического компульсивного (от англ. *compulsive* – навязчивый, принудительный. – В. С.) использования интернета» [3, р. 37]. Благодаря ученым из других отраслей наук об интернет-аддикции известно многим интернет-пользователям. Исследователь Дж. Зиттрэйн (*J. Zittrain*) теоретически обосновал генеративный потенциал интернета – способность системы к непредсказуемым изменениям [4; 5], о последствиях которых задумываются не только ученые, но и многие потребители онлайн-ресурсов.

В Беларуси влияние ИКТ на социально-политические процессы в обществе в некоторой степени нашло свое отражение в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, в которой, в частности, утверждается, что «формируемое в глобальном масштабе информационное общество представляет собой новый этап развития цивилизации с преобладанием знаний и информации, воздействием информационных технологий на все сферы человеческой деятельности»². Данное воздействие, как упоминалось выше, может сопровождаться отдельными негативными последствиями, ввиду чего обостряется проблема исследований влияния интернета и ИКТ на человека и общество.

При этом в Республике Беларусь быстрыми темпами развиваются IT-технологии и IT-производство, население Беларуси является активным пользователем современных ИКТ: согласно официальным данным Национального статистического комитета Республики Беларусь на конец 2019 г. на 100 человек населения нашей страны приходится 139 абонентов интернета³ – количество достаточно внушительное. Кроме того, из информации, предоставляемой в 2016 г. государственными СМИ, следует, что «91 %

² О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 // Офиц. интернет-портал Президента Респ. Беларусь. URL: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/postanovlenie-soveta-bezopasnosti-respubliki-belarus-1-ot-18-marta-2019-g-20703/ (дата обращения: 30.03.2019).

³ Количество абонентов сети Интернет на 100 человек населения [Электронный ресурс] // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/svyaz-i-informatsionno-kommunikatsionnyetechnologii/graficheskiy-material-grafiki-diagrammy/kolichestvo-abonentov-seti-internet-na-100-chelovek-naseleniya/> (дата обращения: 30.10.2020).

белорусских пользователей интернета заходят в Сеть ежедневно», причем среди молодежи этот показатель на указанную дату составлял 98 % [6].

Тем не менее научные публикации и диссертации, а также эмпирические исследования, предметом которых является влияние интернета на сознание личности, в Беларуси встречаются крайне редко. В то же время в России и других странах постсоветского пространства с начала 2000-х гг. фрагментарно исследованием данной проблемы занимались Т. А. Вербицкая, И. В. Романов, И. В. Андреев, Г. С. Чучкова, Р. А. Барышев, Е. А. Подгорная, Е. И. Давыдова-Мартынова, Н. А. Цой, С. Г. Аболфазл, Н. С. Хомерики, А. А. Антоненко, З. Афшорниё, Е. Д. Невесенко, Р. А. Абдуллаев, Е. И. Богомолова, Ф. А. Г. Хоссейн, А. А. Шаповаленко, М. С. Безбогова, В. В. Васильченко и др. Для планирования и осуществления в Беларуси научной деятельности в обозначенном направлении важно учитывать результаты исследований зарубежных авторов.

Цель данной статьи заключается в обеспечении исследователей различных наук, в первую очередь педагогической, политической, психологической, социологической и философской, информацией о результатах научных работ, в которых рассматривается влияние интернета и ИКТ на сознание личности, поведение людей в обществе. При этом особое внимание необходимо обратить на работы, в которых исследовалась русскоязычная аудитория, что по объективным причинам представляет особый интерес для белорусских авторов. Учет данных работ позволит решить ряд научных задач, связанных с предупреждением деструктивного воздействия онлайн-ресурсов на личность и общество, обеспечением «экологического» использования интернета и ИКТ в интересах гармоничного развития населения в условиях информационного общества.

Следует отметить, что в отдельных работах, в названиях которых отмечено влияние интернета на сознание личности, исследования проводились в несколько иных направлениях. Например, Т. А. Вербицкая, обозначив в названии своей диссертации влияние интернета на психосемантическое пространство пользователя, основное внимание уделяла выявлению различий в значениях понятия *интернет* и его основных компонентов у пользователей [7].

Воздействие интернет-среды на индивидуально-психологические качества пользователей научно-информационных сайтов исследовал И. В. Романов [8]. Автор сформулировал наиболее важные личностные характеристики, которые могут определять выбор интернет-активности и подвергаться влиянию интернет-среды. Также И. В. Романов эмпирически обосновал, что интернет-среда является специфической антропотехнической системой, оказывающей полимодальное влияние на личность, зависящее от вида сетевой активности, характеристик мотива-

ционной направленности, пола и степени акцентуированности индивидуально-психологических черт. Анализ широкого спектра видов сетевой активности, реализуемых пользователями, позволил исследователю выделить три категории личности, которые можно отнести к смешанному, информационному или виртуальному типу сообщества. И. В. Романов утверждает, что виртуальный тип сообщества служит средством компенсации неудовлетворенности личности социально-психологическими отношениями в естественной социальной среде. Выводы автора согласуются с мнениями других ученых, которые на основании эмпирических данных также указывают, что виртуальное взаимодействие становится гиперкомпенсацией личностных недостатков, трудностей реального социального взаимодействия, психологических или физиологических комплексов неполноценности, межличностных конфликтов, недостаточно развитых способностей [9; 10, с. 83; 11, с. 90; 12, р. 212–213; 13, р. 2331].

Вместе с тем И. В. Романов опровергает достаточно распространенный стереотип об отрицательном влиянии интернет-среды на личность, обнаруживая при ряде условий ее положительный эффект (особенно для смешанной категории пользователей), что, в свою очередь, подтверждает правомерность разработки методов психотерапевтического воздействия киберпространства на личность пользователей [8].

Значительный интерес представляет научная работа И. В. Андреева, который исследовал формирование психологической устойчивости у студентов к негативному влиянию интернет-технологий [14]. Среди основных достижений автора можно назвать выявление системы качеств (ценностно-смысловых, коммуникативных, мотивационных, эмоциональных, волевых), характеризующих психологическое неблагополучие личности и провоцирующих интернет-аддикцию, установление их взаимосвязи с уровнем зависимости от виртуального пространства, анализ психологических особенностей виртуальной личности. Исследователь описал механизм преодоления интернет-зависимости, формирования психологической устойчивости личности к негативному информационно-психологическому воздействию.

С учетом результатов диагностики и на основе теоретической модели психологической устойчивости личности И. В. Андреев разработал и экспериментально апробировал программу образовательно-воспитательной деятельности, систему упражнений, ролевых игр, занятий учебно-тренинговой группы, направленных на оптимизацию целей и мотивов, самооценки и ценностно-смысловых ориентаций, формирование умений и навыков независимого и уверенного поведения у студентов, имеющих высокий уровень интернет-зависимости [14].

При ознакомлении с результатами исследований, посвященных влиянию интернета на сознание личности, можно столкнуться с некоторыми противоречиями: одни ученые доказывают наличие преимущественно негативных последствий использования ИКТ и на их основе разрабатывают профилактические рекомендации, другие авторы исследуют прежде всего конструктивные функции интернета, стремятся к поиску и подтверждению эмпирическими методами положительного влияния онлайн-ресурсов.

Так, С. Г. Аболфазл на примере учреждений высшего образования Исламской Республики Иран исследовал влияние интернета на морально-духовные и социальные ценности студенческой молодежи [15]. Результатом его работы стало выявление отдельных физиологических и психологических негативных последствий, отражающихся на морально-духовных и социальных ценностях молодых людей, злоупотребляющих использованием ИКТ или находящихся под воздействием деструктивного контента. Автором сформулированы педагогические условия и психологические аспекты влияния интернета, совокупность организационно-педагогических требований по применению онлайн-ресурсов в интересах формирования мировоззрения и приобщения студенческой молодежи к морально-духовным и социальным ценностям.

В качестве достаточно яркого обратного примера можно привести научную работу Г. С. Чучковой, исследовавшей интернет-коммуникации как фактор личностного развития на примере общения в чатах⁴. На основе данных, полученных экспериментальным путем, автором было доказано, что виртуальное коммуникативное пространство чата является развивающей средой, межличностное взаимодействие в условиях которой способствует изменению личностных свойств пользователей. Г. С. Чучкова утверждает, что специфические возможности общения в чатах привлекательны для личностей, испытывающих затруднения в установлении значимых отношений в ситуации непосредственного взаимодействия, что обусловлено спецификой их индивидуально-психологических черт. Опыт данного вида коммуникации инициирует у пользователей развитие личностных свойств, включенных в их образ *Я в будущем* и выступающих залогом коммуникативной успешности, а также способствует снижению уровня выраженности личностных характеристик, затрудняющих межличностное общение и свидетельствующих о его неэффективности.

Кроме того, в результате проведенного исследования Г. С. Чучкова приходит к достаточно неординарным выводам. Автор обращает внимание на то,

что увлечение чат-общением не является проявлением аддиктивных поведенческих тенденций. По мере увеличения опыта интерес к межличностной коммуникации посредством интернета у его пользователей снижается. Высокие же показатели интернет-зависимости связаны прежде всего с небольшим стажем такого общения и могут расцениваться как проявление *эффекта новизны*⁵.

В целом большинство ученых, исследуя проблему влияния интернета на сознание, приходят к амбивалентным результатам: при рассмотрении различных аспектов онлайн-взаимодействия и интернет-потребления отмечаются как их положительные стороны, так и недостатки. В частности, Е. А. Подгорная исследовала влияние интернет-коммуникации на формирование образов языкового сознания подростка (по данным психолингвистического эксперимента) [16]. Результатом ее работы стало выявление воздействия интернет-коммуникации на вариативность вербальной репрезентации образов сознания подростков. Отмечено, что ИКТ способствовали созданию принципиально новой системы коммуникативных связей, которая легко вписывается в общую картину мира современных подростков, активно ими осваивается и выполняет определенную роль в их социализации. К слову, о роли интернета и ИКТ в социализации современной молодежи говорят очень многие исследователи: Е. П. Белинская [9; 17, с. 395–396], К. С. Есаулова⁶, Е. М. Лажинцева [18, с. 50–52], Т. Д. Марцинковская [19, с. 92], В. С. Собкин [20, с. 120–134], Г. В. Солдатова [21, с. 15–32] и др.

Также Е. А. Подгорная установила, что языковые средства, используемые в процессе виртуального общения, в значительной мере способствуют индивидуализации и самоидентификации языковой личности подростка, повышению оценки ее значимости. Социокультурная среда интернета, благодаря обратной связи, способствует распространению огромного количества разговорных, сленговых, диалектических форм и грамматических особенностей. Информационное пространство интернета, как особая сфера речевой коммуникации, отличается возможностью использовать и передавать разнообразные варианты и грамматические формы просторечной лексики, иностранных слов и междометий, характерных для устной речи, имитировать звуки, акценты, шепелявость, а также путем повторения или нестандартного применения знаков препинания, символов и смайликов выражать экспрессивность и компенсировать паравербальные и невербальные компоненты реального общения, создавать огромное количество неологизмов, представляющих

⁴ Чучкова Г. С. Интернет-коммуникация как фактор личностного развития (на примере общения в чатах) : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01. М., 2008. 23 с.

⁵ Там же.

⁶ Есаулова К. С. Представления людей разного возраста о социальной смелости в реальном общении и интернет-коммуникации : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05. М., 2017. 22 с.

собой потенциальные слова. Виртуальное общение способствует развитию ассоциативного мышления подростков, широкому использованию ими эмоционально окрашенной лексики и влияет на формирование языкового сознания как совокупности знаний, приобретаемых преимущественно в ходе речевого общения и в результате переработки перцептивных данных, выражаемых вербально.

Вместе с тем Е. А. Подгорная обращает внимание на невысокий уровень грамотности у подростков, вовлеченных в сферу виртуального общения, снижение критического мышления и способности к сопротивлению стереотипам, навязываемым СМИ, а также на вербальное проявление агрессии ввиду отсутствия нормативной регуляции общения [16].

Проблемы влияния интернет-ресурсов на политическую активность молодежи в современной России исследовала Е. И. Давыдова-Мартынова [22]. Учитывая превращение информации и знания в важнейший ресурс социально-экономического и политического развития, исследователь сосредоточил внимание на роли информационного общества в формировании политической активности молодых людей. Автором отмечено большое значение СМИ и интернет-ресурсов различных типов в манипулировании сознанием молодежи, испытывающей естественный недостаток политического опыта, в целях влияния на ее политические ориентации и поведение. В условиях действующих факторов при построении оптимальной модели конструктивного использования интернет-ресурсов автором предложены привлекательные для молодых людей и в связи с этим наиболее эффективные средства формирования их политической активности.

К слову, работа Е. И. Давыдовой-Мартыновой в политической среде Республики Беларусь должна представлять особый интерес, поскольку в настоящее время для оказания воздействия на политические ориентации и поведение молодежи различными силами (провластными и оппозиционными) действительно применяются возможности современных ИКТ, которые для молодых людей являются привлекательными. Среди таких ИКТ, например, наибольшую популярность получил мессенджер *Telegram*, обладающий многими преимуществами по сравнению с социальными сетями и другими мессенджерами. Его давно используют многие медиальности в интересах продвижения целевого контента и осуществления пиара, а также СМИ. Данный факт, к сожалению, привлек внимание специалистов и организаций в сфере информации нашей страны относительно недавно.

В определенной степени изучение проблемы, обозначенной Е. И. Давыдовой-Мартыновой, продолжают Р. А. Абдуллаев и В. В. Васильченко.

В частности, Р. А. Абдуллаев исследовал влияние интернет-технологий на современные политические

процессы в рамках демократических режимов [23]. Автор выделил сферы жизни общества и государства, на которые интернет оказал положительное влияние (повышение эффективности управления и сокращения расходной части бюджета; снижение бюрократических барьеров, благодаря которому происходит ускорение и улучшение административных процессов и правительственных услуг; формирование новых форм участия граждан в решении политических вопросов, от которых напрямую зависит их уровень жизни). Кроме того, Р. А. Абдуллаев подчеркнул сильное влияние ИКТ на изменение характера взаимодействия политических партий и избирателей в ходе выборов, сделавшее этот процесс более прямым и интерактивным. Особое внимание обращалось на рост политического значения социальных сетей, обеспечивающих максимально быстрый и интерактивный канал для построения политических коммуникаций.

Вместе с тем ввиду широкой доступности информации Р. А. Абдуллаев отмечает негативные последствия, вызывающие озабоченность со стороны государства: увеличение скорости оппозиционной мобилизации, числа участников протестных движений, улучшение качества их коммуникации [23].

Именно поэтому в настоящее время для предупреждения подобных и иных деструктивных последствий, недопущения формирования экстремистского движения, защиты традиционных границ суверенитета и экономических интересов государственные институты разных стран осуществляют попытки фрагментации онлайн-ресурсов [24], стремятся к перенаправлению информационных потоков в русла, «регламентированные юридическими правилами государств» [25, с. 23; 26, р. 99–116, 264–286]. При этом следует отметить, что юридические правила, регламентирующие интернет-активность пользователей, обычно запаздывают, появляясь после соответствующих прецедентов.

В свою очередь, В. В. Васильченко исследовал влияние интернет-коммуникации на активизацию протестных движений молодежи в современной России [27]. На основе обширного эмпирического материала автором произведен анализ форм вовлечения молодежи в активную политическую деятельность, опосредованную интернетом и социальными сетями, которые, наряду с иными информационными технологиями, стали новым действенным инструментом политической оппозиции. Исходя из направленности и целей российской молодежи, В. В. Васильченко выделил следующие проявления политической субъектности: национально-патриотические, оппозиционные, националистические, собственно протестные, правозащитные, прокремлевские, экологические, движения спортивных фанатов и др. В рамках своего исследования В. В. Васильченко концептуально обосновал роль

интернет-коммуникации в техническом обеспечении и сопровождении политического протеста в современной России, выявил проблемы взаимодействия и противодействия между интернет-коммуникацией политической власти и молодежными протестными движениями. Автор подчеркивал способность интернет-пользователей к самоорганизации, удовлетворению своих политических и мировоззренческих пристрастий через интернет-пространство.

Выводы В. В. Васильченко в очередной раз подтверждают, насколько важны оценка, предупреждение и использование возможностей ИКТ в современном обществе, особенно в данном случае следует учитывать отмеченную исследователем способность к самоорганизации через интернет-ресурсы.

В работе З. Афшорниё исследуется влияние интернета и мобильных телефонов на нравственные и социальные качества личности детей подросткового возраста [28]. Полученные автором данные также указывают на неоднозначную роль использования современных средств коммуникации в развитии личности подростка. З. Афшорниё обращает внимание на процесс естественного вытеснения воздействующего потенциала традиционных способов обучения и воспитания на сознание подростков, способность интернета и ИКТ к замещению не только коммуникативных, но и образовательных функций, а также на отдельные пагубные последствия злоупотребления и неконтролируемости использования их возможностей. Неслучайно в научной литературе имеет место утверждение, согласно которому при использовании компьютеров и информационных технологий современные молодые люди становятся «как рука в перчатке»: «имеют плохую социальную связь и являются довольно изолированными индивидами» [12, р. 216–217; 29, р. 35–36].

Предметом исследования Е. Д. Невесенко выступает влияние виртуальных интернет-сообществ на развитие социальной активности молодежи [30]. По результатам исследования было установлено, что активность молодежи в интернете проявляется прежде всего как досуговая, познавательная, информационная, коммуникационная и социально-культурная. Общественная активность в направлении киберсоциализации других пользователей ввиду отсутствия склонности к таковой у большинства молодых людей проявляется реже. Отмечены наиболее востребованные интернет-ресурсы: социальные сети, блоги и форумы. Также автором дана характеристика интернет-активной молодежи: эту группу составляют молодые люди в возрасте 14–30 лет, обладающие знаниями, умениями и навыками в пользовании различными ресурсами

и сервисами интернета, регулярно находящиеся онлайн, активно участвующие в деятельности виртуальных сообществ.

Е. Д. Невесенко утверждает, что для положительного влияния интернета и виртуальных сообществ (развитие у молодых людей общественной активности) необходимо мотивировать их предложением всевозможных «вознаграждений», среди которых можно назвать приобретение и развитие способностей, полезных в дальнейшей трудовой деятельности, укрепление социального статуса, расширение кругозора и круга общения, развитие креативности и творческих способностей, налаживание полезных связей, знакомство с интересными людьми, материальное вознаграждение, интересный и полезный досуг. В установлении и поддержании взаимодействия предлагается целенаправленно использовать востребованные молодежью интернет-ресурсы [30].

Предметом исследования Ф. А. Г. Хоссейна являются дидактические основы влияния интернета на профессиональные навыки учителей средних школ⁷. По результатам проведенного эксперимента автор выявил, что в современных условиях повышение уровня профессиональных навыков преподавания и применения дидактических технологий в процессе обучения зависит от уровня грамотности учителей в области использования интернета. В ходе исследования выяснилось, что учителя средних школ экспериментальной группы обладали интернет-грамотностью на среднем уровне, а также на уровне ниже среднего. При этом учителя, не применяющие дидактические технологии в своей практике ввиду отсутствия соответствующих знаний и умений, не имеющие достаточного опыта использования ИКТ, считают влияние данных технологий негативным. С учетом условий информационного общества автором предлагается ряд мер по повышению уровня подготовки учителей и усовершенствованию образовательного процесса в целом.

Естественно, проблемы влияния интернета на сознание личности исследовали и другие авторы. Огромное количество научных работ посвящены иным аспектам взаимодействия личности и социума с интернет-средой, его последствиям и закономерностям.

Например, Р. А. Барышев исследовал киберпространство и проблемы отчуждения⁸. В рамках научной работы автор обратил внимание на социально-философские аспекты киберпространства и связанную с ним проблему отчуждения личности. Исходя из значений терминов *интернет* и *виртуальная реальность*, Р. А. Барышев определил

⁷ Хоссейн Ф. А. Г. Дидактические основы влияния интернета на профессиональные навыки учителей средних школ (на примере Исламской Республики Иран) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. Душанбе, 2015. 23 с.

⁸ Барышев Р. А. Киберпространство и проблема отчуждения : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Красноярск, 2009. 16 с.

понятие *киберпространство* как пространство коммуникации в интернете, «учитывающее “полноценное” существование субъекта в виртуальном мире», как «виртуальное социальное поле бытия человека, обнаруживающего себя в рамках взаимодействия с компьютером, сетями» [31, с. 16].

Рассматривая интернет в единстве технико-информационного и социального содержания, автор приходит к выводу, что при осуществлении всеобщей информатизации интернет выступает фактором, объективно способствующим процессу отчуждения личности. Р. А. Барышевым установлено, что киберпространство формирует виртуальную иллюзию свободы индивида, создает условия для объективного отчуждения личности от реальной свободы в обществе и необходимо связанной с ней ответственности. Отчуждение личности от ответственности, по мнению исследователя, является важнейшим негативным последствием для системы отношений *личность – общество*; утрата ответственности – это потеря главного регулятора деятельности личности как социального существа, что, в свою очередь, поднимает вопрос о возможности оставаться личностью вообще⁹.

Исследователь Н. А. Цой изучала социальные факторы феномена интернет-зависимости¹⁰. Исходя из теоретического анализа, в ходе которого использовались положения социально-психологических теорий и концепций, а также из результатов эмпирического исследования феномена интернет-аддикции, автор выделил ряд социальных факторов, обуславливающих данную зависимость, таких как социальная функция интернета, переживание чувства одиночества, низкий самоконтроль и др. Для ослабления выявленных факторов Н. А. Цой произвела систематизацию мер профилактики.

Изучению индивидуально-психологических особенностей подростков с интернет-зависимым поведением посвятила свою работу Н. С. Хомерики [32]. Результаты исследования показали, что у 4,3 % подростков в возрасте 14–17 лет (в исследовании принимали участие 1084 учащихся старших классов шести средних общеобразовательных учреждений г. Москвы и ближайшего Подмосковья), имеющих неограниченную возможность доступа к интернету, выявлены признаки сформированного интернет-зависимого поведения; 29,3 % подростков злоупотребляют интернетом. При этом автор доказывает, что процесс формирования устойчивого паттерна интернет-зависимого по-

ведения происходит через этап злоупотребления электронными ресурсами.

Утверждение Н. С. Хомерики согласуется с мнением известного американского психолога К. Янг, которая считает злоупотребление онлайн-ресурсами, создающее психосоциальные проблемы для их пользователей, «одной из форм зависимости» [2, р. 403].

Помимо этого, Н. С. Хомерики определила индивидуально-психологические особенности подростков с интернет-зависимым поведением: нарушение эмоциональной сферы (неустойчивость, затруднение с идентификацией и пониманием собственных эмоций), снижение способности к саморегуляции (повышенная импульсивность, отвлекаемость, трудности с самоорганизацией, сверхактивность на слабые провоцирующие стимулы), сочетание нескольких типов акцентуаций характера, снижение социального и эмоционального интеллекта. Установлены психологические факторы риска формирования у подростков интернет-зависимого поведения: эмоциональная неустойчивость, неуверенность, повышенная тревожность, другие индивидуально-психологические особенности личности, которые препятствуют эффективной коммуникативной деятельности и затрудняют социальную адаптацию [32].

Научная работа А. А. Антоненко была направлена на изучение интернет-зависимости подростков от компьютерных игр и онлайн-общения¹¹. В некоторой степени эта работа дополняет и развивает положения исследования Н. С. Хомерики. А. А. Антоненко также сформулировала психологические особенности подростков 14–17 лет с интернет-зависимым поведением, однако в данном случае задача выполнена исходя из видов их деятельности в интернете: участия в онлайн-играх и онлайн-общении. Автором отмечено, что компьютерные игры обладают сравнительно большей *аддиктогенностью*, нежели иные интернет-сервисы, поэтому психологические особенности подростков, пристрастившихся к интернет-играм, отличаются от тех, которые характерны для индивидов, увлеченных различными другими онлайн-ресурсами. Например, подросткам, зависимым от компьютерных игр и онлайн-игр, свойственны такие психологические качества, как обособленность, возбудимость, постоянное беспокойство, конформность, гипотимия, фрустрированность, отвлекаемость, недостаточная концентрация внимания, демонстративные и астеноневротические черты характера,

⁹ Барышев Р. А. Киберпространство и проблема отчуждения : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Красноярск, 2009. 16 с.

¹⁰ Цой Н. А. Социальные факторы феномена интернет-зависимости : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04. Владивосток, 2012. 22 с.

¹¹ Антоненко А. А. Интернет-зависимость подростков от компьютерных игр и онлайн-общения: клинико-психологические особенности и профилактика : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.04. М., 2014. 19 с.

а также характеристики неустойчивого типа личности.

Отталкиваясь от выявленных особенностей патопсихологических нарушений, А. А. Антоненко разработала и апробировала программу психологической профилактики и коррекции интернет-зависимого поведения у подростков 14–17 лет.

Исследованию взаимосвязи личностных характеристик и особенностей активности пользователей социальных сетей посвятила свою работу Е. И. Богомолова¹². В исследовании определены критерии субъективности (индикаторы высокой и низкой субъективности) пользователей социальных сетей, обозначены проблемные стороны низкой субъективности участников виртуальной интеракции, заключающиеся в развитии зависимости от интернета, росте тревожности, пассивности и снижении самоактуализационных установок личности. Доказано наличие взаимосвязи личностных характеристик пользователя интернет-коммуникации и интенсивности его активности (высокой или низкой).

Психологическую суверенность личности в интернет-среде на примере студентов – участников социальной сети *ВКонтакте* исследовал А. А. Шаповаленко¹³. Наряду с введением понятий *психологическое пространство личности в интернет-среде (виртуальное психологическое пространство личности)* и *психологическая суверенность личности в интернет-среде (суверенность виртуального психологического пространства личности)* автором показана трансформация базового психологического пространства личности, в котором выделено новое измерение, связанное с виртуальной реальностью и включающее суверенность физического тела, территории, личных вещей, привычек, социальных связей, вкусов и ценностей. Определены характеристики личностной суверенности в интернет-среде у студентов в возрасте от 18 до 21 года. Эмпирически выявленные типы психологической суверенности личности в интернет-среде (*спокойно-допускающий, защитно-компенсаторный, равнодушно-попустительский*), по мнению А. А. Шаповаленко, согласуются с современными идеями психологии личности о вариативности траекторий развития личности и возможности синергетических и компенсаторных эффектов взаимодействия личности и ситуации.

Научная работа М. С. Безбоговой посвящена изучению социальных сетей как фактора формирования социальных установок современной молодежи¹⁴. Автором уточнено понятие социальной установки как

личностного психологического конструкта трехкомпонентной структуры, включающей когнитивный (знание, представление о социальном объекте), аффективный (эмоционально-оценочное отношение к объекту) и поведенческий (потенциальная готовность личности реализовать определенное поведение по отношению к объекту) компоненты.

На основании полученных данных М. С. Безбогова приходит к выводу, что социальные установки, находящие отражение в контенте виртуальных социальных сетей, формируются посредством социально-психологического механизма, необходимыми элементами которого являются акцентированные потребности (повышение и поддержание социального статуса, самооценки, потребность в идентификации, успехе и др.), внутренняя непротиворечивость в структуре личности, последовательность, рационализация, а также соответствующая структура сообщения. Появление определенного эффекта, формирование предсказуемых моделей поведения личности выступает результатом действия данного механизма. Для разрушения или нивелирования негативных или неприемлемых социальных установок автор разработал и предложил соответствующую стратегию (контрстратегию), которая может применяться как в сфере маркетинга и рекламы, связи с общественностью, так и в политической сфере.

Помимо диссертационных исследований, посвященных изучению многочисленных аспектов влияния интернета на сознание личности, вызывают интерес научные публикации многих других авторов. Среди них можно выделить таких ученых, как Н. В. Азаренок, А. Г. Асмолов, Ю. Д. Бабаева, Л. В. Баева, Е. П. Белинская, Т. Ю. Больбот, А. А. Бочавер, И. В. Васенина, А. Е. Войскунский, Т. Н. Горобец, С. В. Докука, С. Н. Ениколопов, К. С. Есаулова, А. Е. Жичкина, Ю. А. Клейберг, О. Д. Козлова, В. Н. Колесников, Н. В. Коротникова, В. Л. Лозицкий, Н. А. Лукина, Е. И. Рассказова, О. Б. Скородумова, В. С. Собкин, Г. У. Солдатова, О. А. Старицына, К. Д. Хломов, А. Б. Холмогорова, Л. Н. Юрьева и др. В рамках одной статьи не представляется возможным раскрыть результаты их трудов. В то же время для белорусской науки остается актуальным анализ взглядов исследователей, их воззрений и убеждений, основанных на эмпирических данных, для дальнейшего изучения влияния интернета и ИКТ на человека и общество.

Таким образом, в настоящей статье теоретически обоснована необходимость научного разрешения проблемы, изучение которой в Республике Беларусь

¹² Богомолова Е. И. Взаимосвязь личностных характеристик с особенностями активности пользователей социальных сетей интернета : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01. Краснодар, 2015. 26 с.

¹³ Шаповаленко А. А. Психологическая суверенность личности в интернет-среде (на примере студентов – участников социальной сети *ВКонтакте*) : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01. М., 2016. 24 с.

¹⁴ Безбогова М. С. Социальные сети как фактор формирования социальных установок современной молодежи : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05. М., 2017. 25 с.

значительно отстает от передовых стран – потребителей онлайн-ресурсов. Результаты исследований в данном направлении отличаются амбивалентностью, в научной среде отсутствует единое мнение об истинных последствиях использования интернета, что подчеркивает недостаточный, фрагментарный характер работ в целом.

При этом белорусским ученым при планировании и осуществлении научной деятельности, направленной на изучение и предупреждение проблем, связанных с развитием информационного общества, необходимо учитывать результаты аналогичных исследований, проводившихся в странах постсоветского пространства.

Библиографические ссылки

1. Старицына ОА. Клиповое мышление vs образование. Кто виноват и что делать? *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018;7(2):270–274.
2. Young KS. Internet addiction: a new clinical phenomenon and its consequences. *American Behavioral Scientist*. 2004;48(4):402–415. DOI: 10.1177/0002764204270278.
3. Goswami V, Singh DR. Internet addiction among adolescents: A review of the research. *International Journal of Indian Psychology*. 2016;3(3):37–44. DOI: 10.25215/0303.194.
4. Zittrain J. *The future of the Internet – and how to stop it*. New Haven: Yale University Press; 2008. 342 p.
5. Zittrain J. The generative Internet. *Harvard Law Review*. 2006;119(7):1974–2040.
6. Костюкевич А. Онлайн каждый день. *СБ. Беларусь сегодня* [Интернет]. 2016 [процитировано 30 октября 2020 г.]. Доступно по: <https://www.sb.by/articles/onlayn-kazhdy-den.html>.
7. Вербицкая ТА. *Влияние системы Интернета на психосемантическое пространство пользователя* [диссертация]. Москва: Московский педагогический государственный университет; 2002. 118 с.
8. Романов ИВ. *Влияние интернет-среды на индивидуально-психологические качества пользователей научно-информационных сайтов* [диссертация]. Иваново: Ивановский государственный университет; 2005. 207 с.
9. Белинская ЕП. Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие. *Психологические исследования* [Интернет]. 2013 [процитировано 28 июня 2020 г.];6(30):5. Доступно по: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/858>.
10. Васильева ИА, Осипова ЕМ, Петрова НН. Психологические аспекты применения информационных технологий. *Вопросы психологии*. 2002;3:80–88.
11. Чучкова ГС. О проблеме общения в виртуальной коммуникативной среде. *Омский научный вестник*. 2007;1(51):90–94.
12. Griffiths M. Does Internet and computer «addiction» exist? Some case study evidence. *CyberPsychology & Behavior*. 2000;3(2):211–218.
13. van der Merwe P. Adolescence, Internet use, social adjustment and emotional intelligence. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2014;5(23):2327–2339. DOI: 10.5901/mjss.2014.v5n23p2327.
14. Андреев ИВ. *Формирование психологической устойчивости студентов к негативному влиянию интернет-технологий* [диссертация]. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова; 2008. 225 с.
15. Сейедтахер ГА. *Влияние Интернета на морально-духовные и социальные ценности студенческой молодежи (на примере вузов Исламской Республики Иран)* [диссертация]. Душанбе: Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни; 2013. 162 с.
16. Подгорная ЕА. *Влияние интернет-коммуникации на формирование образов языкового сознания подростка (по данным психолингвистического эксперимента)* [диссертация]. Кемерово: Кемеровский государственный университет; 2010. 275 с.
17. Белинская ЕП, Жичкина АЕ. Современные исследования виртуальной коммуникации: проблемы, гипотезы, результаты. В: Собкин ВС, редактор. *Образование и информационная культура. Социологические аспекты. Труды по социологии образования. Том 5, выпуск 7*. Москва: Центр социологии образования РАО; 2000. с. 395–430.
18. Лажинцева ЕМ. Интернет как новая среда для проявления девиантного поведения подростка. *Вопросы психологии*. 2015;4:49–58.
19. Марцинковская ТД. Информационное пространство как фактор социализации современных подростков. *Мир психологии*. 2010;3:90–102.
20. Собкин ВС, Федотова АВ. Сеть как пространство социализации современного подростка. *Консультативная психология и психотерапия*. 2019;27(3):119–137. DOI: 10.17759/cpp.2019270308.
21. Солдатова ГВ, Зотова ЕЮ, Чекалина АИ, Гостимская ОС. *Пойманные одной сетью: социально-психологическое исследование представлений детей и взрослых об Интернете*. Москва: Фонд развития Интернет; 2011. 176 с.
22. Давыдова-Мартынова ЕИ. *Проблемы влияния ресурсов сети Интернет на политическую активность молодежи в современной России* [диссертация]. Москва: Московский государственный областной университет; 2011. 235 с.
23. Абдуллаев РА. *Влияние интернет-технологий на современные политические процессы в рамках демократических режимов* [диссертация]. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского; 2015. 231 с.
24. Mueller M. *Will the Internet fragment? Sovereignty, globalization and cyberspace*. Cambridge: Polity; 2017. 177 p.
25. Асмолов ГА, Асмолов АГ. Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива. *Вопросы психологии*. 2019;4:3–28.
26. Castells M. *Communication power*. Oxford: Oxford University Press; 2009. 571 p.
27. Васильченко ВВ. *Влияние интернет-коммуникаций на активизацию протестных движений молодежи в современной России* [диссертация]. Москва: Московский государственный областной университет; 2017. 161 с.

28. Афшорниё З. *Влияние Интернета и мобильных телефонов на нравственные и социальные качества личности детей подросткового возраста* [диссертация]. Душанбе: Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни; 2014. 171 с.
29. Griffiths M. Internet «addiction»: an issue for clinical psychology? *Clinical Psychology Forum*. 1996;97:32–36.
30. Невесенко ЕД. *Влияние виртуальных сетевых сообществ и сети Интернет на развитие социальной активности молодежи* [диссертация]. Санкт-Петербург: СПбГУ; 2014. 231 с.
31. Барышев РА. Личность в контексте киберпространства. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2011;(2):15–18.
32. Хомерики НС. *Индивидуально-психологические особенности подростков с интернет-зависимым поведением* [диссертация]. Санкт-Петербург: СПбГУ; 2013. 186 с.

References

1. Staritsyna OA. Mosaic thinking vs education. Who is to blame and what to do? *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 2018;7(2):270–274. Russian.
2. Young KS. Internet addiction: a new clinical phenomenon and its consequences. *American Behavioral Scientist*. 2004;48(4):402–415. DOI: 10.1177/0002764204270278.
3. Goswami V, Singh DR. Internet addiction among adolescents: a review of the research. *International Journal of Indian Psychology*. 2016;3(3):37–44. DOI: 10.25215/0303.194.
4. Zittrain J. *The future of the Internet – and how to stop it*. New Haven: Yale University Press; 2008. 342 p.
5. Zittrain J. The generative Internet. *Harvard Law Review*. 2006;119(7):1974–2040.
6. Kostyukevich A. [Online every day]. *SB. Belarus' segodnya* [Internet]. 2016 [cited 2020 October 30]. Available from: <https://www.sb.by/articles/onlayn-kazhdyy-den.html>. Russian.
7. Verbitskaya TA. *Vliyaniye sistemy Interneta na psiko-semanticheskoe prostranstvo pol'zovatelya* [Influence of the Internet system on the user's psycho-semantic space] [dissertation]. Moscow: Moscow Pedagogical State University; 2002. 118 p. Russian.
8. Romanov IV. *Vliyaniye internet-sredy na individual'no-psikhologicheskie kachestva pol'zovatelei nauchno-informatsionnykh saitov* [Influence of the Internet environment on individual psychological qualities of users of scientific and information sites] [dissertation]. Ivanovo: Ivanovo State University; 2005. 207 p. Russian.
9. Belinskaya EP. Informational socialization in adolescents: experience of using social networks and psychological well-being. *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Internet]. 2013 [cited 2020 June 28];6(30):5. Available from: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/858>. Russian.
10. Vasil'eva IA, Osipova EM, Petrova NN. [Psychological aspects of the application of information technologies]. *Voprosy psikhologii*. 2002;3:80–88. Russian.
11. Chuchkova GS. On the problem of communication in virtual communicative environment. *Omskii nauchnyi vestnik*. 2007;1(51):90–94. Russian.
12. Griffiths M. Does Internet and computer «addiction» exist? Some case study evidence. *CyberPsychology & Behavior*. 2000;3(2):211–218.
13. van der Merwe P. Adolescence, Internet use, social adjustment and emotional intelligence. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2014;5(23):2327–2339. DOI: 10.5901/mjss.2014.v5n23p2327.
14. Andreev IV. *Formirovaniye psikhologicheskoi ustoychivosti studentov k negativnomu vliyaniyu internet-tekhnologii* [Formation of psychological stability of students to the negative influence of Internet technologies] [dissertation]. Nizhny Novgorod: Linguistics University of Nizhny Novgorod; 2008. 225 p. Russian.
15. Seyedtacher GA. *Vliyaniye Interneta na moral'no-dukhovnye i sotsial'nye tsennosti studencheskoi molodezhi (na primere vuzov Islamskoi Respubliki Iran)* [The influence of the Internet on the moral, spiritual and social values of students (on the example of universities in the Islamic Republic of Iran)] [dissertation]. Dushanbe: Tajik State Pedagogical University; 2013. 162 p. Russian.
16. Podgornaya EA. *Vliyaniye internet-kommunikatsii na formirovaniye obrazov yazykovogo soznaniya podrostantka (po dannym psikholingvisticheskogo eksperimenta)* [Influence of Internet communication on the formation of images of language consciousness of a teenager (according to a psycholinguistic experiment)] [dissertation]. Kemerovo: Kemerovo State University; 2010. 275 p. Russian.
17. Belinskaya EP. [Modern research of virtual communication: problems, hypotheses, results]. In: Sobkin VS, editor. *Obrazovaniye i informatsionnaya kul'tura. Sotsiologicheskie aspekty. Trudy po sotsiologii obrazovaniya. Tom 5, vypusk 7* [Education and information culture. Sociological aspects. Works on the sociology of education. Volume 5, issue 7]. Moscow: Center for Sociology of Education, Russian Academy of Education; 2000. p. 395–430. Russian.
18. Lazhintseva EM. [Internet as a new environment for the manifestation of deviant behavior of a teenager]. *Voprosy psikhologii*. 2015;4:49–58. Russian.
19. Martsinkovskaya TD. [Information space as a factor of socialization of modern teenagers]. *Mir psikhologii*. 2010;3:90–102. Russian.
20. Sobkin VS, Fedotova AV. Social media as a field of a modern teenager's socialization. *Counseling Psychology and Psychotherapy*. 2019;27(3):119–137. DOI: 10.17759/cpp.2019270308. Russian.
21. Soldatova GV, Zotova EYu, Chekalina AI, Gostimskaya OS. *Poimannyye odnoi set'yu: sotsial'no-psikhologicheskoe issledovaniye predstavlenii detei i vzroslykh ob Internete* [Caught by one network: a socio-psychological study of children's and adults' perceptions of the Internet]. Moscow: Foundation for Internet Development; 2011. 176 p. Russian.
22. Davydova-Martynova EI. *Problemy vliyaniya resursov seti Internet na politicheskuyu aktivnost' molodezhi v sovremennoi Rossii* [Problems of influence of Internet resources on political activity of youth in modern Russia] [dissertation]. Moscow: Moscow Region State University; 2011. 235 p. Russian.

23. Abdullaev RA. *Vliyanie internet-tehnologii na sovremennye politicheskie protsessy v ramkakh demokraticeskikh rezhimov* [Influence of Internet technologies on modern political processes in the framework of democratic regimes] [dissertation]. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; 2015. 231 p. Russian.
24. Mueller M. *Will the Internet fragment? Sovereignty, globalization and cyberspace*. Cambridge: Polity; 2017. 177 p.
25. Asmolov GA, Asmolov AG. [Internet as a generative space: historical and evolutionary perspective]. *Voprosy psikhologii*. 2019;4:3–28. Russian.
26. Castells M. *Communication power*. Oxford: Oxford University Press; 2009. 571 p.
27. Vasilchenko VV. *Vliyanie internet-kommunikatsii na aktivizatsiyu protestnykh dvizhenii molodezhi v sovremennoi Rossii* [Influence of Internet communications on activization of protest movements of youth in modern Russia] [dissertation]. Moscow: Moscow Region State University; 2017. 161 p. Russian.
28. Afshorniy Z. *Vliyanie Interneta i mobil'nykh telefonov na nravstvennye i sotsial'nye kachestva lichnosti detei podrostkovogo vozrasta* [Influence of the Internet and mobile phones on the moral and social qualities of adolescent children] [dissertation]. Dushanbe: Tajik State Pedagogical University; 2014. 171 p. Russian.
29. Griffiths M. Internet «addiction»: an issue for clinical psychology? *Clinical Psychology Forum*. 1996;97:32–36.
30. Nevesenko ED. *Vliyanie virtual'nykh setevykh soobshchestv i seti Internet na razvitie sotsial'noi aktivnosti molodezhi* [Influence of virtual network communities and the Internet on the development of social activity of young people] [dissertation]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; 2014. 231 p. Russian.
31. Baryshev RA. [Personality in the context of cyberspace]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011;2:15–18. Russian.
32. Homeriki NS. *Individual'no-psikhologicheskie osobennosti podrostkov s internet-zavisimym povedeniem* [Individual psychological features of teenagers with Internet addicted behavior] [dissertation]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; 2013. 186 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 04.11.2020.
Received by editorial board 04.11.2020.

ФАКТОРНАЯ СТРУКТУРА КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ ЗДОРОВЫХ СПОРТСМЕНОВ И ПАРАЛИМПИЙЦЕВ

Н. А. ШЕСТИЛОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В процессе тренировочной и соревновательной деятельности спортсменам часто приходится преодолевать стрессовые ситуации. Механизмом борьбы со стрессом служат копинг-стратегии, от эффективности которых зависит конечный результат разрешения проблемы. В процессе ответа на стресс копинг-стратегии не применяются отдельно, а распределяются по группам. Представлены результаты сравнительного анализа факторных структур копинг-стратегий здоровых спортсменов и паралимпийцев.

Ключевые слова: спорт; стресс; копинг-стратегии; паралимпийцы.

FACTOR STRUCTURE OF COPING STRATEGIES HEALTHY ATHLETES AND PARALYMPIANS

N. A. SHESTILOVSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Athletes often have to overcome a stressful situation in the process of training and competitive activities. Coping strategies are a mechanism for coping with stress. The effectiveness of these strategies depends on the final result of the activity, while coping strategies do not act separately and form groupings in the process of responding to stress. This article presents the results of a comparative analysis of factor structures of coping strategies of healthy athletes and paralympians.

Keywords: sport; stress; coping strategies; paralympians.

Введение

Проблема адаптационного потенциала здоровых спортсменов как показателя приспособляемости индивида к различным и меняющимся факторам внешней среды недостаточно изучена в настоящее время (в частности, малоисследованной группой также остаются и спортсмены-паралимпийцы [1, с. 23; 2, с. 17]).

Физические и психические ресурсы личности с инвалидностью могут, с одной стороны, ограничиваться самим заболеванием, а с другой – приумно-

жаться в результате их аккумуляции и активизации [3, с. 12; 4, с. 97]. В процессе жизнедеятельности лица с врожденными инвалидизирующими заболеваниями адаптируются к ним. Чтобы усовершенствовать это явление, индивиды используют разнообразные стратегии преодоления стресса, совмещают их и выбирают наиболее эффективные.

Для определения копинг-стратегий был применен опросник COPE, разработанный К. Карвером, М. Шейером и Дж. Вейнтраубом (в адаптации

Образец цитирования:

Шестиловская НА. Факторная структура копинг-стратегий здоровых спортсменов и паралимпийцев. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология. Психология.* 2021;1:87–96.

For citation:

Shetilovskaya NA. Factor structure of coping strategies healthy athletes and paralympians. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;1: 87–96. Russian.

Автор:

Наталья Александровна Шестиловская – старший преподаватель кафедры экологии человека факультета социокультурных коммуникаций.

Author:

Natalia A. Shetilovskaya, senior lecturer at the department of human ecology, faculty of social and cultural communications.
flower27@mail.ru

Т. О. Гордеевой, Е. Н. Осина, Е. И. Рассказовой (2013) [5, с. 195]. Для диагностики уровней развитости параметров саморегуляции была использована методика саморегуляции подготовки спортсмена, разработанная В. И. Моросановой (1989) [6, с. 142].

В исследовании приняли участие 262 здоровых спортсмена в возрасте от 19 до 39 лет (141 мужчина и 121 женщина; средний возраст респондентов – 29 лет). В выборку включены 91 спортсмен 1-го разряда, 95 кандидатов в мастера спорта, 68 мастеров спорта, 8 мастеров спорта международного класса¹.

Выборку паралимпийцев составили 99 спортсменов в возрасте от 17 до 50 лет (65 мужчин и 34 женщины; средний возраст респондентов – 33,5 года). Среди этих спортсменов-паралимпийцев в опросе участвовали 6 паралимпийцев 1-го разряда, 15 кандидатов в мастера спорта, 48 мастеров спорта, 25 мастеров спорта международного класса, 6 заслуженных мастеров спорта. Согласно типам нарушений

респонденты распределялись по спортивно-функциональным классам:

- паралимпийцы с нарушениями зрения (всего 39 человек) определяются в функциональные классы B2, B3, S7–S13, T12 (29 человек) и функциональный класс B1 (10 человек);
- паралимпийцы с нарушением опорно-двигательного аппарата (инвалиды-колясочники) относятся к функциональным классам A, B, F45, F54 (25 человек);
- паралимпийцы с нарушением слуха распределяются по функциональным классам LW4, LW10–LW12 [7, с. 58–158]. Количество респондентов данной выборки является практически равным генеральной совокупности и исчерпывающим для Республики Беларусь. Все паралимпийцы на момент исследования являлись действующими спортсменами, участвующими в соревнованиях республиканского и международного уровней.

Материалы и методы

Для того чтобы выделить латентные детерминанты, определяющие у здоровых спортсменов и паралимпийцев специфику реагирования в проблемных ситуациях и совладания со стрессом, был проведен факторный анализ с применением метода главных компонент с последующим варимакс-вращением. Для получения факторной структуры заданных переменных использовалась программа *SPSS v.17.0 for Windows*.

Авторы методики COPE – К. Карвер, М. Шейер, Дж. Вейнтрауб – полагают, что проводимое Р. Лазарусом разграничение между способами совладания, сфокусированными на проблеме и на эмоциях, является слишком упрощенным (вместе с тем на теорию Лазаруса частично опирается методология опросника COPE). В связи с этим К. Карвер призывает не использовать универсальные группы копинг-стратегий «второго уровня», а при необходимости выявлять вторичную факторную структуру, соответствующую полученным данным. Такая структура будет различаться в зависимости от особенностей выборки, ситуации диагностики и многих других факторов [8, р. 267]. Методика включает 15 факторов (F1–F15), соответствующих различным копинг-стратегиям.

Актуальность данной работы обусловлена крайне малым количеством проведенных исследований, ориентированных на изучение спортсменов-паралимпийцев. Однако проблемой совладающего поведения и использования копинг-стратегий здоровыми спортсменами занимались многие ученые (А. Ц. Пуни, П. А. Рудик, О. В. Дашкевич, Ю. Я. Киселев, О. А. Черникова, Б. А. Вяткин, Е. П. Ильин, В. П. Мер-

линкин, Н. М. Пейсахов, Б. И. Якубчик, В. В. Андреев, В. В. Попова, Е. И. Берилова, А. К. Акименко и др.). На основании научных данных выявляется специфика в преодолении стресса, совладающего поведения и использования копинг-стратегий паралимпийцами, вследствие чего можно говорить о наличии данной специфики в факторной структуре копинг-стратегий (Н. Ю. Стрига, О. И. Купреева, А. А. Киселева, Л. А. Воскресенская и др.). Поскольку на основании ранее проведенных исследований, свидетельствующих о взаимосвязи копинг-стратегий и возраста, сделаны выводы, имеющие противоречивый характер, то в данном материале они не учитываются [9, с. 75].

Первоначально определялось, соответствуют ли выборки требованиям по проведению факторного анализа (все признаки представлены в метрической шкале, причем их количество не меньше числа объектов, на один искомый фактор приходится три и более переменных [10, с. 251]). Кроме того, осуществлялась проверка по критериям КМО и сферичности Бартлетта [11, с. 47].

С учетом установленных гендерных различий [12, с. 79; 13, с. 68] в ходе исследования были сформированы четыре группы респондентов (здоровые мужчины-спортсмены, здоровые женщины-спортсмены, мужчины-паралимпийцы, женщины-паралимпийцы). В каждой из выборок был проведен факторный анализ.

Возможность его осуществления проверялась с помощью критериев КМО и сферичности Бартлетта. Также были установлены проценты объясненной дисперсии.

¹Об утверждении Единой спортивной классификации Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление М-ва спорта и туризма Респ. Беларусь от 31 авг. 2018 г. № 61. URL: <http://rtss.by/index.php/486-utverzhdjena-novaya-edinaya-sportivnaya-klassifikatsiya-respubliki-belarus> (дата обращения: 05.06.2020).

Критерий КМО показывает применимость имеющихся данных для проведения факторного анализа (адекватность выборки), т. е. насколько хорошо полученная факторная модель описывает структуру ответов респондентов на анализируемые вопросы. Результаты такого теста варьируются в интервале от 0 (факторная модель абсолютно невозможна) до 1 (факторная модель идеально описывает структуру данных). Факторный анализ следует считать пригодным, если КМО находится в пределах от 0,5 до 1. Так, в группе здоровых мужчин-спортсменов КМО равен 0,702; в группе здоровых женщин-спортсменов – 0,651; в группе мужчин-паралимпийцев – 0,675; в группе женщин-паралимпийцев – 0,490. Приведенные данные свидетельствуют о пригодности применения факторного анализа.

Критерий сферичности Бартлетта вычисляет многомерную нормальность выборки и проверяет гипотезу о том, что переменные, участвующие

в факторном анализе, не коррелируют между собой. Пригодность факторного анализа (по тесту Бартлетта) определяется значимостью (если ее уровень ниже 0,05, то проведение факторного анализа приемлемо). В данном примере факторный анализ применим, поскольку значимость по всем группам меньше 0,001.

В соответствии с критерием отсеивания Кеттела могут применяться три или пять факторов (исходя из представленных графиков собственных значений), а согласно критерию Кайзера – не более четырех факторов, так как только четыре компонента имеют собственные значения более 1. В итоге была установлена четырехфакторная структура, при этом объем объясненной дисперсии в группе здоровых мужчин-спортсменов составил 57,431 %, в группе мужчин-паралимпийцев – 60,672 %, в группе здоровых женщин-спортсменов – 54,314 %, в группе женщин-паралимпийцев – 63,630 % (табл. 1–4).

Результаты и их обсуждение

Проведенные исследования с применением опросника COPE свидетельствовали о гендерных различиях по отдельным факторам [12, с. 90], что подтвердилось в результате данного исследования.

Факторная структура копинг-стратегий здоровых мужчин-спортсменов (см. табл. 1). В фактор *планирование, центрированное на проблеме*, включены переменные F15, F14, F5, F10, которые, с учетом данных, определенных для каждой из шкал этого фактора, указывают на то, что респонденты, оказавшись в трудной жизненной ситуации, должны обдумывать свои действия, разрабатывать стратегии поведения, избегать отвлечения на другие виды дея-

тельности или игнорировать их, совершать активные шаги или прямые действия, направленные на преодоление стрессовых ситуаций. В соответствии с оригинальной методикой К. Карвера, М. Шейера, Дж. Вейнтрауба стратегия *сдерживание* имеет двоякий смысл (может быть как активной, так и пассивной). В данном случае она находится в активной позиции, которая предполагает, что респондент ждет подходящего момента для того, чтобы более эффективно справиться со стрессором. Таким образом, названный фактор описывает активное поведение в проблемной ситуации (респонденты будут действовать и решать возникшие проблемы).

Таблица 1

Факторная структура копинг-стратегий на основе повернутой матрицы компонентов здоровых мужчин-спортсменов

Table 1

Factor structure of coping strategies based on a rotated matrix of components healthy men-athletes

Копинг-стратегии		Факторы			
		Планирование, центрированное на проблеме	Когнитивно-поведенческий уход	Поиск социальной поддержки	Позитивное переформулирование
F15	Планирование	0,790	–	–	–
F14	Подавление конкурирующей деятельности	0,783	–	–	–
F5	Активное совладание	0,678	–	–	–
F10	Сдерживание	0,515	0,512	–	–
F2	Мысленный уход от проблемы	–	0,707	–	–
F9	Поведенческий уход от проблемы	–	0,691	–	–

Копинг-стратегии		Факторы			
		Планирование, центрированное на проблеме	Когнитивно-поведенческий уход	Поиск социальной поддержки	Позитивное переформулирование
F6	Отрицание	–	0,676	–	–
F13	Принятие	–	0,471	–	–
F11	Использование эмоциональной социальной поддержки	–	–	0,825	–
F4	Использование инструментальной социальной поддержки	–	–	0,722	–
F3	Концентрация на эмоциях и их активное выражение	–	–	0,648	–
F12	Использование «успокоительных»	–	–	0,446	–
F7	Обращение к религии	–	–	0,433	–
F8	Юмор	–	–	–	0,880
F1	Позитивное переформулирование и личностный рост	–	–	–	0,809
Объем объясненной дисперсии, %		16,424	15,349	14,065	11,593

Фактор *когнитивно-поведенческий уход* содержит переменные F2, F9, F6 и F13, которые связаны с принятием – непринятием проблемы. Хорошим способом для переключения внимания и отвлечения от неприятных мыслей, связанных с трудной ситуацией, является использование различных видов активности, а также фантазирование и сон. Респонденты могут отказываться от достижения цели, многие не хотят верить в случившееся или пытаются отрицать его реальность. В целом данный фактор указывает на бессознательную защитную реакцию на стресс, уход от проблемы, отказ от принятия факта существования сложной ситуации. В оригинальной англоязычной методике копинг-стратегия *принятие* противопоставляется копинг-стратегии *отрицание*, однако в русскоязычной версии копинг-стратегия *принятие* описывает пассивность и смирение респондентов, следовательно, согласуется с копинг-стратегиями, предполагающими мысленный или поведенческий уход от проблемы.

Фактор *поиск социальной поддержки* состоит из переменных F11, F4, F3, F12 и F7.

На основании представленных данных можно сказать, что респонденты концентрируются на неприятных эмоциях, но в то же время стремятся найти эмоциональную (моральную) поддержку, сочувствие и понимание со стороны окружающих, желают получить от них совет, помощь или информацию.

В некоторых случаях наилучшим способом избежать проблемы и улучшить самочувствие опрошенные считают принятие алкоголя, лекарственных средств или наркотиков, а также обращение к религии (вере). Таким образом, этот фактор предполагает, что респонденты, находясь в стрессовой ситуации, ищут помощи во внешних источниках.

Фактор *позитивное переформулирование* включает в себя переменные F8 и F1, которые указывают на то, что участники исследования пытаются переосмыслить свое отношение к стрессовой ситуации, стараются воспринимать ее положительно, со смехом, шутить над ней. Некоторые могут извлечь опыт из произошедшего.

Факторная структура копинг-стратегий мужчин-паралимпийцев (см. табл. 2). В фактор *планирование, центрированное на проблеме*, включены те же переменные, что и в аналогичный фактор в группе здоровых мужчин-спортсменов. Мужчины-паралимпийцы также активно реагируют на стрессовую ситуацию, планируют и предпринимают действия по преодолению, при этом подавляют другую деятельность, не связанную с возникшей проблемой и отвлекающую от нее. Вместе с тем копинг-стратегия *сдерживание* указывает на обдуманность действий, а не на поспешное реагирование.

Фактор *поиск социальной поддержки* представлен переменными F11, F4, F3, F7, F9, F2. Наряду с ведущими

переменными (они те же, что и в группе здоровых мужчин-спортсменов) данный фактор включает в себя переменные ухода от проблемы и игнорирования ее, обращения к вере. Таким образом, задается специфика копинг-реагирования мужчин-паралимпийцев, которая характеризуется сочетанием потребности во внешней поддержке с нежеланием решать проблему, а также упованием на высшие силы и другую помощь.

В фактор *позитивное переформулирование* входят переменные F8, F13 и F1. Он соответствует аналогич-

ному фактору, представленному в группе здоровых мужчин-спортсменов. Однако процент объясненной дисперсии поставил этот фактор на третье место по значимости. Таким образом, мужчины-паралимпийцы в большей степени, чем здоровые мужчины-спортсмены, нуждаются в социальной поддержке. Вместе с тем у мужчин-паралимпийцев менее выражено положительное восприятие ситуации, чем у здоровых мужчин-спортсменов. Возможно, это связано с существующей высокой потребностью у людей с инвалидностью утвердиться в обществе.

Таблица 2

Факторная структура копинг-стратегий на основе повернутой матрицы компонентов мужчин-паралимпийцев

Table 2

Factor structure of coping strategies based on a rotated matrix of components men-paralympians

Копинг-стратегия		Факторы			
		Планирование, центрированное на проблеме	Поиск социальной поддержки	Позитивное переформулирование	Когнитивный уход
F15	Планирование	0,833	–	–	–
F5	Активное совладание	0,826	–	–	–
F14	Подавление конкурирующей деятельности	0,606	–	–	–
F10	Сдерживание	0,603	–	–	0,432
F11	Использование эмоциональной социальной поддержки	–	0,761	–	–
F4	Использование инструментальной социальной поддержки	0,444	0,674	–	–
F3	Концентрация на эмоциях и их активное выражение	–	0,646	–	–
F7	Обращение к религии	–	0,617	–	–
F9	Поведенческий уход от проблемы	–	0,538	–	0,413
F2	Мысленный уход от проблемы	–	0,527	–	–
F8	Юмор	–	–	0,818	–
F13	Принятие	–	–	0,780	–
F1	Позитивное переформулирование и личностный рост	0,547	–	0,605	–
F12	Использование «успокоительных»	–	–	–	0,781
F6	Отрицание	–	–	–	0,668
Объем объясненной дисперсии, %		19,014	17,277	12,296	12,085

Фактор *когнитивный уход* содержит переменные F12 и F6. Он характеризуется уходом от решения проблемы с помощью непродуктивных стратегий, препятствующих эффективному поведению. Наименьшее значение объясненной дисперсии показывает, что появление копинг-стратегий *использование «успокоительных»* и *отрицание* в реакции мужчин-паралимпийцев маловероятно.

Факторная структура копинг-стратегий здоровых женщин-спортсменов (см. табл. 3). Фактор *когнитивно-поведенческий уход* состоит из переменных F13, F10, F2, F9, F6 и F12. Их факторная структура включает поведенческий и мысленный уход от слож-

ной ситуации, но более весомыми являются стратегии, связанные с осознанием реальности проблемы, решать которую следует спустя время, не предпринимая слишком поспешных и импульсивных действий. Однако можно предположить, что переменная *сдерживание* выступает как пассивная стратегия. Более того, в данном факторе можно заметить дихотомичность, поскольку стратегии *принятие* и *отрицание*, будучи противоположными по сути, имеют положительную нагрузку. Данное явление можно объяснить состоянием растерянности индивида (когда он признает реальность стрессора, но в то же время отказывается верить в его существование).

Таблица 3

Факторная структура копинг-стратегий на основе повернутой матрицы компонентов здоровых женщин-спортсменов

Table 3

Factor structure of coping strategies based on a rotated matrix of components healthy women-athletes

Копинг-стратегии		Факторы			
		Когнитивно-поведенческий уход	Планирование, центрированное на проблеме	Поиск социальной поддержки	Позитивное переформулирование
F13	Принятие	0,675	–	–	–
F10	Сдерживание	0,622	–	–	–
F2	Мысленный уход от проблемы	0,584	–	–	–
F9	Поведенческий уход от проблемы	0,572	–	–	–
F6	Отрицание	0,568	–	–	–0,415
F12	Использование «успокоительных»	0,537	–	–	–
F15	Планирование	–	0,718	–	–
F14	Подавление конкурирующей деятельности	–	0,716	–	–
F5	Активное совладание	–	0,709	–	–
F7	Обращение к религии	–	0,462	–	–0,497
F4	Использование инструментальной социальной поддержки	–	–	0,833	–
F11	Использование эмоциональной социальной поддержки	–	–	0,826	–
F3	Концентрация на эмоциях и их активное выражение	–	–	0,596	–
F1	Позитивное переформулирование и личностный рост	–	–	–	0,715
F8	Юмор	–	–	–	0,661
Объем объясненной дисперсии, %		15,548	14,230	13,266	11,270

В фактор *планирование, центрированное на проблеме*, включены переменные F15, F14, F5 и F7, значения которых говорят о том, что данный фактор, в целом сохраняющий свое содержание как активный, дополнен копинг-стратегией, описывающей обращение к вере, высшим силам. Положительная корреляция этого фактора свидетельствует о некотором духовном настрое респондентов на благоприятное разрешение проблемы.

Фактор *поиск социальной поддержки* представлен переменными F4, F11 и F3. Он соответствует аналогичному фактору, описанному в группе здоровых мужчин-спортсменов, однако респонденты данной группы (здоровые женщины-спортсмены) ориентированы на поиск поддержки исключительно от других индивидов. Изменение их внутреннего состояния происходит в результате взаимодействия с людьми, а не при употреблении алкоголя, медикаментов или обращении к религии, как это делают мужчины.

Фактор *позитивное переформулирование* включает переменные F1, F8 и F7, F6. Две основные переменные, являясь важными и формируя данный фактор, характеризуются отказом от опоры на внешние силы и принятие реальности происходящего. Исходя из совокупности данных представленной структу-

ры, можно сделать вывод о том, что здоровым женщинам-спортсменам сложнее принимать стрессовую ситуацию, поскольку наибольший вес имеет фактор, связанный с неприятием и уходом от проблемы. Чем сильнее фактор характеризуется спокойным и продуктивным принятием ситуации, тем слабее его вес.

Таким образом, факторная структура копинг-стратегий здоровых женщин-спортсменов существенно отличается от копинг-стратегий здоровых мужчин-спортсменов, однако имеет сходство с женщинами-паралимпийцами (см. табл. 4), что согласуется с ранее проведенными исследованиями, в которых были выявлены гендерные различия в выборках как здоровых спортсменов, так и паралимпийцев.

Факторная структура копинг-стратегий женщин-паралимпийцев (см. табл. 4). Фактор *планирование, центрированное на проблеме*, кроме переменных F15, F14, F5, имеющих наибольшую значимость и выражающих стремление респондентов к достижению цели, направленное на борьбу со стрессором, осознание реальности проблемы и ее серьезность, определяет также переменные F9, F6 и F8 с отрицательным весом, которые указывают на сосредоточенность и упорство участников данной группы в преодолении сложной ситуации.

Таблица 4

Факторная структура копинг-стратегий на основе повернутой матрицы компонентов женщин-паралимпийцев

Table 4

Factor structure of coping strategies based on a rotated matrix of components women-paralympians

Копинг-стратегии		Факторы			
		Планирование, центрированное на проблеме	Поиск эмоциональной и социальной поддержки	Позитивное переформулирование	Когнитивно-поведенческий уход
F15	Планирование	0,901	–	–	–
F14	Подавление конкурирующей деятельности	0,847	–	–	–
F9	Поведенческий уход от проблемы	–0,637	–	–	–
F5	Активное совладание	0,622	–	–	–
F6	Отрицание	–0,591	–	–	–
F11	Использование эмоциональной социальной поддержки	–	0,846	–	–
F7	Обращение к религии	–	0,768	–	–
F4	Использование инструментальной социальной поддержки	–	0,718	–	–

Копинг-стратегии		Факторы			
		Планирование, центрированное на проблеме	Поиск эмоциональной и социальной поддержки	Позитивное переформулирование	Когнитивно-поведенческий уход
F3	Концентрация на эмоциях и их активное выражение	–	0,504	0,422	–
F13	Принятие	–	–	0,806	–
F1	Позитивное переформулирование и личностный рост	–	–	0,614	–0,417
F8	Юмор	–0,400	–0,395	0,545	
F12	Использование «успокоительных»	–	–	0,512	0,678
F10	Сдерживание	–	–	–	0,655
F2	Мысленный уход от проблемы	–	–	–	0,602
Объем объясненной дисперсии, %		20,650	16,886	13,419	12,675

Фактор *поиск эмоциональной и социальной поддержки* содержит переменные F11, F7, F4, F3 и F8 (с отрицательным значением). В данном факторе наибольший вес приобретает эмоциональное восприятие ситуации (респонденты выражают свое внутреннее состояние преимущественно в негативном ключе, нуждаются в обращении к вере, в помощи или совете и серьезно относятся к проблеме).

Фактор *позитивное переформулирование* представлен переменными F13, F1, F8. Он аналогичен фактору, описанному в группе здоровых женщин-спортсменов. Данный фактор свидетельствует не только о том, что из неудачного опыта можно из-

влечь выгоду, но и с учетом значения переменной *принятие* показывает реалистичность восприятия проблемной ситуации, причем с положительной стороны.

В фактор *когнитивно-поведенческий уход* включены переменные F12, F10, F2 и F1 (с отрицательным значением). Его содержание схоже с содержанием фактора, описанного в группе здоровых женщин-спортсменов. Значение переменных в данном факторе имеет меньший вес, чем в аналогичном факторе в группе здоровых женщин-спортсменов, что указывает на желание у респондентов справиться с проблемной ситуацией, разрешить ее, т. е. активно противодействовать

Типы факторов в факторной структуре копинг-стратегий в группах здоровых спортсменов и паралимпийцев с учетом гендера

Types of factors in the factor structure of coping strategies in the groups by gender of healthy athletes and paralympians

ей. Таким образом, женщинам, а особенно женщинам-паралимпийцам, по сравнению с мужчинами (как здоровыми спортсменами, так и паралимпийцами), свойственен целеустремленный, сосредоточенный подход в преодолении проблемной ситуации.

На рисунке представлены в иерархическом порядке особенности факторной структуры в каждой из исследованных групп.

В группах здоровых спортсменов (мужчин и женщин) наиболее весомыми являются когнитивно-поведенческие переменные, при этом копинг-стратегии поведенческого типа (*активное совладание, подавление конкурирующей деятельности* и др.) с продуктивной направленностью (помогает справиться с проблемной ситуацией) свойственны мужчинам,

у женщин сильнее выражены когнитивные переменные (*отрицание, мысленный уход от проблемы* и др.) с непродуктивной направленностью (не помогает справиться с проблемной ситуацией).

В группах паралимпийцев (мужчин и женщин) переменные поведенческого и эмоционального типов с положительной направленностью проявляются ярче, что указывает на более эмоциональное реагирование паралимпийцев при возникновении стрессовой ситуации. Полученные данные согласуются с положениями теории Лазаруса, с разделением копинг-стратегий на три типа: деятельностный, эмоциональный и когнитивный копинг, причем акцент делается на одном из этих типов.

Заключение

Таким образом, можно констатировать вполне определенные отличия психологической структуры между копинг-поведением паралимпийцев и здоровых спортсменов. Последние предпочитают либо активно действовать в сложившейся ситуации (фактор *планирование, центрированное на проблеме*), либо оставаться пассивными (фактор *когнитивно-поведенческий уход*), но при этом респонденты не концентрируются на негативных эмоциях и не погружаются в них, а замещают вопросы по решению проблемы любой другой деятельностью (отвлекаются и т. д.). Переключение внимания на иное занятие может сопровождаться положительными мыслями и эмоциями, что является характерной чертой группы здоровых спортсменов. Таким образом, у них не преобладают негативные эмоции, которые не нужно подавлять при возникновении отрицательных мыслей по поводу проблемы (факторы *поиск социальной поддержки* и *позитивное переформулирование*).

Спортсмены-паралимпийцы также имеют два варианта поведения, однако они отличаются от стратегий здоровых спортсменов. Первый вариант – это активные действия в борьбе со стрессором и адекватное принятие ситуации (факторы *планирование, центрированное на проблеме, и позитивное переформулирование*). Второй вариант поведения описан факторами *поиск эмоциональной и социальной поддержки* и *когнитивно-поведенческий уход*, что свидетельствует о преобладании негативных мыслей и эмоций в реагировании на стрессовую ситуацию, в результате чего возникает необходимость полно-

стью изменить реальность (отменить проблему, сделать вид, что ничего не произошло).

У здоровых спортсменов, таким образом, копинг происходит на действенном уровне и незначительно на эмоциональном, у паралимпийцев – преимущественно на мысленном и эмоциональном с негативным оттенком. Следовательно, факторная структура имеет свою специфику в каждой из выделенных групп.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. В группах здоровых мужчин-спортсменов в ситуации преодоления стресса преобладают поведенческие факторы, а в группах у здоровых женщин-спортсменов – эмоциональные и когнитивные с негативным оттенком, у паралимпийцев (как мужчин, так и женщин) – поведенческие и эмоциональные.

2. Здоровые мужчины-спортсмены, равно как и мужчины-паралимпийцы, более оптимистичны, могут использовать юмор и бороться со стрессом посредством действия, в отличие от женщин, которые более склонны к негативному восприятию или отрицанию проблемной ситуации (при этом у здоровых женщин-спортсменов это более выражено, чем у женщин-паралимпийцев).

3. У здоровых спортсменов (как мужчин, так и женщин) в приоритете остается поведенческий характер в преодолении стрессовой ситуации, у паралимпийцев – эмоциональный (у женщин) и когнитивный (как у мужчин, так и у женщин).

Библиографические ссылки

1. Махов АС. *Адаптивный спорт в России и за рубежом: становление, организация, регулирование*. Москва: РУДН; 2011. 196 с.
2. Маклаков АГ. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях. *Психологический журнал*. 2001;22(1):16–24.
3. Исаева ЕР. *Копинг-поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни*. Санкт-Петербург: СПбГМУ; 2009. 136 с.

4. Леонтьев ДА. Развитие личности в норме и затрудненных условиях. *Культурно-историческая психология*. 2014;10(3):97–106.
5. Гордеева ТО, Осин ЕН, Рассказова ЕИ, Сычев ОА, Шевяхова ВЮ. Диагностика копинг-стратегий: адаптация опросника COPE. В: Крюкова ТЛ, Сапоровская МВ, Хазова СА, редакторы. *Психология стресса и совладающего поведения в современном российском обществе. Материалы II Международной научно-практической конференции; 23–25 сентября 2010 г.; Кострома, Россия. Том 2*. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова; 2010. с. 195–197.
6. Моросанова ВИ, Бондаренко ИН. *Диагностика саморегуляции человека*. Шапошникова ОВ, редактор. Москва: Когито-Центр; 2015. 304 с.
7. Сладкова НА, автор-составитель. *Функциональная классификация в паралимпийском спорте*. Москва: Советский спорт; 2011. 160 с.
8. Carver CS, Scheier MF, Weintraub JK. Assessing coping strategies: a theoretically based approach. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989;56(2):267–283. DOI: 10.1037/0022-3514.56.2.267.
9. Крюкова ТЛ. *Психология совладающего поведения*. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова; 2010. 343 с.
10. Наследов АД. *Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных*. Санкт-Петербург: Речь; 2004. 392 с.
11. Дорогонько ЕВ. *Обработка и анализ социологических данных с помощью пакета SPSS*. Сургут: СурГУ; 2010. с. 83–95.
12. Гаранян НГ, Иванов ПА. Апробация опросника копинг-стратегий (COPE). *Психологическая наука и образование*. 2010;15(1):82–93.
13. Шестиловская НА. Особенности использования копинг-стратегий спортсменами различной квалификации. *Право. Экономика. Психология*. 2018;3(10):67–73.

References

1. Makhov AS. *Adaptivnyi sport v Rossii i za rubezhom: stanovlenie, organizatsiya, regulirovanie* [Adaptive sport in Russia and abroad: formation, organization, regulation]. Moscow: RUDN University; 2011. 196 p. Russian.
2. Maklakov AG. The personal adaptive potential: its mobilization and prognostication in extreme conditions. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2001;22(1):16–24. Russian.
3. Isaeva ER. *Koping-povedenie i psikhologicheskaya zashchita lichnosti v usloviyakh zdorov'ya i bolezni* [Coping-behavior and psychological protection of the individual in conditions of health and disease]. Saint Petersburg: Pavlov First Saint Petersburg State Medical University; 2009. 136 p. Russian.
4. Leontiev DA. Personality development in normal and complicated conditions. *Cultural-Historical Psychology*. 2014;10(3):97–106. Russian.
5. Gordeeva TO, Osin EN, Rasskazova EI, Sychev OA, Shevyakhova VYu. [Measurement of coping strategies: the Russian adaptation of COPE test]. In: Kryukova TL, Saporovskaya MV, Khazova SA, editors. *Psikhologiya stressa i sovladayushchego povedeniya v sovremennom rossiiskom obshchestve. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 23–25 sentyabrya 2010 g.; Kostroma, Rossiya. Tom 2* [Psychology of stress and coping behavior in modern Russian society. Materials of the II International scientific-practical conference; 2010 September 23–25; Kostroma, Russia. Volume 2]. Kostroma: Kostroma State University named after N. A. Nekrasova; 2010. p. 195–197. Russian.
6. Morosanova VI, Bondarenko IN. *Diagnostika samoregulyatsii cheloveka* [Diagnostics of human self-regulation]. Sha-poshnikova OV, editor. Moscow: Kogito-Center; 2015. 304 p. Russian.
7. Sladkova NA, author-compiler. *Funktsional'naya klassifikatsiya v paralimpiiskom sporte* [Functional classification in Paralympic sport]. Moscow: Sovetskii sport; 2011. 160 p. Russian.
8. Carver CS, Scheier MF, Weintraub JK. Assessing coping strategies: a theoretically based approach. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989;56(2):267–283. DOI: 10.1037/0022-3514.56.2.267.
9. Krukova TL. *Psikhologiya sovladayushchego povedeniya* [Psychology of coping behavior]. Kostroma: Kostroma State University named after N. A. Nekrasova; 2010. 343 p. Russian.
10. Nasledov AD. *Matematicheskie metody psikhologicheskogo issledovaniya. Analiz i interpretatsiya dannykh* [Mathematical methods of psychological research. Data analysis and interpretation]. Saint Petersburg: Rech'; 2004. 392 p. Russian.
11. Dorogonko EV. *Obrabotka i analiz sotsiologicheskikh dannykh s pomoshch'yu paketa SPSS* [Processing and analysis of sociological data using the SPSS package]. Surgut: Surgut State University; 2010. p. 83–85. Russian.
12. Garanyan NG, Ivanov PA. Validation of the coping strategies questionnaire COPE. *Psychological Science and Education*. 2010;15(1): 83–95. Russian.
13. Shestilovskaya NA. Features of using coping strategies by athletes of different. *Pravo. Economica. Psychologia*. 2018;3(10):67–73. Russian.

Статья поступила в редколлегию 16.06.2020.
Received by editorial board 16.06.2020.

УДК 316.642

ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК О СТАРЕНИИ В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

К. И. ТАТАРКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлены характеристики социальных установок о старении в период поздней взрослости. Объясняются причины их выбора индивидом, для которого они становятся ориентиром в формировании восприятия собственного старения и отношения к нему. Социальные установки о старении отличаются выраженной представленностью характеристик когнитивного компонента и включают описание внешности и изменений в организме, общественной активности, взаимоотношений с окружающими, личностные особенности индивида, мировосприятие, ощущение/переживание возрастных изменений. Особенности данного процесса искусственно гиперболизированы. Изучение социальных установок о старении позволит сформулировать рекомендации по индивидуальному прохождению этого периода.

Ключевые слова: старение; социальная установка; социальная установка о старении; поздняя взрослость.

Благодарность. Автор статьи выражает благодарность кандидату психологических наук, доценту О. Г. Ксёнде за оказываемую помощь в процессе написания статьи.

CHARACTERISTICS OF ATTITUDES ABOUT AGING IN LATE ADULTHOOD

K. I. TATARKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article presents the characteristics of attitudes about aging in late adults and the reasons why individuals choose certain characteristics. Attitudes become a reference point for an individual in forming his or her own attitude and perception of aging. Social attitudes about aging are characterised by a pronounced representation of cognitive component characteristics. Includes a description of the appearance and changes in the body, social activity, relationships with others, personality traits of the individual, worldview, feeling/experience of age changes. The features of this process are artificially hyperbole. The study of attitudes towards aging will make it possible to formulate recommendations for individual passage through this period.

Keywords: aging; attitudes; attitude towards aging; late adulthood.

Acknowledgements. I express my gratitude to PhD (psychology), docent O. G. Ksionda for the assistance provided in the writing of article.

Образец цитирования:

Татарко КИ. Характеристики социальных установок о старении в период поздней взрослости. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;1:97–104.

For citation:

Tatarko KI. Characteristics of attitudes about aging in late adulthood. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;1:97–104. Russian.

Автор:

Кристина Игоревна Татарко – аспирантка кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент О. Г. Ксёнда.

Author:

Kristina I. Tatarko, postgraduate student at the department of social and organizational psychology, faculty of philosophy and social sciences.
tatarko78@mail.ru

Введение

Понятие «старение человека» представляет собой совокупность биологических, социальных и психологических составляющих с различной степенью выраженности.

Как правило, *биологическая составляющая старения* выражается в изменении внешнего вида и ухудшении работы физиологических систем организма в связи с частичной или полной утратой его детородной функции. Признаки старения начинают проявляться в период средней зрелости (от 40 до 60 лет), однако наиболее выраженными они становятся в период поздней зрелости (от 60 лет), который в основном ассоциируется со старением. Кожа лишается упругости и плотности, что приводит к появлению морщин как на лице, так и на теле. Наблюдается утрата волос на голове, потеря их пигментации. Кости становятся менее эластичными (следствием чего является развитие остеохондроза), осанка сгорбленной, часто передвижение возможно лишь с помощью подручных средств. В связи с нарушением функционирования физиологических систем появляются различные заболевания опорно-двигательной, кровеносной, дыхательной, пищеварительной, выделительной, эндокринной, покровной и нервной систем [1; 2].

Социальная составляющая старения характеризуется изменением общественных ролей и статуса индивида по достижению им пенсионного возраста [1]. Однако пенсионер может принять решение остаться в профессии (при этом государственные выплаты ему сохраняются). Необходимо отметить, что в большинстве случаев работодатели ориентированы на представителей определенной возрастной группы, чаще всего на индивидов, находящихся в периодах ранней и средней зрелости. К числу распространенных явлений в сфере труда относится возрастная дискриминация [3].

Вследствие увеличения продолжительности жизни и развития информационных технологий общественная роль представителя периода поздней зрелости размыта, наблюдается определенная социальная исключенность этой возрастной группы [4; 5].

Психологическая составляющая старения проявляется в переживании человеком собственных возрастных изменений и реакции на них [1]. Индивидуальное восприятие и ощущение возрастных изменений определяются с учетом объективных и субъективных факторов [6].

К объективным факторам относятся образ жизни, среда обитания, питание, культура, уровень обра-

зования, профессия [7; 8], к субъективным – личностные особенности самого человека, его активность, удовлетворенность, самооценка, интересы за пределами работы [9; 10].

Однако индивид может ощущать себя стареющим и при отсутствии биологических изменений, поскольку идентифицирует у себя черты, свойственные пожилому человеку. Такие черты транслируются обществом.

Социальные установки являются ориентиром в восприятии и оценке индивидом собственного старения, характеризуются предрасположенностью к упрощенному, устойчивому и обобщенному восприятию, оцениванию и выстраиванию моделей поведения в отношении процесса старения. Следовательно, социальные установки включают *когнитивные, аффективные и поведенческие компоненты*.

Изучение характеристик социальных установок о старении, в том числе синонимичных ему понятий (старость, пожилые, пенсионеры), сопровождается выявлением их признаков и наделением валентностью.

Большинство образов старения представлены негативными, непривлекательными и порицаемыми характеристиками [11–18], а возрастные изменения преувеличены [11].

Категории «пожилой», «старый», «старение», как правило, ассоциируются в обществе с индивидами, у которых наблюдается ухудшение умственных способностей и памяти, эти люди считаются больными, одинокими, скучными, они частично или полностью утрачивают навыки самообслуживания, у многих появляются финансовые проблемы [11; 13; 15; 19]. Также наблюдается угасание и деструктивные изменения организма [20], некоторые становятся беспомощными. Таким образом, стареющим людям приписываются нежелательные качества.

В связи с преобладанием неблагоприятных признаков старения индивиды не хотят вступать в период поздней зрелости [12].

Однако исследователи указывают и на наличие социально позитивных качеств (в частности, умный, мудрый, интересный, добрый). Такие отрицательные и положительные признаки создают смешанный образ человека, находящегося в периоде поздней зрелости, и вызывают двойное отношение к нему [14–16; 19; 21].

Следовательно, образ старения представлен многочисленными характеристиками, структура которых, однако, отсутствует.

Материалы и методы исследования

Цель исследования – выявить социальные установки о старении в период поздней зрелости. На начальном этапе было проведено пилотажное исследование, направленное на определение носителя социальных установок, формулировку гипотез

и подготовку методического инструментария для проведения основного этапа исследования.

Выборку составили 219 человек, из них 125 лиц ранней зрелости (от 18 до 37 лет), 64 представителя средней зрелости (от 40 до 59 лет), 30 респондентов

поздней взрослости (от 60 до 96 лет). В качестве метода предварительного этапа исследования были выбраны незаконченные предложения, прошедшие экспертную оценку. Поскольку результаты в трех возрастных группах были схожими, то основной этап исследования ориентирован на представителей поздней взрослости как носителей социальных установок. Кроме того, в связи с изменениями в организме и завершением профессиональной деятельности переживание старения у лиц этой группы более выражено по сравнению с лицами двух других групп.

Основной метод исследования – полуструктурированное интервью, вопросы которого прошли экспертную оценку. Данный метод позволяет более детально раскрыть характеристики социальных установок о старении (для пенсионеров более доступна и привычна устная речь). Вопросы интервью были направлены на выявление социальных установок о старении, социально-демографических и социально-личностных характеристик, к которым относятся пол, возраст, проживание (город, деревня, дом престарелых, квартира), образование, наличие профессиональной деятельности, семейное положение (вдовец, вдова, женат/замужем, холост/не замужем), субъективная оценка собственного здоровья (описание самочувствия), субъективное экономическое

благополучие, цели, приоритеты, увлечения, планы, опасения.

Объем выборки определялся на основе принципов теоретического насыщения и соответствовал требованиям, предъявленным к качественным методам. Выборку составили 36 человек. Опросник включал 236 характеристик социальных установок о старении, которые содержат слова, предложения, рассуждения. Возрастной диапазон интервьюированных можно разделить на три группы: 60–70 лет (66,7 %), 70–80 лет (13,9 %), 80–90 лет (19,4 %). Самой многочисленной является первая возрастная группа, что объясняется наибольшей частотой ее представленности. Также в исследовании принимали участие лица в возрасте от 90 до 96 лет, однако их ответы при анализе данных не рассматривались, поскольку респонденты не всегда правильно понимали суть вопросов, акцентировали внимание в основном на прошедших событиях.

Объем эмпирического материала включал 36 интервью общей продолжительностью 20 ч 32 мин 13 с, одно из которых велось под запись без использования диктофона (322 страницы транскриптов).

Статистическая обработка данных осуществлялась с применением качественного и количественного контент-анализа.

Результаты и их обсуждение

Социальные установки о старении состояли из характеристики когнитивного (191 высказывание, 80,9 %), аффективного (16 высказываний, 6,7 %) и поведенческого компонентов (29 высказываний, 12,3 %). Преобладающая роль принадлежит характеристикам когнитивного компонента, так как респонденты в своих ответах в большей степени ориентировались на образ старения и упоминали его признаки. Эмоциональное отношение к старению и связанное с ним поведение встречались реже. Далее более детально рассмотрены компоненты социальных установок о старении.

Когнитивный компонент социальных установок о старении. Характеристики когнитивного компонента были разделены на три группы: биологическую (98 высказываний, 51,3 %), социальную (22 высказывания, 11,5 %), психологическую (71 высказывание, 37,1 %). Такое разделение обусловлено тем, что упоминаемые интервьюированными характеристики соответствуют составляющим процесса старения. К биологической группе относились признаки, связанные с внешним видом индивида и особенностями функционирования физиологических систем его организма; к социальной – характеристики, подчеркивающие общественные отношения; к психологической – параметры, определяющие ощущение/переживание индивидом возрастных изменений, его мировосприятие, личностные особенности.

Большая часть характеристик когнитивного компонента социальных установок о старении входят в *биологическую группу*, состоящую из описания интервьюированными внешности (40 высказываний, 40,8 %) и изменений в организме (58 высказываний, 59,1 %).

Образ старения в контексте внешности включает следующие особенности:

- изменения тела (18 высказываний, 45 %): *морщины, седые волосы, зубы вставные, обвисшее лицо;*
- специфику движений (5 высказываний, 12,5 %): *хромота, передвижение с помощью палочки, в движениях появляется медлительность;*
- элементы одежды, наличие протезов (4 высказывания, 10 %): *платочек, зубы вставные;*
- эмоциональные проявления (4 высказывания, 10 %): *грустный вид, старение видно в глазах, глаза тусклые, желанием не светятся;*
- процесс внешних изменений (9 высказываний, 22,5 %): *вначале человек красивый, потом лысеет, сгибается, затем на лавочке сидит; становится не такой, как раньше, происходят изменения рук, лица, меняется стиль в одежде.*

Интервьюированные, описывая отличительные внешние черты стареющего человека, убеждены (с учетом некоторых характеристик) в том, что индивид с возрастом теряет привлекательность, лишается прежних возможностей.

Образ старения определяется следующими изменениями в организме:

- потерей сил (11 высказываний, 19 %): *устаешь быстро, силы не те, слабость;*
- заболеваниями (15 высказываний, 25,8 %): *здоровье ухудшается, недостаточно работает сердце и печень, артроз, болезни проявляются, наблюдается гормональное снижение, можешь не встать, болезней много, высокое давление;*
- изнашиванием организма (18 высказываний, 31 %): *все изнашивается, усыхание, замедление, реакция пропадает, медленное погибание, угасание сексуальных возможностей, немогущий, нежизнеспособный, все процессы угасают, все опадает и теряется, спуск, замедление физических процессов;*
- сравнением с молодостью (3 высказывания, 5 %): *уже столько не сделаешь, как в молодости;*
- самим процессом изменений (6 высказываний, 10,3 %): *физические и внутренние изменения;*
- ухудшением работы психических процессов (5 высказываний, 8,6 %): *не все помнишь, замедление психических процессов, с головой бывают проблемы.*

В большей степени демонстрируется непривлекательность процесса старения, используются характеристики, подчеркивающие необратимость возрастных изменений. Старение сравнивается со смертью.

Характеристики когнитивного компонента, принадлежащие *психологической группе*, включают описание интервьюированными собственных переживаний возрастных изменений (31 высказывание, 35,6 %), мировосприятие (25 высказываний, 36,8 %), изменения в характере (9 высказываний, 13,2 %), взаимоотношения с окружающими (1 высказывание, 1,5 %) и социальную активность (2 высказывания, 3 %).

Образ старения в осмыслении собственного переживания возрастных изменений характеризуют следующие ответы респондентов: *чувствую, что здоровье ухудшается; чувствую себя ненужным; меня пугает, что буду приносить неудобства, когда заболею; состояние души и тела... все болит; тяжело двигаться; многое не можешь; вид такой, как у меня, – непривлекательный; ощущения, что менее динамичен; обрушивается груз с неправильными поступками и греховностью; появляется много свободного времени, и начинаешь анализировать по поводу своего самочувствия.*

Наблюдается личностное отождествление с признаками старения, т. е. интервьюированные говорят не об абстрактном человеке, а о себе. С учетом характеристик, выявленных в результате исследования, процесс старения у респондентов вызывает опасение частично или полностью потерять имеющиеся возможности. Старение доставляет внутренний дискомфорт и препятствует реализации в наиболее актуальных жизненных сферах, к которым относятся здоровье, социальная востребованность, личная независимость и внешняя привлекательность.

Образ старения с точки зрения мировосприятия представлен следующими высказываниями интервьюированных: *ничего не хочется; нежелание что-то менять; снижение интересов; трудно пережить все эти изменения в обществе; перестаешь мечтать; произошла переоценка в жизни; поняла, что ничего не сделала; человек просит смерти; прожил жизнь; сделал все, что нужно было, и больше не к чему стремиться; когда уже живешь, просто живешь; нет стремлений и возможностей; человеку уже все равно, жизнь прожита, все становится безразлично, после себя что-то оставляешь.*

Респонденты отождествляют старение с завершенностью жизни, когда все задачи выполнены, а новые не формируются, личностные интересы отсутствуют – и человек утрачивает смысл жизни. Причины такой убежденности можно объяснить низким уровнем самосознания индивида, который привык ориентироваться на общепризнанные нормы в выстраивании собственного жизненного пути. В социуме существуют четкие признаки, указывающие на прохождение периодов ранней и средней зрелости, к которым относится получение образования (высшего профессионального, среднего специального или начального профессионального), устройство на работу и выполнение профессиональных обязанностей, создание семьи, рождение и воспитание детей, приобретение собственного жилища, а также действия, направленные на сохранение жизнедеятельности (сон, еда, поддержание здоровья). По прохождению периода поздней зрелости социум не дает конкретных указаний.

Также образ старения определяется такими характеристиками, как изменения в характере *(многого раздражает; стареющий угрюм и негатив проявляет; умеет прощать; характер портится; человек замыкается в себе, и все ему не нравится; становишься мудрее; больше помогать хочется);* взаимоотношения с окружающими *(противоположный пол совершенно не волнует);* социальная активность *(никуда не хочется идти)*. Следовательно, процесс старения сопровождается не только проявлением возрастных изменений, которые отражаются во внешнем облике индивида и физиологической системе его организма, но и пересмотром отношения к определенным аспектам социальной жизни, приобретением иных личностных качеств.

Характеристики когнитивного компонента, относящиеся к *социальной группе*, представлены описанием взаимодействия с окружающими (8 высказываний, 38,1 %) и социальной активностью (13 высказываний, 61,9 %).

Так, образ старения во взаимосвязи с окружающими включает следующие характеристики: *при устройстве на работу на тебя смотрят как на отброс общества; сужается круг общения; нет понимания со своими родными; отсутствует внимание*

со стороны близких и окружающих; раньше к старому человеку было больше уважения.

Подчеркивается отрицательное отношение к стареющим людям, их не воспринимают как полноправных членов общества, также они социально не востребованы.

Образ старения в контексте социальной активности стареющего человека определяется следующими признаками: *все медленнее делаешь; угасание интересов; ничего не делаешь; нет возможностей; за собой человек уже ухаживать не может; наблюдение со стороны; некогда; пытается «догнать жизнь» (все успеть).*

Участники интервью убеждены, что стареющий утрачивает свои прежние социальные навыки.

Аффективный компонент социальных установок о старении. В рамках данного компонента определяется отношение к старению, которое может быть следующим:

- положительным (1 высказывание, 6,2 %): *старость свою нужно любить и пользоваться ее разумно;*
- нейтральным (2 высказывания, 12,5 %): *естественный процесс; это всех коснется, так заведено в природе;*
- отрицательным (13 высказываний, 81,2 %): *грустное, печальное чувство; это не радует; вызывает жалость; неприятно; сожаление об утраченной молодости и уходящей жизни; это страшно.*

Таким образом, участники исследования в основном негативно воспринимают процесс старения: данное явление вызывает у них грусть, печаль, жалость.

Поведенческий компонент социальных установок о старении. Данный компонент предполагает следующие модели поведения:

- отрицание признаков старения (7 высказываний, 24,1 %): *не задумываюсь; я не чувствую старение; хочется, чтобы его не было; про это не думаю; не узнаю себя в зеркале; никто не хочет стареть;*
- приспособление к процессу старения, принятие того образа старения, который транслируется в обществе (14 высказываний, 48,3 %): *это неизбежность и пора итоги подводить; необходимо подготавливать себя, свои грехи замаливать; сам себе человек внушает и говорит, что стареет; после 70 лет начинаешь доживать;*
- активную позицию по отношению к процессу старения, направленную на минимизирование проявлений признаков старения (6 высказываний, 20,6 %): *если делаешь физические упражнения, то становится лучше; необходимо искать положительные стороны, настраивать себя; стареть надо достойно: не ныть, что старая;*
- ожидания по отношению к старению (2 высказывания, 6,9 %): *старость должна быть в счастье; не дай бог ты не сможешь двигаться в той степени, которой хотел бы.*

Следует отметить, что у некоторых респондентов наблюдается несогласованность в характеристиках

когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов социальных установок о старении. Такая противоречивость в ответах обусловлена тем, что, с одной стороны, социальные установки усиливают страх неудовлетворенности значимых потребностей, с другой – предоставляют возможность их реализовать. Также расхождение объясняется психологической защитой, созданием иллюзорного ощущения комфорта, формированием собственной уникальности, страхом отождествления себя со стареющими категориями лиц.

По мнению большинства интервьюированных, старение проявляется после 60 лет (58,3 %). Другие респонденты считают, что его наступление зависит от собственных ощущений индивида, поэтому признаки старения могут быть свойственны разным возрастным группам (36,1 %). Небольшая часть опрошенных полагают, что старение начинается в 40 лет (5,6 %).

Выбор определенных характеристик социальных установок о старении обусловлен личностным интересом, потребностями или опасениями индивида.

Например, Нина П. (76 лет, проживает в деревне, замужем, дети и внуки часто приезжают) при описании собственного самочувствия упоминает об ухудшении здоровья и указывает конкретные признаки: *я неважная, позвоночник скривлен, вены, судороги целую ночь берут.* Она не видит положительных сторон в старении и полагает, что наступление старения неизбежно, в будущем желает себе здоровья. Она склонна считать, что пенсионеры в большинстве своем думают, как прожить, чтобы было здоровье. У женщины присутствует страх остаться недееспособной и быть обузой: *каких признаков старения я бы хотела избежать... чтобы не оказаться в постели, чтобы за тобой никто не ухаживал, чтобы не навязываться детям.*

Социальные установки о старении включают характеристики биологической (изменение в организме), социальной (социальная активность) и психологической (ощущение/переживание возрастных изменений) групп: *здоровья нет, все болит, за собой ухаживать уже не может.* Таким образом, проявляется акцентированность на самочувствии и самодостаточности.

Алла (61 год, не работает) все внимание сосредоточивает на внуках, именно они становятся ее целью в жизни: *каждый день хожу к детям/внукам, что-то приготовлю; в планах найти потом хорошую работу, когда вырастут внуки, а сейчас в планах только внуков смотреть; главное в жизни, чтобы у моих детей и внуков все было хорошо; радость одна – внуков смотреть; если бы я не была на пенсии, то я не знаю, как бы мои дети справлялись.* Одновременно с этим она говорит об уязвимости лиц позднего возраста: *кому ты такой большой нужен; положительных сторон нет; много примеров тех, кто не справляется в моем возрасте:*

умирают тяжело, нет интересов, тяжело устроиться на работу, так как государство ориентировано на более молодое поколение. Ей важно чувствовать причастность к обществу, собственную «полезность», не быть отвергнутой: важно знать, что ты ценен и к тебе можно обратиться; главное, когда кому-то сделаешь что-то хорошее; восхищаются пенсионеры, у которых есть интерес, которые приносят пользу; стареть не хочется, так как хочется быть моложе, чтобы ощущать, что ты нужен обществу и людям; пожелаю себе, чтобы меня не забывали и я была нужна. Из существующего перечня социальных установок о старении женщина выбирает характеристики, которые соответ-

ствуют ее приоритетам и опасениям: чувствую, что здоровье ухудшается; медленное погибание; человеку ничего не хочется; меня пугает, что я буду приносить неудобства какие-то, когда заболею, что за мной придется ухаживать; при устройстве на работу на тебя смотрят как на отброс общества.

Итак, транслируемый в социуме преимущественно негативный образ старения активизирует у интервьюированных опасения утратить прежнюю социальную жизнь и стать немощными. Приобретения воспринимаются как нереализованные ранее потребности, которые могут осуществиться в период поздней зрелости.

Заключение

Социальные установки о понятии «старение» становятся ориентиром в восприятии и оценке индивидуальным собственным процессом старения. Как правило, образ старения, наделенный отрицательными, нежелательными и порицаемыми характеристиками, формирует у человека страх возрастных изменений.

Социальные установки о старении отличаются выраженной представленностью характеристик когнитивного компонента, охватывающего большинство жизненных сфер индивида. Так, образ старения включает описание внешнего облика и изменений, происходящих в организме; социальную активность, взаимоотношения с окружающими; личностные особенности индивида, его мировосприятие, ощущение/переживание, связанное с возрастными изменениями. У большинства интервьюированных процесс старения ассоциируется с периодом поздней зрелости, поскольку, по их мнению, именно в этом возрастном периоде проявляются признаки старения.

Характеристики когнитивного компонента подчеркивают убежденность участников исследования в том, что стареющий человек лишается прежних возможностей, утрачивает определенные социальные навыки, становится невостребованным и недееспособным. У него снижается личностный интерес, его жизнь останавливается, он перестает планировать.

Несомненно, интервьюированные называли также и социально благоприятные признаки старения (представлены в минимальных количествах), которые описывались как приобретения: мудрость, умение прощать, появление свободного времени.

Характеристики аффективного компонента включают положительное, нейтральное и отрицательное отношение к старению (люди в основном негативно воспринимают этот процесс).

Для поведенческого компонента социальных установок о старении свойственны такие модели поведения, как отрицание, приспособление, решение вопроса, ожидание. У опрошенных чаще всего проявляется приспособление к процессу старения.

Полученные результаты опосредованы рядом причин.

1. Некоторым индивидам свойствен низкий уровень самосознания, т. е. они не могут найти себе признание на основе личных интересов, сильных сторон, способностей и особенностей. Такое явление может быть характерно и для лиц ранней и средней зрелости, когда индивид из-за низкой социальной активности или при осознании того, что какие-то жизненные сферы не реализованы, считает себя старым/стареющим и идентифицирует у себя признаки старения. Соответственно, старение ассоциируется у него с уменьшением социальной активности и снижением сил. Находясь в периоде поздней зрелости, в отличие от других возрастных периодов, индивид для организации своего жизненного пространства должен задействовать в большей степени личностный потенциал. Недостаток этого ресурса только усиливает приверженность индивида выбирать характеристики социальных установок, описывающие завершенность жизни, снижение активности и физических сил.

2. В зависимости от исторической эпохи, социальной ориентированности государства и его приоритетных направлений развития определяется отношение к старению. В современном обществе не в полной мере представлена информация о различных формах проявлений возрастных изменений, в том числе о прохождении периода поздней зрелости. Акцент в основном делается на темах о здоровье и внуках.

3. В ответах лиц поздней зрелости прослеживаются характеристики не только того, что человек утрачивает (силы, здоровье, признание, красоту, социальное окружение), но и того, что он приобретает с возрастом (уважение, отдых, жизненную мудрость), однако таких ответов мало. Также характеристики социальных установок о старении зависят от интересов индивида, его потребностей и опасений. Следовательно, при индивидуальной работе с представителями поздней зрелости необходимо обращать внимание на развитие личностных ресурсов инди-

вида, детально прорабатывать с ним варианты организации досуговой деятельности. Здесь важно учитывать, насколько опасения самого человека оказывают влияние на его социальные установки о старении и, следовательно, определяют его отношение к собственному старению.

Библиографические ссылки

1. Сапожникова ТИ. Социогеронтологическая характеристика пожилого возраста и старения как этапа жизненного цикла. *Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа.* 2015;4:166–171.
2. Курьшева ОВ. Телесные аспекты проявления возраста. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11. Естественные науки.* 2012;1:89–93.
3. Загорец ИВ. Возрастная дискриминация на рынке труда Республики Беларусь. *Труд. Профсоюзы. Общество.* 2011;1:22–25.
4. Александрова МД. *Проблемы социальной и психологической геронтологии.* Ленинград: Издательство Ленинградского университета; 1974. 136 с.
5. Кънева ИМ. Отношение к старению среди людей в ранней и средней взрослости. В: Стрижицкая ОЮ, редактор. *Психология XXI века: российская психология в контексте мировой науки. Материалы Международной научной конференции молодых ученых; 19–21 апреля 2016 г.; Санкт-Петербург, Россия.* Санкт-Петербург: СКИФИЯ-принт; 2016. с. 70–71.
6. Овсяник ОА. Адаптация женщин второго периода взрослости. *Социально-экономические явления и процессы.* 2011;11:341–344.
7. Стрижицкая ОЮ, Хункос-Рабдан О. Современные европейские направления исследований психологии старения. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика.* 2014;2:66–71.
8. Myint PK, Welch AA. Healthier ageing. *British Medical Journal (Clinical Research Edition).* 2012;344:e1214. DOI: 10.1136/bmj.e1214.
9. Шабалин ВН. Психология долгожительства. *Здравоохранение Российской Федерации.* 2014;58(1):3–6.
10. Молчанова ОН, Харитонов АВ. Личностные корреляты отношения к старости. В: Обухова ЛФ, Шаповаленко ИВ, Одинцова МА, редакторы-составители. *Горизонты зрелости. Сборник тезисов участников Пятой всероссийской научно-практической конференции по психологии развития; 16–18 ноября 2015 г.; Москва, Россия.* Москва: ГБОУ ВПО МГППУ; 2015. с. 579–582.
11. Смирнова ТВ. Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция. *Социологические исследования.* 2008;8:49–55.
12. Курашева ОВ. Социально-психологическое исследование возрастных стереотипов молодежи. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии.* 2010;2:105–116.
13. Микляева АВ. *Возрастная дискриминация как социально-психологический феномен.* Санкт-Петербург: Речь; 2009. с. 163.
14. Овсянникова НВ. Общественные представления о старости в пространстве культуры. *Международный научно-исследовательский журнал. Часть 2.* 2016;7(49):150–153. DOI: 10.18454/IRJ.2016.49.083.
15. Boduroglu A, Yoon C, Luo T, Park DC. Age-related stereotypes: a comparison of American and Chinese cultures. *Gerontology.* 2006;52:324–333. DOI: 10.1159/000094614.
16. Романьчев ИС. Социальные стереотипы в отношении пожилых: противоречия и тенденции. *Среднерусский вестник общественных наук.* 2013;1:64–68.
17. Hyde M, Nash P, Schneiders M. Global cultures of ageing: attitudes to ageing around the world. *Innovation in Aging.* 2018;2(1):73. DOI: 10.1093/geroni/igy023.273.
18. Пацакула ИИ, Хачикян ЕИ, Зайчикова ИВ. Социально-психологические особенности принятия старости. *Прикладная юридическая психология.* 2020;2(51):94–100. DOI: 10.33463/2072-8336.2020.2(51).094-100.
19. Calo TJ, Patterson MM, Decker WH. Employee perceptions of older workers' motivation in business, academia, and government. *International Journal of Business and Social Science.* 2013;4(2):1–10.
20. Овчинникова ЛВ. Психологическое состояние пожилого человека в период его выхода на пенсию. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование, здравоохранение, физическая культура.* 2012;8:22–27.
21. Cuddy AJ, Norton MI, Fiske ST. This old stereotype: the pervasiveness and persistence of the old age stereotype. *Journal of Social Issues.* 2005;61(2):265–285.

References

1. Sapozhnikova TI. Socio-gerontological characteristic of old age and aging as a life cycle phase. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya, sotsiologiya, kul'turologiya, sotsial'naya rabota.* 2015;4:166–171. Russian.
2. Kurysheva OV. Corporal aspects of display of age. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 11. Estestvennye nauki.* 2012;1:89–93. Russian.
3. Zagorets IV. Age discrimination in the labour in the Republic of Belarus. *Labour. Trade Unions.* 2011;1:22–25. Russian.
4. Aleksandrova MD. *Problemy sotsial'noi i psikhologicheskoi gerontologii* [Problems of social and psychological gerontology]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta; 1974. 136 p. Russian.
5. K'neva IM. [Attitudes towards aging among people in early and middle adulthood]. In: Strizhitskaya OYu, editor. *Psikhologiya XXI veka: rossiiskaya psikhologiya v kontekste mirovoi nauki. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*

molodykh uchenykh; 19–21 aprelya 2016 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya [Psychology of the XXI century: Russian psychology in the context of world science. Materials of the international scientific conference of young scientists; 2016 April 19–21; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: SKIFIYA-print; 2016. p. 70–71. Russian.

6. Ovsyanik OA. Adaptation of women of second adult period of their life. *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*. 2011;11:341–344. Russian.

7. Strizhitskaya OYu, Juncos-Rabadan O. Modern directions in European psychology of aging. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Seriya 16. Psikhologiya. Pedagogika*. 2014;2:66–71. Russian.

8. Myint PK, Welch AA. Healthier ageing. *British Medical Journal (Clinical Research Edition)*. 2012;344:e1214. DOI: 10.1136/bmj.e1214.

9. Shabalin VN. The psychology of longevity. *Health care of the Russian Federation*. 2014;58(1):3–6. Russian.

10. Molchanova ON, Kharitonov AV. Personal factors of moral responsibility in adolescence. In: Obukhova LF, Shapovalenko IV, Odintsova MA, editors-compilers. *Gorizonty zrelosti. Sbornik tezisov uchastnikov Pyatoi vsrossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po psikhologii razvitiya; 16–18 noyabrya 2015 g.; Moskva, Rossiya* [Maturity horizons. Collection of abstracts of the participants of the Fifth All-Russian scientific and practical conference on developmental psychology; 2015 November 16–18; Moscow, Russia]. Moscow: Moscow State University of University of Psychology and Education; 2015. p. 579–582. Russian.

11. Smirnova TV. [Ageing people: stereotypic image and social distance]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2008;8:49–55. Russian.

12. Kuryshva OV. Social and psychological research of youth's age related stereotypes. *Science Journal of Volgograd State University. Series 7. Philosophy. Sociology and Social Technologies*. 2010;2:105–116. Russian.

13. Miklyaeva AV. *Vozrastnaya diskriminatsiya kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen* [Age discrimination as a social and psychological phenomenon]. Saint Petersburg: Rech'; 2009. p. 163. Russian.

14. Ovsyannikova NV. Public perceptions of the old age in culture space. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. Chast' 2*. 2016;7(49):150–153. DOI: 10.18454/IRJ.2016.49.083. Russian.

15. Boduroglu A, Yoon C, Luo T, Park DC. Age-related stereotypes: a comparison of American and Chinese cultures. *Gerontology*. 2006;52:324–333. DOI: 10.1159/000094614.

16. Romanychev IS. Social stereotypes about old age: contradictions and trends. *The Herald of Middle Russia's Social Sciences*. 2013;1:64–68. Russian.

17. Hyde M, Nash P, Schneiders M. Global cultures of ageing: attitudes to ageing around the world. *Innovation in Aging*. 2018;2(1):73. DOI: 10.1093/geroni/igy023.273.

18. Patsakula II, Khachikyan EI, Zaichikova IV. Socio-psychological features of accepting old age. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*. 2020;2(51):94–100. DOI: 10.33463/2072-8336.2020.2(51).094-100. Russian.

19. Calo TJ, Patterson MM, Decker WH. Employee perceptions of older workers' motivation in business, academia, and government. *International Journal of Business and Social Science*. 2013;4(2):1–10.

20. Ovchinnikova LV. [Psychophysiological a condition of the elderly person during his retirement]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie, zdravookhranenie, fizicheskaya kul'tura*. 2012;8:22–27. Russian.

21. Cuddy AJ, Norton MI, Fiske ST. This old stereotype: the pervasiveness and persistence of the old age stereotype. *Journal of Social Issues*. 2005;61(2):265–285.

Статья поступила в редакцию 14.06.2020.
Received by editorial board 14.06.2020.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

CRITICS, BIBLIOGRAPHY

Философия : учеб. пособие / А. И. Зеленков [и др.] ; под ред. А. И. Зеленкова. Минск : РИВШ, 2020. 352 с.

Philosophy : textbook / A. I. Zelenkov [et al.] ; ed. by A. I. Zelenkov. Minsk : Nat. Inst. for Higher Education, 2020. 352 p. Russian.

Принимая во внимание исключительную роль философии в структуре социально-гуманитарного образования, ее методологический потенциал в процессе формирования мировоззрения и духовной культуры человека и общества, авторский коллектив именитых белорусских ученых под руководством профессора А. И. Зеленкова разработал оригинальное учебное пособие по соответствующей учебной дисциплине для учреждений высшего образования.

Актуальность настоящей работы обусловлена целым рядом обстоятельств. К ним в первую очередь следует отнести необходимость приведения университетского учебного курса по философии в соответствие с положениями учебной программы, составленной с учетом современных тенденций и реалий образовательного процесса. Учебный университетский курс по данной дисциплине направлен на формирование философской культуры, глубокое и системное усвоение студентами основ мировой философской традиции, творческое ее использование в контексте рассмотрения актуальных проблем духовного и социального развития. Все это отражено в рецензируемом издании.

Следует отметить, что на данный момент нет других учебных пособий по философии, созданных в соответствии с основными положениями новой типовой учебной программы, которая разработана в контексте Концепции оптимизации содержания и структуры цикла социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования Республики Беларусь.

Анализ содержания учебного пособия «Философия» позволяет судить о глубоком понимании авторами уникальной роли философской рефлексии в постижении общих закономерностей бытия и мышления, позволяющей определять характер

конкретного мировоззрения и системы ценностных ориентаций. Именно на выполнение этой важнейшей задачи философского знания ориентирована работа белорусских специалистов.

В процессе подготовки пособия был обстоятельно изучен опыт преподавания философских курсов в различных белорусских и зарубежных университетах. Несмотря на широкий диапазон подходов к организации преподавания, в западной традиции явно преобладает инструментальная версия интерпретации философии. Указанное обстоятельство определило в конечном счете ориентацию авторского коллектива на отечественный опыт советского и постсоветского периодов университетского образования. Отечественные философские и культурные традиции, по мнению членов авторского коллектива, предлагают более универсальную и предпочтительную в мировоззренческом отношении интегральную модель преподавания философии на различных уровнях высшего и последиplomного образования. Здесь нельзя не согласиться с указанным подходом, особенно если обратить внимание на личностную и гражданскую составляющие классического университетского образования. Именно приверженность данным гуманитарным традициям составляет одну из существенных характеристик рецензируемого издания.

Еще одной важной особенностью пособия выступает продуманный и взвешенный подход к пониманию роли традиционных и инновационных технологий обучения. Авторский коллектив отдает должное расширению сферы применения активных современных методов с учетом информационной специфики социальной динамики. Вместе с тем, как совершенно справедливо указывают авторы, следует учитывать безусловную укорененность философской рефлексии в классической традиции, что предполагает сохранение и эффективное использование испытанных временем методов и форм взаимодействия преподавателя философии с аудиторией. Среди них по-прежнему сохраняет приоритет устное общение субъектов учебного процесса.

Авторы пособия подчеркивают (и это их принципиальная установка), что лекционные занятия должны оставаться основополагающей формой коммуникации преподавателя и студента. Это следует из самой специфики философского знания, его существенных характеристик. Именно в философии информационно-содержательные компоненты неотделимы от личностных и нормативно-ценностных аспектов, что органично может найти свое отражение в лекции. Кроме того, данная форма учебной коммуникации способна самым наглядным образом передавать проблемные стороны философии как учебной дисциплины, неопределенность ряда парадигмальных основ.

Все это хорошо объясняет то обстоятельство, что в структуре учебного пособия центральное место отведено именно лекциям по философии, в которых не только приводится основное содержание учебной дисциплины, но и осуществляется концептуально обоснованная реконструкция его становления. Следует отметить системность, логическое построение и ясность изложения материала. При чтении создается впечатление зримого живого присутствия в аудитории, что, безусловно, можно отнести к очевидным достоинствам настоящего издания.

В целом пособие характеризуется свежестью, оригинальной и тщательной проработкой не только лекционного курса, но и всех остальных элементов его структуры.

К важным заслугам авторов следует отнести также удачную структурированность текста. Несмотря на явную приверженность авторов проверенным классическим подходам, определения основных терминов и комментарии к ним фактически адаптированы к использованию современных мультимедийных средств и методик.

Высокий уровень профессионализма и богатый педагогический опыт членов авторского коллектива позволили добиться точной адресности и доступности преподнесения учебного материала. Далеко не каждый современный учебник может характеризоваться этими качествами. Речь идет о студентах университета нефилософских специальностей, для которых прежде всего и предназначается настоящее учебное пособие. Есть все основания полагать, что авторы в значительной мере учли уровень общей гуманитарной подготовки слушателей, а также

особенности восприятия этой многочисленной и весьма разнообразной аудитории.

Успех в указанном направлении определен еще двумя обстоятельствами. Во-первых, авторский коллектив добился поставленной цели, интегрировав в своей работе высокий уровень содержательной репрезентативности и системности. Во-вторых, авторы принципиально отказались от весьма популярной идеи профилизации курса философии с учетом особенностей обучения по различным специальностям. Названные подходы позволили разработать современное оригинальное учебное пособие, призванное задать прежде всего базовые мировоззренческие и методологические принципы, а также познакомить студентов с основными структурно-содержательными элементами университетского курса по философии. Кроме того, в книге не представлен анализ философско-методологической и социокультурной проблематики, являющейся частью содержания специальных учебных курсов, что значительно облегчает восприятие материала.

Учебное пособие «Философия», изданное под редакцией профессора А. И. Зеленкова, в полной мере соответствует основным принципам и положениям новой редакции типовой программы и Концепции развития высшего образования в Республике Беларусь. В работе системно и репрезентативно раскрыты основные проблемы философии как учебной дисциплины, концептуальные особенности философского знания в его историко-логической и теоретической интерпретации. По сути, пособие содержит в себе основные элементы учебно-методического комплекса, позволяющего не только методически и информационно сопровождать учебный процесс, но и ориентировать студентов университета на самостоятельную работу с различными источниками философской мысли.

Рецензируемая работа, без сомнения, может вызывать значительный интерес не только у студентов, но и у самого широкого круга читателей, интересующихся философией.

Следует поблагодарить авторский коллектив за проделанную огромную работу по созданию действительно актуального современного учебного пособия.

*П. П. Крусь*¹

¹Павел Павлович Крусь – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и экономики юридического факультета Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина.

Pavel P. Krus', PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and economics, faculty of law, Brest State A. S. Pushkin University.

E-mail: filosof@brsu.brest.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 316.6(075.8)+316.77(075.8)

Колмаков А. А. **Деформации социальных отношений и общения** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 80 03 «Психология», профилизация «Социальная психология» / А. А. Колмаков ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 260 с. Библиогр. : с. 258–260. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/248819>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 30.09.2020, № 012230092020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов 2-й ступени высшего образования (магистратура) специальности «психология», а также для студентов и аспирантов специальностей психолого-педагогического профиля.

Содержание ЭУМК предполагает изучение социально-психологических факторов, механизмов и видов деструктивных социальных явлений на различных уровнях социальных отношений и общения, расширение границ академических знаний и представлений о человеческих отношениях, раскрытие проблемных зон для научных исследований и практической деятельности профессионала-психолога.

УДК 316.6(075.8)

Колмаков А. А. **Социальная психология личности** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 80 03 «Психология», профилизация «Социальная психология» / А. А. Колмаков ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 247 с. Библиогр. : с. 246–247. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/248820>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 30.09.2020, № 012330092020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов 2-й ступени высшего образования (магистратура) специальности «психология», а также для студентов и аспирантов специальностей психолого-педагогического профиля.

Содержание ЭУМК предполагает изучение значимых социально-психологических характеристик личности и ее социального поведения, широко применяемых в исследованиях социально-психологических явлений, формирование системного представления о личности как базовой категории в профессиональных знаниях и будущей профессиональной деятельности.

УДК 101.1:316(06)

Человек. Культура. Общество [Электронный ресурс] : сб. науч. ст. 17-й ежегод. науч. конф. студентов и аспирантов фак. философии и соц. наук Белорус. гос. ун-та (Минск, 23 апр. 2020 г.) / БГУ ; [редкол.: Г. А. Фофанова (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 747 с. : табл. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/250110>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 26.10.2020, № 013426102020.

В сборник включены доклады студентов, магистрантов и аспирантов факультета философии и социальных наук, естественно-научных и гуманитарных факультетов БГУ, учреждений высшего образования Беларуси и России, представленные на 17-й ежегодной научной конференции студентов и аспирантов «Человек. Культура. Общество».

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Рубанов А. В.</i> Самоценность жизни или культ средства: ценностная альтернатива	4
<i>Григорьева А. О.</i> Коммуникативное пространство компьютерных игр: ретроспективный анализ	10

ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ

<i>Верещако А. И.</i> Саморасширение и квазидругой как фундаментальные понятия постфеноменологической стратегии философии техники	15
---	----

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Никонов А. Н.</i> Краткая история формирования и деятельности Витебского круга М. Бахтина ...	20
<i>Дудчик А. Ю.</i> Глобальная история философии Г. Скирбекка как изучение множественных модернизаций	25

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Курбачёва О. В.</i> Идеология расизма: сущность, становление и трансформация в современных условиях	31
<i>Добродородний Д. Г.</i> Информационная активность личности как условие информационной открытости общества	39
<i>Колядко И. Н.</i> Трансформация идентичности и противоречия постидеологической реальности ...	44

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Валитова И. Е.</i> Психологическая защита в структуре материнского отношения к ребенку раннего возраста с неврологической патологией	52
<i>Ксёнда О. Г., Ковтуненко Е. О.</i> Особенности домашнего обучения в Республике Беларусь	67
<i>Семак В. И.</i> Исследования влияния интернета на сознание личности в странах постсоветского пространства	76
<i>Шестиловская Н. А.</i> Факторная структура копинг-стратегий здоровых спортсменов и паралимпийцев	87
<i>Татарко К. И.</i> Характеристики социальных установок о старении в период поздней взрослости ...	97

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Крусь П. П.</i> Философия [учебное пособие]	105
Аннотации депонированных в БГУ работ	107

CONTENTS

SOCIAL RESEARCHES

<i>Rubanau A. V.</i> Self-value of life or cult of means: value alternative.....	4
<i>Grigorieva A. O.</i> The communicative space in computer games: retrospective analysis	10

PHILOSOPHY OF TECHNOLOGY

<i>Verashchaka A. I.</i> Self-extension and a quasi-other as fundamental concepts of postphenomenological approach of the philosophy of technology	15
--	----

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Nikonov A. N.</i> A brief history of the formation and activities of the M. Bakhtin Viciebsk circle	20
<i>Dudchik A. Yu. G.</i> Skirbekk's global history of philosophy as a study of multiple modernisations	25

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Kurbacheva O. V.</i> The ideology of racism: essence, formation and transformation in modern conditions	31
<i>Dabrarodni D. G.</i> Information activity of an individual as a condition of information openness of society	39
<i>Kolyadko I. N.</i> Transformation of identity and contradictions of postideological reality.....	44

PSYCHOLOGICAL RESEARCHES

<i>Valitova I. E.</i> Psychological defence in a structure of maternal relation to an early age child with neurological pathology.....	52
<i>Ksionda O. G., Kovtunenka E. O.</i> Features of home schooling in the Republic of Belarus	67
<i>Semak V. I.</i> The researches of the influence of the Internet on the consciousness of the personality in the post-Soviet countries.....	76
<i>Shetilovskaya N. A.</i> Factor structure of coping strategies healthy athletes and paralympians.....	87
<i>Tatarko K. I.</i> Characteristics of attitudes about aging in late adulthood.....	97

CRITICS, BIBLIOGRAPHY

<i>Krus' P. P.</i> Philosophy [textbook]	105
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....	107

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета.
Философия. Психология.
№ 1. 2021**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Философия. Психология»
издается с 2007 г.

До 2017 г. выходил под названием
«Философия и социальные науки»
(ISSN 2218-1385).

Редакторы *А. В. Агеева, С. Е. Богуш*
Технический редактор *А. Ю. Лецинская*
Корректор *Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 29.01.2021.

Тираж 100 экз. Заказ 63.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2021

**Journal
of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology.
No. 1. 2021**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Journal of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology»
published since 2007.

Until 2017 named
«Filosofiya i sotsial'nye nauki»
(ISSN 2218-1385).

Editors *A. V. Ahejeva, S. J. Bohush*
Technical editor *A. Y. Leshchinskaya*
Proofreader *L. A. Merkul'*

Signed print 29.01.2021.

Edition 100 copies. Order number 63.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March 2014.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2021